

СОБ **EVENTS**

В **IN**

КО **COMMUNI**

КА **CATION**

И **AND**

КО **COGNITION**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

СОБЫТИЯ В КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

19–20 мая 2016 года

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Ministry for Education and Science of the Russian Federation

Federal State Budgetary Educational Institution for Higher Education
«Moscow State Linguistic University»

EVENTS IN COMMUNICATION AND COGNITION

THE INTERNATIONAL CONFERENCE

19–20 May 2016

Book of Abstracts

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

УДК 80(065)
С54

*Конференция «События в коммуникации и когниции» проводится
при поддержке Российского научного фонда
(грант № 14-48-00067)*

Редколлегия сборника:

доктор филологических наук, профессор О. К. Ирисханова
(ответственный редактор);

кандидат филологических наук, доцент М. В. Томская
(зам. ответственного редактора);

Д. В. Вафина

События в коммуникации и когниции: материалы Международной научной
С54 конференции (= Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts).
Москва, 19–20 мая 2016 г. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – 175 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Boutet D., Morgenstern A.</i>	
Grammatical Aspect and Gesture in French: Reenacting Past Events	11
<i>Cienki A.</i>	
Qualities of Event Construal in Speech and Gesture: Aspect and Tense	13
<i>Гусейнова И. А.</i>	
Способы вербализации событий в современном отечественном ретродетективе	15
<i>Демьянков В. З.</i>	
О мультидисциплинарности исследования событий	16
<i>Iriskhanova O.</i>	
Events in Speech and Gesture: Do Russians Prefer Boundaries?	17
<i>Janda L. A.</i>	
The Classification of Event Structures in Russian	19
<i>Крейдлин Г. Е.</i>	
Походка – слово и жест	22
<i>Кибрик А. А., Федорова О. В.</i>	
Влияние структуры зрительных стимулов на событийную структуру дискурса	24
<i>Mittelberg I.</i>	
Multimodal Speech Events: Jakobsonian Perspectives on Their Metonymic and Multifunctional Nature	25
<i>Muller C.</i>	
Gestures as Motion Events. Embodied Grounding of Aspectual Event Construal	28
<i>Потанова Р. К.</i>	
Перцептивно-слуховая дивергенция в оценке эмоционально-модального состояния иноязычного партнера по коммуникации	30
<i>Rakhilina E.</i>	
Towards a Typology of Falling Events	31
<i>Zabotkina V.</i>	
Representation of Cultural Events in Mental Models and Discourse	33

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Авдонина М. Ю., Жабо Н. И., Чернышева И. Б.</i>	
Экологические термины в политическом дискурсе	36
<i>Андреева С. А.</i>	
Поэтическое преломление события как ключ к поэтическому видению мира	38
<i>Анищенко А. В.</i>	
О факторах успешности коммуникативных событий в условиях второго высшего лингвистического образования	39

<i>Beloglazova E., Sergaeva Yu.</i> Linguistic Creativity in Fiction and Science	40
<i>Белоголова А. С.</i> Лингвокогнитивные и прагматические особенности моделирования события «международный конфликт» в англо-американских СМИ (на примере конфликта в Сирии)	42
<i>Беляевская Е. Г.</i> Моделирование семантики события: событие vs событийность	44
<i>Блинников Г. Б.</i> Адъективная репрезентация громкости в итальянском языке	45
<i>Блинникова И. В., Измалкова А. И.</i> Влияние пространственного расположения, частотности и эмоциональной валентности целевых стимулов на результаты и параметры движений глаз в процессе поисковой активности	47
<i>Борисова Е. Г.</i> Аналитическая номинация событий	49
<i>Братцева А. Л.</i> События на пересечении обыденного и научного знания: биологические термины в СМИ	50
<i>Бурова В. Л.</i> Учет когнитивных параметров стиля в процессе перевода (на примере устного перевода)	52
<i>Ваничкина А. С.</i> Жанр судебного выступления адвоката (на примере выступлений в Верховном Суде США)	53
<i>Вафина Д. В.</i> Шутка как полимодальное коммуникативное событие	54
<i>Верещагина А. В.</i> Репрезентация библейских событий в русских и французских фразеологических единицах, образованных от антропонимов	56
<i>Виноградова В. Л.</i> Фактические и контрфактические высказывания в русском жестовом языке	57
<i>Волкова О. С.</i> Событийная аттрактивность текста новостного сообщения	59
<i>Голикова М. С.</i> Позднеантичная трансформация процесса коммуникации в событии «верность»	61
<i>Голубина К. В.</i> Ультракоткий рассказ как продукт межжанровой гибридизации (на примере современных американских рассказов)	62
<i>Голубкова Е. Е.</i> Прецедентное событие сквозь призму прецедентного имени (на материале английского, немецкого и португальского языков)	63

<i>Гришаева Л. И.</i>	
Способы репрезентации медиасобытия в медиадискурсе	65
<i>Гусева А. П.</i>	
Репрезентация явления полимодальности в современном экспериментальном жанре художественной литературы	67
<i>Денисова В. А.</i>	
Категория аспекта и конструирование событий в полимодальной коммуникации (на материале русского языка)	68
<i>Дьячкова И. Е.</i>	
Концептуализация события в семантике фразеологизма в условиях индивидуальной дискурсивной номинации (на материале английских идиом с компонентом-антропонимом)	70
<i>Евтушенко О. В., Ба Юйсинь</i>	
Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества	71
<i>Захарова А. Г.</i>	
Прецедентное имя Robin Hood как событийный фрейм	73
<i>Измалкова А. И., Блинникова И. В., Кирсанова С. А.</i>	
Движения глаз при чтении и распознавании слов на иностранном языке	75
<i>Игина З. А.</i>	
Трасология нарратива: событие и его след	77
<i>Ильинова Е. Ю.</i>	
Новостное сообщение: ментальный коррелят события и медиарепрезентация	78
<i>Карпенко Е. И.</i>	
Имя как событие: пропозиции в семантике библеизмов	80
<i>Кемова К. С.</i>	
Предикативные конструкции с неличными формами как способ информационной конденсации в современном английском языке	82
<i>Киосе М. И.</i>	
Событийность в текстовых моделях непрямого наименования	83
<i>Климинская С. Л.</i>	
Когнитивное событие в контексте устойчивого развития	85
<i>Комалова Л. Р.</i>	
Вербальная реализация и слуховое восприятие коммуникативного акта «агрессия»	87
<i>Копошилко С. Б.</i>	
«Разговор с самим собой» – одно из условий успешного изучения иностранного языка	88
<i>Косиченко Е. Ф.</i>	
Личное имя в художественном дискурсе и языковом сознании	89
<i>Кузнецов В. Г.</i>	
Когнитивно-номинативный аспект внутренней формы слова	91

<i>Куковская А. В.</i>	
Блоги как звено в семиотической цепи текстов	93
<i>Куликова О. В.</i>	
Аргументация как способ дискурсивной репрезентации событийной цепочки	96
<i>Левицкий А. Э.</i>	
Событие сквозь призму языка и сознания (опыт свободного ассоциативного эксперимента)	98
<i>Leontyeva A.</i>	
Argumentative Power of Narration: a Case Study of the Court Opening Statements in the USA	99
<i>Любимова Н. В.</i>	
Событийность альпийского текста как базовая категория жанра	101
<i>Лызлов А. И.</i>	
Репрезентация события «игра» в английских паремиях	102
<i>Манухина А. О.</i>	
События Альбигойской войны (1201–1229) через призму субъективного восприятия ее участников (на материале латинской хроники и провансальской поэмы XIII века)	104
<i>Моисеенко Л. В.</i>	
Коммуникативное событие и событие в коммуникации: к дифференциации понятий	106
<i>Муратова Е. Н.</i>	
Объективация фрейма «Школа» в немецком языковом сознании	108
<i>Нагорная А. В.</i>	
Мгновенья жизни, схваченные в слове: событийная семантика английских препозитивных словосочетаний с существительным Moment	110
<i>Никуличева Д. Б.</i>	
Структура коммуникативного события как инструмент контрастивной лингвопрагматики в датском проекте «Global English for Business Communication»	112
<i>Ноздрина Л. А.</i>	
О восприятии природы в разных языках и ситуациях	113
<i>Онька Э. А.</i>	
Коммуникативное смягчение как результат дефокусирования в директивных речевых актах	115
<i>Павлова А. В.</i>	
Статальная категоризация событий в современном английском языке	116
<i>Паршин П. Б.</i>	
Семантика лексем <i>событие</i> и <i>событийный</i> в некоторых (квази)терминологических выражениях	118
<i>Петрова А. А.</i>	
От онтогенеза к социальной интеракции: опыт мультимодального исследования коммуникативного события	120

<i>Петрова С. А.</i>	
Другой как событие в познании самого себя (по произведениям Патрика Шамуазо)	122
<i>Писанова Т. В.</i>	
Реконструкция и оценка события в полисубъектной среде телевизионного новостного дискурса	124
<i>Попова Е. А.</i>	
Категория множественного числа как показатель восприятия событий в испанском и русском языках	126
<i>Попова Е. А.</i>	
Сирконстанты и проблема информативной достаточности	128
<i>Раренко М. Б.</i>	
Человек политический в фокусе	130
<i>Richter N.</i>	
Accentuation Phenomena in Questions and What They Can Tell Us about Replies	132
<i>Рыжжина Е. В.</i>	
Роль фразеологии в формировании дискурса как коммуникативного события	132
<i>Сдобнова Ю.Н.</i>	
О некоторых особенностях вербализации событий в институциональной коммуникации: дискурсивные практики Вооруженных Сил Франции	134
<i>Семина И. А.</i>	
Событие в аспекте широкоточности	136
<i>Сескутова И. К.</i>	
События в политическом дискурсе США: проблемы смыслоформирования	138
<i>Shevchenko T.</i>	
Cognitive Integration of Phonetics and Phonology (implications for L2 teaching)	139
<i>Сигал К. Я.</i>	
Локус события в зеркале пунктуации	141
<i>Синина А. И.</i>	
Иносказание как вид когнитивной схемы	142
<i>Солопенко А. В.</i>	
Трансформация семантики гендерных ролей в печатной рекламной коммуникации	144
<i>Сорокина Т. С.</i>	
Субконцепт «событие» и языковая картина мира	145
<i>Сороколетова Н. Ю.</i>	
Поздравление как коммуникативное событие политического дискурса	147
<i>Табакова В. С.</i>	
Межкультурные аспекты дискурса силовых единоборств	149
<i>Тазетдинова Р. Р.</i>	
Нереальная реальность условных предложений в английском дискурсе	150

<i>Таривердиева М. А.</i>	
Отображение событий в языковой традиции	152
<i>Токарева Н. Д.</i>	
Лингвистические стратегии манифестации отношения социально-обусловленной группы к важнейшим политическим событиям в стране (на материале британской прессы)	153
<i>Томская М. В.</i>	
Научная конференция как событие	154
<i>Трошина Н. Н.</i>	
Языковые аспекты когнитивного стиля	156
<i>Фадеева Г. М.</i>	
Рождественское обращение президента ФРГ как медиасобытие	157
<i>Халалева А. Ю.</i>	
Полиmodalные средства презентации коммуникативного события в Интернет-дискурсе	159
<i>Хрисонопуло Е. Ю.</i>	
Языковая репрезентация будущего события в диалоге (на примере предикаций с глаголом <i>will</i> в английских условных придаточных предложениях)	160
<i>Цветаева Е. Н.</i>	
Процесс «фразеологического» открывания дверей как ментально-вербальный феномен	161
<i>Цветкова К. А.</i>	
Анализ мультимодальности институционального дискурса при сравнении страниц сети Интернет	163
<i>Цибуля Н. Б.</i>	
Соотношение жестов, просодии и значения слов	164
<i>Шишова О. М.</i>	
Коммуникативно-прагматическая норма поведения участников виртуальной коммуникации (на примере немецкоязычного сетевого дневника)	166
<i>Шпетный К. И.</i>	
Событие: стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии. Часть II	167
<i>Эсаулова И. Ю.</i>	
Прагматичность дискурса неопределенности	169
<i>Юрьева Н. М.</i>	
Структура события в устном повествовании детей	171
<i>Яблокова Т. Н.</i>	
Современные подходы к изучению эмоционального в лингвистике	173

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

D. Boutet, A. Morgenstern

Boutet D., LIAS/IMM (EHESS & CNRS), Université d'Evry-Val-d'Essonne, Evry
Morgenstern A., Sorbonne Nouvelle University, Paris

GRAMMATICAL ASPECT AND GESTURE IN FRENCH: REENACTING PAST EVENTS¹

A multimodal approach to the expression of past events in oral interactions can shed light on how we can incorporate gestural representations of the subjects' construal of event structure and correlate them with the verb forms used. But if the differences in the grammatical options that different languages provide for characterizing events influence thinking in the moment-by-moment processes of talking, which Slobin (1996) calls "thinking for speaking", are those differences also clear in the quality of the co-verbal gestures we use?

In order to tackle this issue, we analyzed the grammatical aspects, tense and time as well as gestures used by pairs of students as they related past events in the framework of the research conducted in the PolimodLab (of the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies) directed by Alan Cienki. In this paper, we will focus on French and on the verbal forms in the *imparfait*, and *passé composé* with their associated gestures.

We transcribed the data in ELAN and annotated it using the coding scheme for aspect, time and tense and the boundary schemas developed in the project (Müller, 2000) differentiating what we called "bounded" and "unbounded" gestures. We adjusted the coding of gesture units temporally to their production as seen in the video. This allowed us to do searches in ELAN to find out how often a given Tense Form or Time Meaning was being produced accompanied by a Gesture.

We then developed a more specific coding system to make finer grain analyses of the speakers' co-verbal gestures. Rather than using the

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation (grant № 14-48-00067).

form features common in gesture research (McNeill, 1992), our study is based on a physiologically-based kinesiological system (Boutet, 2010). Our allocentric approach accounts for gesture units not in terms of their iconicity, but based on their formal characteristics and physiological constraints, which we call degrees of freedom. We coded the flow of the movement, the number of segments involved (fingers, hand, arm, forearm...), the configuration of the gesture and velocity.

The results of the coding of the boundary schemas in the French data confirmed our hypothesis: there was a significant correlation between bounded gestures and the perfect tense (*passé composé*) as well as between unbounded gestures with the imperfect tense (*imparfait*). The aspectual difference between *passé composé* and *imparfait* seems to be embodied in the quality of the gestures used.

Our first qualitative results using the detailed kinesiological coding system on 15 % of the data indicates that the main feature that seems to differentiate the gestures associated to the *imparfait* to those associated to the *passé composé* is the flow of the movement. For the *imparfait* over 60 % of the gestures are characterized by a proximal-distal flow (from the arm down to the fingers). Conversely, the gestures associated to the *passé composé* are distal-proximal (from the fingers up to the shoulder) in 80% of cases.

This difference could be viewed as an embodiment of the link between *imparfait* and “ground” versus *passé composé* and “figure” (Langacker, 2001) and illustrates how research on speakers’ gestures can provide ways of studying their conceptualization of grammatical notions as they are speaking.

Key words: gestures; aspect; past events; boundary schemas; multi-modal interaction.

Ключевые слова: жесты; прошлые события; схемы предельности; полимодальная коммуникация.

REFERENCES

1. Boutet, D. Structuration physiologique de la gestuelle: modèle et tests // *LIDIL*. – 42. – 2020. – P. 77–96.
2. McNeill, D. Hand and Mind: what gestures reveal about thought. – Chicago: University of Chicago Press, 1992.
3. Müller, C. Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. – Berlin : Berlin Verlag A. Spitz, 2000.

4. *Slobin, D.* From “thought and language” to “thinking for speaking” / J. J. Gumpert & C. Levinson (Eds.) *Rethinking linguistic relativity*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 70–96.

A. Cienki

VU University Amsterdam, Moscow State Linguistic University

QUALITIES OF EVENT CONSTRUCTION IN SPEECH AND GESTURE: ASPECT AND TENSE¹

This talk will present some results of an international project on verbal and co-verbal means of “event construction” (understood as per Langacker, 1987), based at the PoliMod Lab in SCoDis at Moscow State Linguistic University and also involving teams from France and Germany. French, German, and Russian were chosen as languages for analysis, motivated by the differing morphological and/or lexical means that are used in the three languages for talking about different types of events. Whereas French and German rely on a variety of tense forms, particularly to talk about events in the past, German prefixes on verbs additionally highlight numerous distinctions of manner of action (Aktionsart or “lexical aspect”), while Russian’s simple tense system (past, present, future) is complemented by a distinction of two grammatical aspect categories as well as categories of Aktionsarten marked by verbal affixes.

The study focuses on the relations of grammatical aspect and tense to the qualities of speakers’ coverbal gestures with verbs used to refer to events in the past. In previous research, Duncan (2002) showed that the duration of gesture strokes tends to be longer and more agitated with event descriptions in the “imperfective” than with those using “perfective” verb forms in English and in Mandarin Chinese. In the present study, narratives about different types of events were elicited using a protocol from Becker et al. (2011) with native speakers of French, German, and Russian. Coverbal gestures were analyzed using a system of “boundary schemas” developed for this project, based on (Müller, 2000). These have to do with whether the stroke of a given gesture phrase involves a pulse of effort (“bounded”) or not (“unbounded”),

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation (grant № 14-48-00067).

the analysis of which involved attention to kinesiological parameters (Boutet, 2010) based on physiological features of the hand and arm. Bounded gestures were hypothesized to correlate more with perfective aspect and perfect tenses, and unbounded gestures with the imperfective aspect and imperfect tenses.

The results showed a different pattern for each language, with German supporting the hypothesis, French supporting it only with the perfect tense, and Russian showing more use of bounded gestures regardless of the verb aspect. We propose an interpretation of the findings in relation to the functions of the tense / aspect categories in each language and the lexical properties of the verbs. A follow-up study considered whether comprehension time by native speakers of each language was affected by viewing clips from the videos where an edited mismatch was produced between verb aspect / tense type and the type of gesture that went with it or not (bounded or unbounded). No significant effect was found, which could be due to the multifunctionality of gestures. However, across the languages, an almost significant effect ($p=0.05$) was found for faster recognition of verbs seen with bounded gestures than with unbounded ones, suggesting different roles for these qualities in multimodal communication.

Key words: aspect; tense; gesture; event construal; Russian; German; French.

Ключевые слова: вид; время; жесты; конструирование событий; русский, немецкий, французский языки.

REFERENCES

1. *Becker, R., Cienki, A., Bennett, A., Cudina, C., et al.* Aktionsarten, speech and gesture, 2011.
2. *Boutet, D.* Structuration physiologique de la gestuelle: Modèle et tests, 2010.
3. *Duncan, S.* Gesture, verb aspect, and the nature of iconic imagery in natural discourse, 2002.
4. *Langacker, R.* Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites, 1987.
5. *Müller, C.* Zeit als Raum: Eine kognitiv-semantische Mikroanalyse.

И. А. Гусейнова

МГЛУ, г. Москва

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ РЕТРОДЕТЕКТИВЕ

Доклад посвящен ретродетективу – популярному жанру литературного дискурса, который сегодня в большой мере определяет и формирует ценностное отношение современного читателя к культурно-историческому прошлому.

Выбор в пользу упомянутого жанра не является случайным. Во-первых, ретродетектив отличается сценарным характером, позволяющим его адаптацию к специфике коммуникационного канала передачи его содержания. Во-вторых, ретродетективы при наличии инновационных технологий могут быть трансформированы в ту жанровую форму, которая наиболее полно отвечает предпочтениям и вкусам целевой аудитории. В-третьих, ретродетектив обладает творческим потенциалом, который может быть раскрыт в различных типах сред. В-четвертых, сакральное мифотворчество, присутствующее в ретродетективах, вербализуется при помощи определенного, довольно ограниченного репертуара языковых средств.

Расширение ценностных систем за счет увеличения вторичных, преимущественно материальных ценностей, приводит к тому, что культурное наследие вынуждено себя «материализовывать», т. е. постоянно доказывать свою нематериальную значимость, что представляется весьма сложным в условиях рыночных отношений, предполагающих, прежде всего, куплю-продажу «вещных» ценностей – предметов потребления, быта и повседневности. В этом отношении культуртеймент, нередко обозначаемый современными учеными как «уродливое слово и ужасное явление» (Смит, 2015, с. 72)¹, является определяющим при распространении культурных фактов в условиях глобализма, с одной стороны, и сохранением национально-культурного своеобразия, с другой стороны.

Следует отметить, что культуртеймент пронизывает гуманитарное пространство и включает организацию музейных проектов

¹ Смит Т. Осмысляя современное кураторство. – М. : ад Маргинем Пресс, 2015. – 272 с.

или отдельных выставок, перформансов, представлений, биеннале и т. п. с целью создания отдельным городам реноме театральных, художественных или, например, литературных столиц. В этом свете обращение к историческому прошлому, воссоздание атмосферы в стиле ретро способствует привлечению внимания к культурной жизни, а также к формированию, как индивидуальных жизненных пространств, так и культурного пространства целых социумов, предлагая многочисленные варианты обустройства среды обитания в мегаполисе и за его пределами.

Важно, что ретро позволяет современному человеку оценить события прошлого, понять истоки настоящего, проинтерпретировать современность и оказать влияние на формирование гуманитарного пространства. Отметим то немаловажное обстоятельство, что реципиент отдает предпочтение доступным источникам информации, которые можно найти либо в семейной библиотеке, либо в виртуальной среде. В этом смысле ретродетективы вполне отвечают критериям доступности.

Переживая описываемые в ретродетективе события, обычный человек превращается в творца – создателя ментального и социального пространства, пребывание в котором доставляет ему удовольствие и позволяет сохранить культурную преемственность, выступающую связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим.

Ключевые слова: ретродетектив; событие; культуртейнмент; жанр; культура.

Key words: retro crime story; event; culturetainment; genre; culture.

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН, Москва

О МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОБЫТИЙ

Исследование событийности в тексте и в жизни человека мультидисциплинарно, обладая, среди прочего, следующими аспектами, границы между которыми очень зыбки:

– Языковой аспект, которым занимаются лингвистика текста, лингвистика дискурса, лингвистика разговорной речи и т. п.

Интерпретация текста о событиях предполагает определенный уровень «культуры чтения», включая «менеджмент знаний».

– Психологический аспект, включающий исследование того, почему и как текст о событиях выстраивается вокруг главной фигуры, что при этом затушевывается, как (с психологической точки зрения) человек выбирает события, заслуживающие упоминания и пользующиеся в обществе «спросом», а также каковы психологически уместные способы подачи событий, учитывающие интересы потенциального читателя. Одним из направлений такого исследования является установление факторов, сказывающихся на действенности текстов сообщений, активизирующие в читателе чувство сопричастности к тем или иным событиям.

– Культурологический аспект: исследование того, как в различных культурах преподносятся и создаются события, как истолковываются сообщения о них в опоре на культурные традиции читателей и авторов сообщений.

Ключевые слова: событийность; языковой, психологический культурологический аспекты изучения события; интерпретация текста.

Key words: event; linguistic, psychological, cultural aspects of event studies; text interpretation.

O. Iriskhanova

MSLU, Moscow

EVENTS IN SPEECH AND GESTURE: DO RUSSIANS PREFER BOUNDARIES?¹

Recent multimodal studies of events in different languages show systematic correspondence between lexico-grammatical characteristics of linguistic expressions and certain features of co-speech gestures (Cienki, 2013; Mueller et al., 2013). In Cognitive Linguistics formal, functional and semantic similarities between speech and hand gestures are explained by the fact that both verbal and non-verbal (gestural) units are linked to “thinking-for-speaking” (Slobin, 1987; McNeill, Duncan, 2000) and derive from highly abstract mental schemas. As a result, traditionally grammatical terms, such as negation, modality,

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation (grant № 14-48-00067).

plurality, tense, aspect, etc., become part of gestural studies. Most of the researchers focus on the universal dimensions of speech-gesture correlation showing that the components of multimodal constructions are motivated by cognitive processes, such as metaphor, metonymy, iconicity, etc. Much less attention is devoted to the differences between languages in this respect.

Drawing on the works by A. Bondarko, A. Cienki, C. Mueller, V. Plungian, L. Yanda, I address some of the issues concerning the correlation between gestures and aspectuality in the Russian language. The starting point for the present paper is the results obtained by the research group headed by A. Cienki at Moscow State Linguistic University (PoliMod Lab). Oral narratives about past events produced by native speakers in French, German and Russian were investigated to find out if the gestural forms sustain the perfective/imperfective opposition of the verbs in three languages (see the abstracts by A. Cienki, C. Muller, A. Morgenstern and D. Boutet, this volume). The research was based on the assumption that the distinction between bounded and unbounded events (Z. Vendler), canonically expressed by the perfective/imperfective opposition of the verb forms, is repeated in the bounded and unbounded gestural movements, i.e. movements with or without a pulse of effort (Mueller, 1998). While the French data confirmed the original hypothesis, the Russian participants demonstrated clear preference for bounded gestures with both perfective and imperfective verb forms. The same tendency is observed in the oral descriptions of paintings, produced by Russian native speakers. In this talk I try to provide an explanation for this asymmetry. So, a new dimension is added to the research through the analysis of the co-occurrences of bounded gestures with imperfective past and present tense forms.

I argue that for the study of multimodal construal of events it is important to take into account specific characteristics of the event construal that may override the schematic feature of boundedness / unboundedness. The video data show evidence that the patterns for gestural choices may be related to the stage or the component of an event, which is being profiled at a certain moment. Other factors that can counteract the more abstract parameter of boundedness / unboundedness are the compound nature of events (T. van Dijk, V. Shabes), the influence of adjacent events on each other, evidentiality or unexpectedness of an event (esp. with historical present forms).

The implications of this work is that cross-linguistic comparison may lay the ground for further investigations into the correlation of words and gestures in different languages. The data suggest that gestures can be linked to verb forms at different levels – at a more abstract level of grammatical schemas (French) and a more specific level of contextual event construal (Russian).

Key words: event; co-speech gestures; aspect; perfective and imperfective verb forms; boundedness / unboundedness.

Ключевые слова: событие; жесты в речи; аспект (вид); совершенные и несовершенные формы глагола; предельность / неопределенность.

REFERENCES

1. *Cienki, A.* Gesture, space, grammar, and cognition // P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock & B. Szmrecsanyi (eds.). *Space in Language and Linguistics: Geographical, Interactional, and Cognitive Perspectives.* – Berlin: Walter de Gruyter, 2013. – P. 667–686.
2. *McNeill, D. and Duncan, S. D.* Growth points in thinking-for-speaking // D. McNeill (ed.). *Language and Gesture.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 141–161.
3. *Müller, C.* Iconicity and gesture // Serge Santi (ed.). *Oralité et Gestualité: Communication Multimodale, Interaction.* – Montréal / Paris: L'Harmattan, 1998. – P. 321–328.
4. *Müller, C., Fricke, E., Ladewig, S., McNeill, D., Teßendorf, S.* (Eds.). *Body – Language – Communication.* – Vol. 38.1. – 2013.
5. *Slobin, D.* Thinking for speaking. *Proceedings of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society.* – Berkeley, CA, 1987. – P. 435–445.

L. A. Janda

UiT The Arctic University of Norway

THE CLASSIFICATION OF EVENT STRUCTURES IN RUSSIAN

Russian grammar presents an elaborate system for the classification of event structures. The system is metaphorical in nature, motivated by parallels between the spatial dimensions of objects on the one hand, and the temporal dimensions of events on the other hand. While TIME IS SPACE metaphors are probably found in all languages of the world (cf. Haspelmath, 1997), the details of how this metaphor is implemented in Russian are language-specific.

The Russian TIME IS SPACE metaphor is carried out in multiple overlapping tiers. Two of these tiers are particularly relevant for event structure: aspect and verb classification.

The aspect tier overlays the conceptualization of all events as having an imperfective or perfective event structure, invoking a metaphorical comparison with physical substances and objects (Janda, 2004). Imperfective events have temporal dimensions isomorphic to the spatial dimensions of fluid substances like sand, water, or air: they lack inherent boundaries and shapes and can flow, spread and mix. Imperfective covers the following range of event types: states, heterogeneous activities, directed activities, cyclic activities, and annulled activities. By contrast, perfective events have temporal dimensions isomorphic to the spatial dimensions of discrete solid objects: they have boundaries and shapes and are unique individuals perceived as wholes that cannot occupy the same spot in the timeline. Perfective covers the following range of event types: accomplishments, achievements, runup achievements, delimitatives, perduratives, ingressesives, terminatives, punctual percepts, and semelfactives (Janda, 2015a-b). Take, for example, this sentence from the opening chapter of Tolstoy's «Детство»: «В то время как я таким образом мысленно выражалⁱ свою досаду на Карла Ивановича, он подошел^p к своей кровати, взглянул^p на часы, которые виселиⁱ над нею в шитом бисерном башмачке, повесил^p хлопущка на гвоздик и, как заметно былоⁱ, в самом приятном расположении духа повернулся^p к нам».

The three imperfective verbs (directed activity выражалⁱ, state виселиⁱ, state былоⁱ) in this sentence describe background events for which beginnings and endings are not relevant. The four perfective verbs (accomplishment подошел^p, achievement взглянул^p, achievement повесил^p, achievement повернулся^p) describe events that are crisply delimited both inherently and with respect to each other, forming a sequence of unique events.

The verb classification tier operates in the perfectivization of imperfective verbs realized by means of prefixation, resembling verb classification systems found in East Asian and Australian languages (McGregor, 2002; Janda, 2012; Dickey & Janda, 2015). Motion events metaphorically motivate the classification of verbs according to the shape of the trajectory specified by prefixes. The prefixes thus sort verbs

according to shape, and this yields roughly two types of perfectives (or two ends of a spectrum of perfectives), depending upon whether the shape of the prefix's trajectory matches or does not match the inherent shape of the event described by a verb. If the prefix matches the inherent shape of the event, it creates a perfective partner verb (a.k.a. a "Natural Perfective" cf. Janda, 2007). This is the case, for example, with verbs like *распухнуть* and *разбить*, where the meaning of APART, SWELL is already a part of both the prefix *раз-* and the verbs *пухнуть* and *бить*. If the prefix does not match the inherent shape, it creates other types of perfective verbs (a.k.a. "Specialized Perfectives" and various Aktionsarten). This is the case of verbs like *раздуть* and *растолкать* where APART, SWELL is present only in the prefix *раз-*, but not in the base verbs *дуть* and *толкать*, which receive additional lexical meaning in the prefixed perfectives.

I will explore the details of these specifically Russian TIME IS SPACE metaphors and their realization in verbal morphology in more detail in my presentation.

Keywords: aspect; event structure; morphology.

Ключевые слова: вид; структура событий; морфология.

REFERENCES

1. Dickey, St. M., Janda, L. A. Slavic Aspectual Prefixes and Numeral Classifiers: Two Kinds of Lexico-Grammatical Unitizers // *Lingua* 168, 2015. – P. 57–84. DOI: 10.1016/j.lingua.2015.09.005
2. Haspelmath, M. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. – Munich: LINCOM EUROPA, 1997.
3. Janda, L. A. A Metaphor in Search of a Source Domain: The Categories of Slavic Aspect // *Cognitive Linguistics* 15(4), 2004. – P. 471–527.
4. Janda, L. A. Aspectual Clusters of Russian Verbs // *Studies in Language* 31(3), 2007. – P. 607–648.
5. Janda, L. A. Russkie pristavki kak sistema glagol'nyx klassifikatorov // *Voprosy jazykoznanija* 6, 2012. – P. 3–47.
6. Janda, L. A. Russian Aspectual Types: Croft's Typology Revised" // Miriam Shrager, George Fowler, Steven Franks, and Edna Andrews (eds.). *Studies in Slavic Linguistics and Accentology in Honor of Ronald F. Feldstein*, Bloomington. // Slavica Publishers, 2015a. – P. 147–167.
7. Janda, L. A. Aspektual'nye tipy russkogo glagola: peresmatrivaja tipologiju Krofta // *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika /*

- Sost. A. A. Kibrik, A. D. Košelev: red. A. A. Kibrik, A. D. Košelev, A. V. Kravčenko, Ju. B. Maurova, O. V. Fedorova. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015b. – P. 213–237.
8. *McGregor, W. B.* Verb Classification in Australian Languages (Empirical Approaches to Language Typology 25). – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2002.

Г. Е. Крейдлин

РГГУ, г. Москва

ПОХОДКА – СЛОВО И ЖЕСТ

В своем трактате «Théorie de la démarche» («Теория походки»), впервые опубликованном во французском журнале «Литературная Европа» в 1833 году, великий французский писатель Оноре де Бальзак поставил ряд вопросов, ответы на которые, способны, по его мнению, «создать полную теорию походки и хороших манер»¹. В частности, он писал: «Разве нет ничего необыкновенного в том, чтобы заметить, что с тех пор, как человек научился ходить, никто не заинтересовался, почему он ходит, каким образом он ходит <...>, может ли он научиться ходить лучше, какие движения он совершает во время ходьбы, нет ли способа заставить его ходить так, а не иначе, нет ли возможности изменить, изучить его походку; меж тем эти вопросы тесно связаны со всеми философскими, психологическими и политическими системами, какие существовали в мире». Накопленные к сегодняшнему дню теоретическая база, аналитические методы и практический инструментарий могут не только уточнить постановку проблем, о которых писал Бальзак, но и решить часть из них. Этому в значительной степени способствует разработка концептуального аппарата и исследовательских приёмов современной лингвистики и невербальной семиотики – науки, основным предметом которой является телесное знаковое поведение человека в акте коммуникации в его соотношении и взаимодействии с вербальным поведением.

В докладе обсуждаются значение и некоторые особенности употребления русского слова *походка* (применительно к человеку), указываются телесные объекты, релевантные для отдельных

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 16-34-00023).

походок и видов походок, и признаки, отличающие те или иные походки либо их исполнителей.

В системе единиц телесного знакового поведения походки занимают особое место, образуя особый класс, знаковых телодвижений, имеющий целый ряд отличительных характеристик. А именно: (а) каждый элемент класса *походок*, называемый также *походка*, тесно сопряжён с идеей перемещения человека (реже – животного) в пространстве, причем перемещения не обязательно направленного в какую-то одну сторону; (б) походка – это квантуемое образование. Сказанное означает, что у походки есть некая минимальная часть, репрезентирующая всю походку; (в) походка и как референт имени класса телодвижений, и как референт имени конкретного элемента этого класса обладает явно выраженной эстетической функцией; (г) походка тесно связана с физическими, ментальными и психологическими свойствами её обладателя.

Особенно заметной является зависимость походки от актуального физического и психического состояния человека. О дисфункции телесных объектов или тела в целом опытные практикующие врачи – хирурги и остеопаты – часто судят именно по походке и определяют узкий круг возможных диагнозов чуть ли не сразу, едва пациент входит в кабинет. В докладе показано, что навязанный болью и болезнью патологический тип походки стирает её черты, усвоенные с детства, и обуславливает тот или иной вид актуальной манеры движения.

Внимательное наблюдение за манерой ходьбы важно не только для дифференциальной диагностики патологии. Походка многое говорит о настроении и актуальном ментальном состоянии человека тренерам и спортсменам, режиссёрам и актерам, да и просто всем людям, для которых изменившаяся походка у близких людей может вызвать тревогу или радость.

Ключевые слова: невербальная семиотика; походка; жест.

Key words: no-verbal semiotics, gait, gesture.

А. А. Кибрик, О. В. Федорова

Кибрик А. А., Институт языкознания РАН, МГУ, г. Москва

Федорова О. В., МГУ, РАНХиГС, г. Москва

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ ЗРИТЕЛЬНЫХ СТИМУЛОВ НА СОБЫТИЙНУЮ СТРУКТУРУ ДИСКУРСА¹

Когда человек вербализует свою мысль, один из центральных процессов – это разделение сложного ментального образа на отдельные эпизоды, группы событий, элементарные события. Такое разделение реализуется в дискурсе в виде единиц разного иерархического уровня – абзацев, предложений, клауз. Ясно, что никакого единственно верного способа членения ментального образа на части не существует. Так, пересказывая комикс или видеоклип, говорящий может представить все содержание как одно событие, а может и как группу событий. Чем обусловлены конкретные выборы, которые делает говорящий в конкретных случаях? Пытаясь ответить на этот вопрос, в этом докладе мы сосредоточимся лишь на одном иерархическом уровне – уровне элементарных событий, реализуемых в дискурсе в виде отдельных клауз.

Возможна следующая гипотеза: существенный фактор членения на события – это структура исходного визуального материала, как он был предъявлен говорящему. Мы проверяем эту гипотезу при помощи собранных нами пересказов «Фильма о грушах» У. Чейфа (Chafe, 1980). Для проверки гипотезы сначала необходимо было на основе анализа визуального ряда поделить исходный фильм на элементарные события. Существующие описания, представленные, в частности, в работе (Du Bois, 1980), а также кинематографический подход (каждое из 43 выделяемых событий было снято без переключения камеры), предложенный в работе (Baldenebro et al., 2011), на наш взгляд, не удовлетворяют строгой формальной процедуре. Поэтому мы разработали новый метод, в соответствии с которым поделили фильм на 86 элементарных динамических событий. Мы предложили некоторую классификацию этих событий. Так, событие «Одна груша упала на землю» является в некотором смысле простым, событие «Садовник спустился по лестнице с дерева» состоит из повторяющихся однотипных действий «сделать

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №14-18-03819.

один шаг», а событие «Садовник собирал на дереве груши» состоит из повторяющейся последовательности двух различных действий «сорвать грушу» и «положить грушу в передник».

Мы собрали 16 пересказов «Фильма о грушах», которые были затранскрибированы и поделены на отдельные клаузы. Затем для каждого пересказа мы сопоставили членение на клаузы с членением на элементарные события. Оказалось, что структура исходного визуального материала является важным фактором членения на дискурсивные события. В докладе будут представлены обнаруженные закономерности.

Ключевые слова: структура дискурса; событие; клауза; зрительный стимул.

Key words: discourse structure; event; clause; visual stimulus.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Baldenebro T., Dix A., Duncan S.* Narrative, metanarrative, and paranarrative levels of discourse in speech and gesture: A comparison of Mexican Spanish and American English 'Pear film' narrations // Presentation at the Illinois Language and Linguistics Society Annual Conference, University of Illinois Urbana Champaign, April, 2011.
2. *Chafe W.* (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. – Norwood: Ablex, 1980.
3. *Du Bois J.* The trace of identity in discourse // W. Chafe (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. – Norwood: Ablex, 1980.

I. Mittelberg

RWTH Aachen University, Aachen, Germany

MULTIMODAL SPEECH EVENTS: JAKOBSONIAN PERSPECTIVES ON THEIR METONYMIC AND MULTIFUNCTIONAL NATURE

Adopting an embodied and multimodal understanding of language, cognition and interaction, this talk pays tribute to Roman Jakobson's accounts of form and meaning in language and other semiotic systems. It focuses on two central themes of Jakobson's work that have proven to be pertinent with regard to 'multimodal speech events': a) *metonymy* as a major mode of signification and association and b) the *multifunctionality* of any kind of message sign.

We will first explore the role metonymic modes play in the formation and interpretation of communicative physical action. Metonymy has been shown to be a key principle regarding the motivation and contextualization of verbal and gestural signs, often leading the way into metaphor (Mittelberg & Waugh, 2009). I will discuss different kinds of contiguity relations (Jakobson & Pomorska, 1983) and illustrate how they get operationalized when gestures abstract formal and functional properties from an action, an object, a scene, or some other kind of multidimensional experience. In such ‘metonymic moments’ (Mittelberg & Waugh, 2014), gestures and whole-body enactments may bring to the fore pragmatically and locally relevant dimensions; they may also convey prototypical aspects of an object or action, such as its contours, inner structure or manner of motion (Mittelberg, in press). Moreover, the metonymic schematicity of gestures, their relativity and multiperspectivity will be compared to similar structural principles in Cubist paintings (Jakobson, 1956; Mittelberg, 2011).

In the second part of the talk, Jakobson’s (1960) model of the speech event, comprising six factors and six functions, will be applied to multimodal speech events. My aim here is to demonstrate how Jakobson’s model allows for a fine-grained account of the multifaceted and interactive dimensions of multimodal semiotic acts. Interlocutors tend to modulate their performances regarding the extent to which they convey referential, emotive, conative and other functions, including ‘felt qualities’ of experience, meaning and understanding (Johnson, 2007). In line with Peirce, Jakobson’s view implies that each speech event is characterized by a predominant function and how the remaining functions are related to each other through hierarchical ordering (Waugh, 1985). I will show sequences in which gestures are articulated with greater energetic impetus, extensive use of space, or particular attention to their form, and/or exhibit similar expressive and rhythmic qualities as the concurrent speech, thus exhibiting the referential, emotive, conative, phatic, meta-linguistic and poetic function to varying degrees (Cienki & Mittelberg, 2013; Müller, 1998).

Key words: multifunctionality; multiperspectivity; metonymy; speech event; gesture.

Ключевые слова: полифункциональность; полиперспективность; метонимия; речевое событие; жест.

REFERENCES

1. *Cienki, A., Mittelberg, I.* Creativity in the forms and functions of gestures with speech // T. Veale, K. Feyaerts, & C. Forceville (Eds.), *Creativity and the Agile Mind: A Multi-Disciplinary Study of a Multi-Faceted Phenomenon*. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2013. – P. 231–252.
2. *Jakobson, R.* Two aspects of language and two types of aphasic disturbances // L.R. Waugh & M. Monville-Burston (Eds.). *Roman Jakobson. On Language*. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1990. – P. 115–133.
3. *Jakobson, R.* Linguistics and Poetics // K. Pomorska & S. Rudy (Eds.), *Roman Jakobson, Language in Literature*. – Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard UP, 1987. – P. 62–94.
4. *Jakobson, R., Pomorska, K.* *Dialogues*. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1983.
5. *Johnson, M.* *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. – Chicago: Chicago UP, 2007.
6. *Mittelberg, I.* Focus on form: Reflections on the (neuro)aesthetics of abstraction in painting and gesture // K. Herrmann (Ed.). *Neuroästhetik. Perspektiven auf ein interdisziplinäres Forschungsgebiet*. – Kassel : Kassel UP, 2011. – P. 110–120.
7. Mittelberg, I. (in press). Embodied frames, metonymy and pragmatic inferencing in gesture. *Gesture*.
8. Mittelberg, I., Waugh, L. R. Metonymy first, metaphor second: A cognitive-semiotic approach to multimodal figures of speech in co-speech gesture // C. Forceville & E. Urios-Aparisi (Eds.). *Multimodal Metaphor*. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 329–356.
9. *Mittelberg, I., Waugh, L. R.* Gestures and metonymy // C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill & J. Bressemer (Eds.). *Body–Language–Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. – Berlin–N. Y. : Mouton de Gruyter, 2014. – P. 1747–1766.
10. *Müller, C.* *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. – Berlin: Spitz, 1998.
11. *Waugh, L. R.* The poetic function and the nature of language // *Poetics Today*, 2 (1a), 1985. – P. 57–82.

C. Müller

European-University Viadrina Frankfurt (Oder), Germany

**GESTURES AS MOTION EVENTS.
EMBODIED GROUNDING OF ASPECTUAL EVENT CONSTRUAL¹**

Departing from earlier work on the gestural expression of motion events in German and Spanish (Müller, 1998, 2015 for summary) it will be suggested that gestures are motion events in themselves and that the fundamental kinesic experience of bodily movements in general offers embodied grounds for the grammatical conceptualization of aspect.

Grammarians of different languages and theoretical backgrounds share a very fundamental understanding of aspect as a grammatical category. Aspect has been considered as a form of grammaticalized perspectivation of events as having a clear-cut boundaries or not (see for example: Croft, 2012; Behaghel, 1924; Coseriu, 1976; Eisenberg, 1986; Sasse, 1991). Now, aspectual marking obviously refers to any kind of event, not only motion events, however, I am going to suggest that motion events might provide a prototype kind of conceptualization for the idea of aspectual event marking more generally.

Motion events constitute probably one of the most basic human kinesic experiences. The feeling of bodily movement as having either a clear-cut boundary or not is probably a highly fundamental human sensory experience and it is not unlikely that it provides the experiential grounding of a conceptualization of events more generally as having a boundary or not.

Taking a look at how speakers employ co-speech gestures can offer some empirical support in favor of those assumptions. Since gestures, like any other kind of body movement, have a certain movement quality, a certain movement gestalt that always shows either marked beginnings, marked end-points or not, gestures might very well be used as embodied expression of the aspectual qualities of verbalized events more generally. This aspectual quality of a gesture applies to all kinds of gestures, even when they neither express motion events nor have

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation (grant № 14-48-00067).

a semantic meaning. Pragmatic gestures as well as referential ones have a movement quality that can overlap with their functions, but that need not be the case. Gestures are body movements and as such they always either bounded or unbounded: either the movement involves the reaching or crossing of a boundary in some kind of pulse or it does not. This applies irrespectively of communicative functions a gesture might have. Boundedness or unboundedness may thus add a layer of meaning to any kind of gesture, be it depictive or pragmatic. And in this respect, the nature of the quality of gestural movement is an embodied form of expressing aspect grammatically in an abstract manner.

I am going to conclude that it is this quality of the gestural movement as being either bounded or unbounded that it shares with the notions of aspect as described for different languages. The quality of the gestural movement irrespectively of its depictive or pragmatic meaning appears like a movement expression of an abstract form of event construal. As such looking at gestures AS motion events themselves offers insights into the embodied grounding of event construal.

Key words: gesture, motion event, event construal, boundedness, unboundedness.

Ключевые слова: жест, событие движения, конструирование события, предельность, неpredельность.

REFERENCES

1. *Behaghel, O.* Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. – Bd.2. – Heidelberg: Winter, 1924.
2. *Coseriu, E.* Das romanische Verbalsystem. – Tübingen: Narr, 1976.
3. *Croft, W.* Verbs. Aspect and Causal Structure. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
4. *Eisenberg, P.* Grundriß der deutschen Grammatik. – Stuttgart: Metzler, 1987.
5. *Müller, C.* Using Gestures with Speech: Variable Cognitive-Semantic and Pragmatic Relations // MSLU Vestnik. – 6(717). – 2015. – P. 452–466.
6. *Müller, C.* Beredete Hände. Theorie und Sprachvergleich redebegleitender Gesten // T. Noll & C. Schmauser (eds.). Körperbewegungen und ihre Bedeutungen. – Berlin: Berlin Verlag, 1998. – P. 21–44.
7. *Sasse, H.-J.* Aspect and Aktionsart: A reconciliation // Carl Vetters and Willy Vandeweghe (ed). Perspectives on aspect and Aktionsart : Belgian Journal of Linguistics 6. – Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 1991. – P. 31–45.

Р. К. Потапова

МГЛУ, г. Москва

ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ В ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОДАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ПАРТНЕРА ПО КОММУНИКАЦИИ

В процессе коммуникации важным является не только понимание вербального контента партнера по коммуникации, но и в большей степени распознавание его эмоционально-модального состояния (ЭМС). Дополнительную трудность образует решение подобной задачи в случае коммуникации с иноязычным и инокультурным адресатом. Степень сложности решения подобной задачи усугубляется при дистантной опосредованной коммуникации (например, для мобильной связи, социально-сетевой коммуникации с применением интернет-телефонии Skype и т. д.).

Речевые признаки, характеризующие говорящего и особенности его психофизиологического склада (идиосинкразические признаки), содержат, как правило, разные типы информации: вербальный контент (информационно-коммуникативное содержание сообщения), паравербальный контент (произносительные особенности речепроизводства сообщения, «вплетенные» в просодическую и спектрально-временную субстанцию звуковой материи любого высказывания), экстравербальный контент (пол, возраст, региональное происхождение, воспитание, образование, социальный статус и т. д.).

Речевой сигнал содержит два типа информации: коммуникативный и индивидуальный (идиосинкразический). В настоящее время предлагаются следующие виды классификации информации, содержащейся в речевом сигнале: биологическая информация (рост, вес, пол, возраст и состояние здоровья); психологическая информация (характеристика личности); социальная информация (социальный, экономический статус и т.д.); идиосинкразическая информация; эмоциональная и эмоционально-модальная информация. При этом особая роль принадлежит рече-голосовой информации, декодируемой на уровне слуховой перцепции.

Иными словами, интерпретация эмоционально-модального состояния иноязычных и инокультурных коммуникантов по их

речевым характеристикам существенно отличается от врожденных и генетически структурированных нейро-эмоциональных механизмов слуховой оценки эмоционально-модального поведения носителей родного языка. В ходе экспериментов удалось установить статистически надежную специфику немецко-русской и русско-немецкой речевой тактики и речевой стратегии, используемых при принятии решений по оценке эмоционально-модального состояния иноязычных и инокультурных партнеров по коммуникации.

Полученные результаты (см.: *Rodmonga K. Potapova, Vsevolod V. Potapov. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich.* – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.) свидетельствуют о функционировании в процессе коммуникации механизма категориальности слухового восприятия иноязычного стимула, что накладывает свои специфические ограничения на интерпретацию результатов в данном случае слухового анализа иноязычного звучащего материала. То же самое распространяется и на другие способы коммуникации. Выходом из создавшейся ситуации является разработка автоматизированных диагностических систем, основой которых должны быть базы знаний, содержащих блоки точных параметров разноуровневого характера.

Ключевые слова: эмоционально-модальное состояние; дивергенция; иноязычный паравербальный стимул; перцептивно-слуховая реакция (оценка); устно-речевая коммуникация.

Key words: emotional-modal state; divergence; foreign language paraverbal stimulus; perceptual-auditory evaluation; oral communication.

E. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics;
Russian Academy of Science, Moscow

TOWARDS A TYPOLOGY OF FALLING EVENTS

The paper deals with the typological description of FALLING. It is an on-going research of Moscow Lexical Typology Group (MLexT, cf. *lextyp.org*) as a part of cross-linguistic description of different kinds of motion (AQUA-MOTION, ROTATION, OSCILLATION among them), cf. Maisak, Rakhilina 2007.

Verbs of motion are traditionally considered to be the core examples of processes (like *run* and *swim*) or punctual results of the corresponding process (cf. *jump* or *come*). According to Talmy 1985 / 2000 they have their own specific semantic parameters: PATH & MANNER which can be expressed morphologically either within the motion verb or within its modifier (“satellite”). This distinction underlies the well-known Talmian classification of language systems and formal typology of motion situations.

However, PATH and MANNER, as semantic categories, give rise to a semantic typology of motion as well.

PATH has already been well described since it corresponds to the argument structure of a standard motion verb explored by Apresjan 1974, Miller & Johnson-Laird 1976, and many others. In addition to the single argument of the intransitive verb normally expressed by its subject (Theme) motion verbs have at least two more arguments: the starting point (SOURCE) and the end-point (GOAL). These arguments distinguish COMING, GOING or FALLING from STANDING or SITTING.

“Path typology” has been refined by Fillmore (1971) who pointed out the deictic aspect of motion and managed to oppose not only GOING and STANDING, but also COMING and GOING.

“Manner typology” has not been developed yet. However, it is manner which causes subtle distinctions between groups of motion verbs and within motion sub domains. The brilliant article of Fillmore and Atkins (2000) about the concept of crawling in English and French has shown that these distinctions are determined by the characteristics of the Trajector and some other features of the motion (speed, functionality, etc.).

The paper considers them with regard to FALLING situations. Their classification made in the framework of MLexT serves as a basis for lexical typology of FALLING and predicts metaphorical extensions of FALLING verbs in different languages.

Key words: falling events; verbs of motion; lexical typology; PATH; MANNER; SOURCE; GOAL; TRAJECTOR.

Ключевые слова: события падения; глаголы движения; лексическая типология; ПУТЬ; СПОСОБ; ИСТОЧНИК; ЦЕЛЬ; ТРАЕКТОР.

V. Zabotkina

Russian State University for the Humanities, Moscow

REPRESENTATION OF CULTURAL EVENTS IN MENTAL MODELS AND DISCOURSE

The paper concentrates on ‘event-mental models-discourse’ interface. We build on three strands: (a) new interdisciplinary model of generation and transfer of knowledge, (b) the new approach to discourse within cognitive-discursive paradigm initiated by E. Kubryakova, and (c) socio-cognitive approach to discourse analysis suggested by van Dijk. Both discourse and knowledge represent events, but knowledge represents events through mental models and discourse – through verbal structures. Mental models are not direct copies of the events; they are construed by the human being and depend on his / her perception, experience, existing models and socio-cultural knowledge (van Dijk, 2014). We draw on certain correlation between the structures of knowledge and the structures of discourse.

The process of construing mental models of a particular event includes two stages: 1) multimodal perception of events (non-conceptual stage); 2) construing a new event model stored in a short-term memory by analogy with the existing mental models stored in long-term memory.

Models are embodied and multimodal, and involve vision, audition, touch and awareness of our bodies (Barsalou, 2008; Glenberg, 1999; Varela et al., 1991). The direct, multimodal experience involved in the *perception* of the cultural event constitutes only an initial, basic, largely pre-conscious and non-conceptual part of the process of the construction of the mental model (see, e.g., Audi, 2010: Chs. 2 and 3; Raftopoulos, 2009).

Traditional schemas which organize the structure of mental models of event representation (scripts) at the second stage involve the following constituents: 1) spatial and temporal setting; 2) participants (agents); 3) cause; 4) action; 5) goals, tasks; 6) relations between participants / entities; 7) the effect.

We argue that cultural events mental models are more complex in structure and present multi-dimensional, integrated knowledge representations. The main component of the cultural event models

is the 'effect' which includes esthetic, emotional and associative components. What happens is the foregrounding of 'effect' in the model of cultural event.

For the verbal representation of events in discourse there exists a variety of language tools: lexicon, tenses, phraseology of events etc. We will concentrate on the new lexicon representing events. We build on understanding of the word as a unit of both cognition and communication and we hold that the word absorbs the features of the contexts and discourses of its previous use and encodes these features on the level of system, so the word presents a concentrated reflection of discourse of its use. Cultural events can be represented in the word meaning in any of its three constituents: 1) the intentional (the core part of the word meaning), 2) the implicational (associations connected with the event), 3) the emotional (emotions invoked by the events). There is a certain correlation between the kind of cultural event (universal or culture-specific) and its representation in a particular part of the word meaning.

We come to the conclusion that the trichotomy 'event-mental models-discourse' should be studied from the point of view of interdisciplinary approach which can provide integrated studies of the ways of cultural knowledge generation, its transmission, its representation in mental models and in various types of cultural discourse in different cultures.

Key words: cultural event; representation; mental models; discourse.

Ключевые слова: культурное событие; репрезентация; ментальные модели; дискурс.

REFERENCES

1. Audi, R. Epistemology: a contemporary introduction to the theory of knowledge. – 3rd edn. – New York: Routledge, 2010.
2. Barsalou, L. W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology, 59. – 2008. – P. 617–645.
3. Dijk, Teun A. van. Discourse and knowledge: a sociocognitive approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
4. Glenberg, A. Why mental models must be embodied // G. Rickheit & C. Habel (Eds.). Mental models in discourse processing and reasoning. – Amsterdam: North-Holland/Elsevier Science. – 1999. – P. 77–90.
5. Raftopoulos, A. Cognition and perception. – Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

6. *Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E.* The embodied mind: cognitive science and human experience. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
7. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. – М. : Ин-т языкознания РАН : Языки славянской культуры, 2004.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

М. Ю. Авдонина, Н. И. Жабо, И. Б. Чернышева

Авдонина М. Ю., МГЛУ, г. Москва

Жабо Н. И., РУДН, г. Москва

Чернышева И. Б., Высш. курсы иностр. яз. МИД РФ, г. Москва

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель исследования состоит в выявлении новых способов актуализации экологических терминов во французском языке начала XXI века в связи с культурно-исторической эволюцией общества. Объектом анализа послужили тексты общественно-политического содержания, в том числе тексты форумов и чатов Интернета. Предмет исследования – изменение семантики лексических единиц, обозначающих экологические события и процессы, при их употреблении в контексте политических событий. Результат исследования – выделены новые контексты, в которых термины экологии (*plante verte, terroir, pollution, recyclage, écosystème, écologie, durable, Chernobyl*) приобретают устойчивые значения, связанные с обсуждением внутривнутриполитической жизни Франции (*plante verte mondialiste; homme du terroir, politicien traditionnel; la pollution politique; recyclage des politiciens; écosystème politique; Grandeur, candeur et malheur de l'écologie politique en France; politicien durable, etc.*) (Жабо, 2015). Установлены коннотативные значения терминов экологии в современном французском языке (Авдонина, Жабо, Терехова, 2015). Было выявлено, что если в научных текстах экотермины выполняют номинативную и познавательную функции, то в политическом дискурсе, включающем помимо текстов официально-административного жанра публицистику разных жанров и неформальное общение в интернете, экотермины приобретают эмоциональную окрашенность (*Oui, il y a des ponts entre les deux écosystèmes, nombre d'identitaires sont passés d'un paganisme assez puéril dans ses manifestations à l'exaltation des racines chrétiennes de la France. Et plusieurs mini réseaux activistes au sein des*

structures de La Manif Pour Tous), оценочность (*Nous tous à vélo ou bien tassés dans des bus et eux en voiture avec chauffeur si possible! Politiciens «durables» quoi!*), выполняют людическую функцию (*des communautés autogérées d'un écolo-survivalisme ethnique; Quand on aura eu notre Tchernobyl made in France, on sera ...*), выражают иронию (*la mouvance écolo-gauchiste; écolo-mondialistes*), сарказм (*comme le nuage de tchernobyl la crise épargne Limoges*). В целом, экотермины употребляются с целью реализации функции персуазивного вербального воздействия. Ценности защиты окружающей среды используются в качестве аргументов политической партии на выборах (например: *Il est ainsi totalement antinomique de se dire défenseur de l'environnement et d'être partisan de cette Europe bruxelloise soumise aux oukases mondialistes et aux dogmes ultra libre-échangistes*). Таким образом, для правильной интерпретации изучаемых единиц в контексте политического дискурса (Чернышева, 2007; Чернышева, 2010) требуется специальная работа по формированию социокультурной компетенции.

Ключевые слова: семантические изменения; коннотативные значения; экологические термины; социокультурная компетенция.

Keywords: semantic changes; connotative meanings; environmental terms; socio-cultural competence.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдонина М. Ю., Жабо Н. И., Терехова С. И. Юморизация терминов экологии в публицистическом тексте и проблемы перевода / Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы: сборник научных трудов X Междунар. науч.-метод. интернет-конференции. Москва, 22–23 апреля 2015 г. ; под ред. Н. Н. Гавриленко. – М. : РУДН, 2015. – С. 13–25.
2. Жабо Н. И. Системы экологических терминов русского и французского языков: типология, семантика и функции [Текст] : монография/ Н. И. Жабо. – М. : РУДН, 2015.
3. Чернышева И. Б. Единое информационное пространство как фактор ресемантизации терминов политического дискурса // Университетское переводоведение : материалы VIII Юбилейной междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», посв. 100-летию со дня рождения А. В. Федорова. 19–21 октября 2006 г. – Вып. 8. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С.40–52.

4. *Чернышева И. Б.* Ситуация многоязычия как фактор возникновения особого слоя неологизмов в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Междун. конгресс исследователей русского языка. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 679.

С. А. Андреева

МГЛУ, г. Москва

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ СОБЫТИЯ КАК КЛЮЧ К ПОЭТИЧЕСКОМУ ВИДЕНИЮ МИРА

Поэтический взгляд на мир всегда отличается самобытностью; поэт может увидеть необычное в повседневном и глобальное в индивидуальном. В то время как для любовной или философской лирики свой взгляд является неперменным условием, а креативность обязательным параметром, при опоре на реальное историческое событие поэт не может не быть ограничен фактической информацией.

Ю. С. Степанов указывает, что семиотически художественную литературу (и поэзию как ее квинтэссенцию) можно определить как сферу действия интенционального языка (языка, описывающего возможный мир) (Степанов, 1998), т. е. несомненно возникает когнитивный диссонанс – реальное событие преподносится как часть возможного мира.

Наше исследование рассматривает, каким образом поэтический текст выражает фактическую информацию, не нарушая поэтические условности, и каким образом разрешается противоречие объективного существования события и субъективности поэтического текста. Исследование выполнено на материале англоязычной поэзии XIX и XX века.

Ключевые слова: поэтический текст; событие; поэтическое видение мира.

Key words: poetic text; event; poetic view of the world.

А. В. Анищенко

МГЛУ, г. Москва

О ФАКТОРАХ УСПЕШНОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ В УСЛОВИЯХ ВТОРОГО ВЫСШЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Целью предлагаемого исследования, в котором обобщается опыт реализации основных образовательных программ в МГЛУ, является выявление факторов, влияющих на характер протекания коммуникативных событий в условиях второго высшего лингвистического образования.

Воспринимая второе высшее образование как сферу услуг, взрослые выдвигают жесткие требования относительно условий обучения, а также качества и объема оказываемой услуги, формируя тем самым коммуникативную пресуппозицию и оказывая влияние на обучение, которое можно рассматривать как последовательность коммуникативных событий, т. е. ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс коммуникативного взаимодействия (Борисова, 2009) в рамках академического дискурса второго высшего образования.

Бренд ИНЯЗ, на протяжении десятилетий зарекомендовавший себя как знак качества в области высшего иноязычного образования, является особенно привлекательным для взрослых обучающихся, доверяющих проверенным и признанным в академическом сообществе вузам с многолетней историей, сложившимися традициями. Многие пришедшие в МГЛУ получать второе высшее лингвистическое образование руководствуются стереотипом о качестве инязовского образования, которое предполагает автоматическую гарантию успешного результата. Непонимание особенностей обучения иностранному языку как профессии вызывает, особенно на начальном этапе обучения, самоорганизационные и психологические сложности, снижение мотивации, разочарование.

Желание каждого обучающегося максимально сфокусировать образовательный процесс на достижении своих лично- или профессионально-ориентированных целей таким образом самостоятельно определять параметры коммуникативного события

зачастую является помехой при работе в малой группе, провоцирует среди обучающихся конфликты, т. е. негативно отражается на ходе результатов социально-коммуникативного взаимодействия, регламентированного конвенциональным академическим дискурсом. Установлено, что на успешность и характер протекания процесса обучения в образовательной среде второго высшего образования наряду с когнитивными особенностями обучающихся влияют такие социокультурные факторы, как профессия и возраст.

Результаты предлагаемого исследования полезны для повышения эффективности коммуникативного взаимодействия в академической среде, а также для преодоления познавательных барьеров, возникающих у взрослых обучающихся.

Ключевые слова: непрерывное образование; второе высшее образование; коммуникативное событие; индивидуализация обучения; познавательные барьеры.

Key words: continuous education; second higher education; individualization of learning; cognitive barriers.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – 3-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 13.

E. V. Beloglazova, Yu. V. Sergaeva

Beloglazova E. V., Saint Petersburg State University of Economics, S.-Petersburg

Sergaeva Yu. V., Herzen State Pedagogical University of Russia, S.-Petersburg

LINGUISTIC CREATIVITY IN FICTION AND SCIENCE

If we consider fiction and scientific writings, the difference between them appears striking and self-evident. Indeed, no other genres can be more dissimilar, and yet, paradoxically, they have an important feature in common – these two communicative spheres are the arena for ardent linguistic creativity.

Linguistic creativity can be interpreted widely as a range of creative practices (Sergaeva, 2012), yet in the present talk we shall focus on it in relation to the nominative practice only (Iriskhanova, 2005), i.e. neology.

Having been under scholarly scrutiny for centuries (if not millennia) in literature, linguistic creativity in scientific discourse remains underestimated. Yet, it plays quite a prominent role in the coinage of new terms and professionalisms. At that these are often creative coinages, based on creative interpretation of phenomena under study. Thus in the scientific discourse (exemplified here by the economic discourse) there can be registered as relatively productive such principles of coinage formation as:

- a. Metonymy (e.g. *Draghi Effect*)
- b. Metaphor:
- c. antronymic (*Robin Hood Effect, Yellow knight*)
- d. animal metaphor (*dead cat bounce, alligator spread*)
- e. Literary metaphor (e.g. *Robin Hood Effect, Mad Hatter*)
- f. Mythological metaphor (e.g. *leprechaun leader*)

There is also a variety of terms for processes and trends based on an analogy with letter shapes:

1. Letter metaphors (e.g. *J-curve, U-turn, U-bend, L-angle, O-sign, Q-sign, S-wave, S-curve, T splint, T pipe, T maze, T-bandage, T-screw, T-track, V slide, V thread, v weld, X weld, Y-splice, Y-track*)
2. Letter metonymies (e.g. *K-ratio*)

Some of the named principles would be common for both genres, while some are unique and form a specific genre portrait.

Apart from the principle underlying the coinage the difference lies in the functional dimension: if in fiction tropes serve to enrich the text semantically, in a scientific text the use of metaphors can be part of the ambiguation strategy.

Key words: linguistic creativity; fiction; scientific discourse; metaphor; metonymy.

Ключевые слова: лингвокреативность; художественная литература; научный дискурс; метафора; метонимия.

REFERENCES

1. *Iriskhanova O. K.* Linguokreativnyje osnovanija teorii nominalizatsii. – M., 2005.
2. *Sergaeva Yu. V.* Homo Creans: tvorcestvo v bolshom i malom // Vestnik Russkoj Khristianskoj Gumanitarnoj Akademii. – 2012. – T. 12, vyp. 4. – P. 247–256.

А. С. Белоголова

МГИМО МИД РФ, г. Москва

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОБЫТИЯ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СМИ
(на примере конфликта в Сирии)**

Сегодня в связи с бурным развитием информационных технологий каждый может узнать о том, что происходит в той или иной точке планеты. Однако получаемую информацию сложно проверить, что предоставляет СМИ и заинтересованным сторонам практические неограниченные возможности изложения фактов в выгодном им свете.

В когнитивной лингвистике само имя «событие» имеет ряд характеристик, которые отличают его от других общесобытийных имен. Проблема моделирования событий в СМИ с помощью вербальных средств относительно активно изучается в рамках современных когнитивных исследований, однако событию «международный конфликт» (МК) уделяется недостаточное внимание, несмотря на то, что в настоящее время таких конфликтов много и они часто выходят на первые полосы газетных заголовков.

Моделируя событие в СМИ, а значит и в сознании реципиента, автор материала не может прибегнуть к явной манипуляции, так как она вызовет, скорее, негативную реакцию получателя сообщения. Следовательно, он вынужден использовать вербальные средства с целью скрытой манипуляции для изменения или формирования когнитивной модели конкретного конфликта в сознании читателя, т. е. фрейма конфликта (в данном случае, конфликта в Сирии).

Анализ концептов, актуализирующих исследуемое событие в сознании читателя, посредством изучения репрезентирующих их языковых единиц в британских и американских статьях, опубликованных в период с августа 2013 года (появление первых сообщений о применении химического оружия в Сирии) по август 2014 года (появление сообщений о полном уничтожении химического оружия и начале проверок ОЗХО) показал, что при описании каждого из слотов фрейма МК (применение химического оружия (ХО), режим Ассада, противники режима Ассада, США+Запад,

Россия+союзники) использовался определенный пласт лексики, описывающей один и тот же концепт, причем с ходом развития ситуации этот концепт претерпевал лишь незначительные изменения. На лексическом уровне также были выявлены избыточные оценочные атрибутивы, слова с явной положительной или отрицательной оценкой.

На грамматическом уровне широко используется пассивизация, позволяющая уйти от называния источника информации (конструкции типа “is reported to”) и способствующая созданию иллюзии объективного положения вещей.

Среди прагматических тактик, таким образом, можно выделить полное опущение источника информации и его позиционирование как единственно верного, проведение аналогий с уже имевшими место конфликтами и ряд других.

Освещая событие МК, автор газетного сообщения транслирует определённую позицию, используя вербальные методы для изменения или формирования фрейма данного события у читателя таким образом, что его изложение не воспринимается как явная манипуляция.

Ключевые слова: событийный концепт; моделирование событий; международный конфликт; прагматическая стратегия; когнитивная наука.

Key words: event-driven concept; event modeling; international conflict; pragmatic strategy; cognitive science.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Гурочкина А. Г. Событие как предмет сообщения в средствах массовой информации // *Studia Linguistica* 12. Перспективные направления современной лингвистики. – СПб. : РГПУ, 2003. – С. 278–284.
3. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
4. Новиков Д. Н. Когнитивно-прагматические аспекты современной англистики и общего языкознания: материалы к спецкурсу. – М.: МГИМО (У), 2007. – 134 с.
5. Шнякина Н. Ю. О вербализации событийных концептов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 5. – Ч. 2.

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ СОБЫТИЯ: СОБЫТИЕ VS СОБЫТИЙНОСТЬ

В лингвистической литературе термин «событие» используется в целом ряде значений, которые можно свести к трем основным позициям. Событие может рассматриваться (1) как модель изменения состояния объекта (L. Talmy) и (2) как состояние, являющееся результатом некоторой деятельности (P. Durst-Andersen). В обоих случаях представление о событии связывается с глагольной лексикой (*event verbs*) и пропозицией с дальнейшим рассмотрением разных типов событий и способов разграничения событий и процессов. Третьей возможностью выделения события является рассмотрение имен событий (*землетрясение, ураган, свадьба* и т. д.) как указаний на происшествия, значимые для индивида.

Введение в определение событийных имен представления о *значимости* или *важности* происходящего делает понятие события весьма расплывчатым, особенно на фоне грамматического понятия *событийности*, т. е. указания на развитие происходящего во времени, заключенного в семантике некоторых имен существительных.

Преодолеть трудности в определении «события» применительно к глагольной и субстантивной лексике, а также объединить все три описанных выше подхода, можно при помощи построения модели (или фрейма) события. В структуре данной модели должны присутствовать следующие концептуальные составляющие:

- указание на **ДЕЙСТВИЕ** (квант действия или цепочку квантов действия);
- указание на **ДЕЯТЕЛЯ**, коррелирующее с указанием на **ПРИЧИНЫ ПРОИСХОДЯЩЕГО**;
- кластер указаний на пространственно-временную локализацию события (начало события, его развитие, завершение события, пространственные параметры происходящего);
- указание на **РЕЗУЛЬТАТ** (а также **ПОСЛЕДСТВИЯ**) события;
- указание на **УЧАСТНИКОВ** события;
- указание на **ВНЕШНЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ** происходящего;

– возможность (открытый терминал) оценки происходящего по шкале НОРМА / НЕ НОРМА, а также по шкале ИСТИННОСТЬ / ЛОЖНОСТЬ.

Предлагаемая концептуальная структура позволяет свести воедино не только разные подходы к определению «события», но и отграничить представление о СОБЫТИИ от представлений о ФАКТЕ, а также от представлений о СИТУАЦИИ.

Ключевые слова: событие; событийность; модель; фрейм; концептуальные составляющие модели; событийные глаголы; событийные существительные.

Key words: event; eventuality; model; frame; conceptual constituents of the model; event verbs; event nouns.

Г. Б. Блинников

МГЛУ, г. Москва

АДЪЕКТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРОМКОСТИ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Психофизически громкость является одним из основных качеств звуковых явлений. Потому представляется актуальной проблема ее языковой репрезентации. Однако, этой теме до сих пор не уделялось достаточно внимания в научной литературе. Перспективным выглядит подход, используемый для исследования семантических полей Московской лексико-типологической школой. Он предполагает выделение в каждом поле контекстов (фреймов), в которых использование той или иной лексемы является предпочтительным или, наоборот, маргинальным. Подобный анализ дистрибуции не только позволяет уйти от цикличности словарных определений, когда синонимы определяются друг через друга, но и показывает реальное поведение лексем в речи. Отдельные сенсорные качества представлены в языке прилагательными, для семантического анализа которых ключевым является их сочетаемость с существительными.

В области громкости можно выделить два антонимичных семантических поля: семантическое поле высокой громкости и семантическое поле низкой громкости и отсутствия звуков. В обозначении

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 16-36-00044.

данных полей наблюдается известная вариативность между языками. Например, в русском языке существует четкая граница между фреймами, обозначающими «звуковые явления» (такие как *музыка* и *голос*), и фреймами, обозначающими объекты, «издающие звуки» (такие как *среда* и *ребенок*): первая группа прототипически покрывается прилагательным *громкий*, тогда как другая – прилагательным *шумный*. В английском языке эта граница между аналогичными прилагательными (*loud* ‘громкий’ и *noisy* ‘шумный’) соблюдается не столь строго. Особого внимания заслуживают языки, где отсутствуют лексемы, обозначавшие бы в своем номинативном значении центральные качества данной семантической области, что приводит к использованию прилагательных из других семантических полей. Подобное, переносное, использование прилагательных приводит к различным языковым эффектам: 1) ни одно из этих прилагательных не способно покрыть полностью данную семантическую область; 2) такие прилагательные неспособны выражать метафорические значения, в которых источником для метафор являются аудиальные качества.

Перечисленные эффекты порождают более сложную лексическую структуру семантических полей с большим количеством квазисинонимов. Это положение относится и к семантической области громкости в итальянском языке. Так, в семантическом поле высокой громкости отсутствие прилагательного с релевантным номинативным значением приводит к использованию двух синонимичных лексем *forte* ‘сильный’ и *alto* ‘высокий’, которые нетривиальным образом делят между собой фреймы, обозначающие «звуковые явления». Еще более сложная структура наблюдается в антонимичном поле низкой громкости, где аналогичные фреймы распределены уже между тремя основными лексемами (*basso* ‘низкий’, *debole* ‘слабый’, *sommesso* ‘смирный’) и рядом более специализированных (*febile* ‘жалобный’, *fioco* ‘слабый’, *fievole* ‘слабый’ и другие). Также можно отметить асимметричность фреймовой и лексической структур у проанализированных семантических полей, находящихся в отношениях антонимии друг к другу.

Наше исследование позволяет не только уточнить значение широкоупотребительных прилагательных аудиальной зоны, но и определить специфику как данной семантической области, так и итальянского языка в целом.

Ключевые слова: семантические поля; дистрибутивный анализ; сочетание существительного и прилагательного; лексическая типология; итальянский язык.

Key words: semantic fields; distributional analysis; combination of a noun and an adjective; lexical typology; Italian language.

И. В. Блинникова, А. И. Измалкова

МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ, ЧАСТОТНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ ЦЕЛЕВЫХ СТИМУЛОВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ И ПАРАМЕТРЫ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ В ПРОЦЕССЕ ПОИСКОВОЙ АКТИВНОСТИ¹

Введение. В работе анализируется проблема обнаружения и идентификации слов в зашумленном контексте. Используется ситуация игры в «Боггл» (Boggle), где испытуемым нужно вычленить слова, анализируя случайный набор букв, составленных в матрицу. Требуется организовать пространственное сканирование и эффективно распределять внимание. Однако, поскольку неизвестно, что искать, необходимо постоянно составлять цепочки из букв и проверять их на лексическую состоятельность. В экспериментальном исследовании проверялись гипотезы о влиянии пространственного расположения, частотности и эмоциональности слов, скрытых в буквенной матрице, на результативность поиска и характер окуломоторной активности.

Методика. В исследовании приняло участие 46 студентов (29 женщин и 17 мужчин) в возрасте от 18 до 25 лет. В качестве стимульного материала использовалось 6 буквенных матриц, разработанных с помощью специальной компьютерной программы. Каждая матрица состояла из 225 (15x15) клеток, заполненных буквами кириллического алфавита. Среди множества букв были размещены 10 слов русского языка (всего 60 слов). Две матрицы включали в себя эмоционально положительные слова, две другие – эмоционально отрицательные, оставшиеся – эмоционально нейтральные. Целевые стимулы были выбраны из базы данных слов русского

¹ Работа поддержана РФФИ; проект №14-06-00371.

языка с подсчитанными индексами эмоциональности. Также контролировалась частотность используемых вербальных стимулов: в половине матриц были скрыты высокочастотные слова, в другой – низкочастотные. Слова в матрице могли располагаться либо горизонтально, либо вертикально. Эксперимент был разработан и проведен с помощью программного обеспечения и аппаратуры фирмы SMI «Gaze & Eye tracking System». Матрицы предъявлялись на 40 с. За это время испытуемые должны были найти как можно больше слов и назвать их вслух. Для бесконтактной регистрации движений глаз и записи временных показателей использовался ай-трекер (SMI RED 250Hz).

Результаты и обсуждение. Поставленные в описанные экспериментальные условия, испытуемые находили от 1 до 5 слов в матрице. При этом вероятность нахождения горизонтально расположенных слов была значимо выше. Также было установлено, что частотность прямо влияет на возможность нахождения слова среди множества букв. Кроме этого, были продемонстрированы эффекты эмоциональности слов. При поиске в матрицах с эмоционально положительными словами испытуемые находили значимо больше целевых стимулов. Было проведен анализ показателей движений глаз и обнаружены характерные особенности, связывающие количество и длительность фиксации, скорость и амплитуду саккад с экспериментальными условиями. Анализ площади поиска, регулярности перемещений взора, плотности распределения фиксации позволил описать ряд оculoмоторных стратегий поиска лексических единиц в сложноорганизованном контексте.

Заключение. Проведенное исследование продемонстрировало влияние частотности, пространственного расположения и семантических характеристик слов на их обнаружение в буквенных матрицах, а также описать ряд интересных фактов, которые касаются движений глаз в процессе зрительного семантического поиска.

Ключевые слова: зрительный семантический поиск; сканирование пространства; частотность слова; эмоционально окрашенные слова; буквенная матрица.

Key words: visual semantic search; space scanning; word frequency; spatial organization; emotionally coloured words; alphabetic matrix.

Е. Г. Борисова

МГЛУ, г. Москва

АНАЛИТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ СОБЫТИЙ

Помимо обозначения события средствами глагола или (с потерей предикативного статуса) отглагольными именами в языках мира существует возможность выразить тот же смысл сочетанием «глагол плюс имя», например, *принять меры, to put an end* (англ.), *вѣру жти* (ст-сл) и т. п. В большинстве языков выбор глагола оказывается несвободным, закрепленным узуально. Поэтому аналитическая номинация может трактоваться как фразеологизм, а именно, как коллокация или, в русской традиции, как фразеологическое или устойчивое сочетание (Виноградов, 1947).

Повсеместное распространение такого явления заставляет искать особенности аналитической номинации, которые, с одной стороны, сделали такой способ отражения действительности возможным, а с другой – создали возможности, недостижимые иным способом, в частности, словообразовательным. Последнее особенно важно для тех случаев, когда аналитическая номинация сосуществует с глаголом: *принимать решение – решать, чинить помехи – мешать* и т. п. Как представляется, ответ на этот вопрос может быть связан с самим фактом аналитической подачи содержания. С достаточной вероятностью можно связать распространенность таких форм и с особенностями компонентов: и глагольного, и именного.

Представление содержания в двух словах дает возможность разнести компоненты значения и затем по-разному использовать их в распределении акцентов, в тема-рематическом членении, в определении, относящемся к фрагменту смысла, что затруднено в пределах одного слова, ср. *принять сомнительное решение, но не сомнительно решить*.

Немалое число коллокаций отличается по значению от соответствующих глаголов, поскольку входящее в них имя (часто отглагольное) отличается от глагола (по коннотациям, стилю, значению), ср. *давать завтрак* (дипломатический термин) и *завтракать, принять решение и решить* и т. п.

Глаголы, задействованные в образовании коллокации, представляют собой несвободные компоненты, задаваемые узусом.

Однако можно отметить и общность значений у имен, использующих один и тот же глагол (ср. *ставит подпись, оценку, метку*), что позволяет предполагать, что глагол тоже обладает некоторым, хотя и не свободным значением, что определяет его выбор (Борисова, 1991; Борисова, Кицей, 2007).

Ключевые слова: фразеология; коллокации; узус; аналитическая номинация.

Key words: phraseology; fixed collocations; word usage; analytical nomination.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Е. Г. Расщепленное действие // Действие: лингвистические и логические модели: тезисы докладов. – М. : Институт языкознания, 1991.
2. Борисова Е. Г., Кицей Е. Н. Системность и узус в устойчивых сочетаниях // Русский язык: исторические судьбы и современность. Третий международный конгресс исследователей русского языка; МГУ им. Ломоносова, 20–23 марта 2007. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 163–164.
3. Виноградов В. В. Русский язык. – М., 1947.

А. Л. Братцева

МГЛУ, г. Москва

СОБЫТИЯ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ОБЫДЕННОГО И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: БИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СМИ

Важными факторами продуктивности специальной коммуникации являются однозначность и прозрачность значения используемых лексических единиц, однако в современном терминоведении им противопоставляются понятия неопределенности и размытости значения (Ирисханова, 2009; Beaugrande, 1997). Рассматривая когнитивный аспект этих феноменов, некоторые авторы подчеркивают их отрицательное влияние на коммуникацию и отмечают, что движущим фактором эволюции человеческого знания является избавление от неопределенности, а значит, и размытости значений – иными словами, прояснение и конкретизация понятий (Grinewicz, 2007). Тем не менее неопределенность не следует однозначно рассматривать как отрицательное явление. Положительная ее сторона состоит в том, что она обеспечивает гибкость и совместимость

точек зрения, а также стимулирует участников коммуникации к более активному «дообраиванию когнитивных пробелов» и более свободной интерпретации сообщений (Ирисханова, 2009). Определенность, в свою очередь, может отрицательно проявляться в предвзятости, ограничивающей разнообразие используемых коммуникантами данных (Beaugrande, 1997), а значит, и развитие научного знания.

Изучение семантической неопределенности терминов становится особенно актуальным в связи с возрастанием роли коммуникативных событий, в которых все чаще происходит размывание границ между научным и обыденным знанием (Myking, 2007). В настоящем исследовании на материале биологических терминов в текстах СМИ показано, что в подобных коммуникативных событиях лексико-семантическая неопределенность, изначально заложенная в специальной лексеме, является важнейшим фактором деспециализации, т. е. частичной утраты словом специального значения. Характер и степень деспециализации могут быть различными в зависимости от характера референтного события и степени размытости компонентов коммуникации. Таким образом, будет показана связь между лексико-семантической неопределенностью терминов и прагматической неопределенностью коммуникативных событий, в которых данные выражения употребляются.

Ключевые слова: специальная коммуникация; неопределенность; размытость значения; научное знание.

Key words: specialized communication; indeterminacy; semantic fuzziness, scientific knowledge.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* О типах знания и семантической неопределенности: дело о деле // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. Рязанский гос. пед. ун-т. – Вып. 6. – 2009. – С. 7–13.
2. *Beaugrande R., de.* New foundations for a science of text and discourse: cognition, communication, and the freedom to access knowledge and society. – Norwood : Ablex, 1997. – 236 p.
3. *Grinewicz S.* Towards linguistic aspects of anthropogenesis // Antia, Bassegy Edem (ed.). Indeterminacy in Terminology and LSP. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 37–72.

4. *Myking J.* No fixed boundaries // Antia, Bassey Edem (ed.): *Indeterminacy in Terminology and LSP.* – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 73–92.

В. Л. Бурова

МГЛУ, г. Москва

УЧЕТ КОГНИТИВНЫХ ПАРАМЕТРОВ СТИЛЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА (на примере устного перевода)

В фокусе выступления – основополагающая роль когнитивных параметров стиля в определении стратегии и тактики перевода как речевого события.

Речевое событие представляет собой многоуровневую конструкцию. Оно существует одновременно и как результат речевой деятельности человека (текст), и как некая программа формирования речевого сообщения (дискурс), которая развертывается с учетом не только смыслового содержания, которое автор сообщения планирует передать в процессе коммуникации, но и способов передачи информации, конкретных условий коммуникации.

Функциональные стили задают определенные нормы для формирования речевого сообщения, определяют параметры выбора языковых средств всех уровней языковой системы с учетом коммуникативной ситуации.

Определяющими когнитивными параметрами стиля являются модель адресата, модель автора речевого произведения, функция и прагматическая установка речевого произведения, способы передачи основной идеи речевого произведения и соотнесенность описываемого с реальностью (Беляевская, 2010).

При порождении иноязычного текста необходимо не только владеть элементами языковой системы, но и иметь представление об ожидаемом ходе изложения мысли, наиболее привычном для носителей данного языка. Это дает возможность формировать вероятностный прогноз разворачивания текста на некоторую перспективу и успешнее выстраивать текст перевода.

Очень часто причиной коммуникативных неудач в переводе является не незнание слов и грамматических конструкций,

а незнание и непонимание логики развития / построения текста, незнание репертуара языковых средств, характерных для речевых произведений определенного функционального стиля или неумение ими пользоваться.

Зачастую в силу интерференции или интуитивного отсутствия возможности ошибки начинающие переводчики не учитывают специфику лингвокультурных моделей, лежащих в основе создания речевых произведений (построения текстов) на разных языках (линейность англоязычного дискурса vs зигзагообразное или спиральное изложение в других языках).

Ключевые слова: функциональный стиль; когнитивные параметры; устный перевод; коммуникативные неудачи; вероятностное прогнозирование.

Key words: functional style; cognitive parameters; interpreting; communication failure; anticipation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 22–30.

А. С. Ваничкина

МГЛУ, г. Москва

ЖАНР СУДЕБНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА (на примере выступлений в Верховном Суде США)

Публичные споры о праве с древнейших времен были одной из наиболее значимых областей общественной речевой практики. В современной лингвистике дискурс как коммуникативный феномен допускает различное толкование. В нашем исследовании мы исходим из его культурно-ситуативного понимания. Соответственно, судебный дискурс является разновидностью юридического дискурса, то есть видом институционального дискурса, который развивается в рамках суда, как социального института. Основной целевой установкой судебного дискурса является установление истины, а все участники судебного процесса связаны статусно-ролевыми отношениями.

Кроме того, следует отметить тот факт, что участники судебного процесса строго регламентированы и могут быть разделены

на две группы: профессиональные и непрофессиональные участники дискурса. К первым относятся судья (иногда коллегия судей), прокурор, адвокат, а также приставы и секретарь суда. Ко второй группе относятся: истец или подсудимый (в зависимости от вида процесса), а также свидетели и присяжные. В целом речь всех участников процесса строго регламентируется, так как коммуникация в рамках судебного заседания определяется социально-историческими, национально-культурными, а также правовыми процессами. Состязательность судебного процесса приводит к тому, что всем участникам необходимо находить способы воздействия на основных участников судебного процесса в рамках строгих ограничений, накладываемых на участников жесткой регламентацией судебного процесса.

Итак, процедура, предусмотренная законодательством определяет жанровое пространство судебного дискурса. Речь адвоката является одним из жанров, существующих в рамках судебного дискурса. Адвокат использует все способы и приемы для отстаивания интересов своего подзащитного. Речь адвоката может быть охарактеризована большей свободой, полемичностью, чем речь прокурора. Речь адвоката представляет собой цельную аргументативную систему. Конечной целью защитника в судебном процессе является достижение благоприятного для подзащитного решения, для чего адвокат использует такие виды аргументирования, как рационально-логические, эмоционально-риторические и аксиологические: привлекает логические доказательства, апеллирует к эмоциям и ценностям.

Ключевые слова: дискурс; жанр; прагматика; судебный дискурс; институциональный дискурс; аргументация.

Key words: discourse; genre; pragmatics; court discourse; institutional discourse; argumentation.

Д. В. Вафина

МГЛУ, г. Москва

ШУТКА КАК ПОЛИМОДАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Описание шутки как полимодального коммуникативного события позволяет рассмотреть языковые и неязыковые средства

ее выражения. Традиционно шутка рассматривается как цельный вербальный текст ограниченного объема с комическим содержанием (Санников, 1999). Использование шуток характерно для спонтанной речи, когда в режиме реального времени говорящие обмениваются шутливыми репликами. Функционирование шутки в спонтанном дискурсе обусловлено динамичностью процесса коммуникации, в котором шутка выступает в роли целого коммуникативного события. Под событием в целом понимается многокомпонентный фрагмент деятельности или значимое изменение во времени и пространстве (Шабес, 1989). Коммуникативное событие – это относительно самостоятельный завершённый фрагмент речевой деятельности, состоящий из цепочки коммуникативных актов и нацеленный на реализацию определенной интенции.

Мы покажем, что в основе производства и понимания шутки лежат когнитивные механизмы перспективизации, которые отвечают за вербальное и невербальное встраивание шутки в спонтанный дискурс. Под перспективизацией мы понимаем дискурсивный процесс конструирования образа объекта с точки зрения коммуниканта, который фокусируется на определенных свойствах референта (Ирисханова, 2013). Построение перспективы в языке и жестах может отличаться в зависимости от выбора говорящим точки обзора. Точка обзора, являясь одним из важнейших компонентов перспективизации, позволяет определить физическую и ментальную точку в пространственно-временной системе координат, в которой находится субъект по отношению к описываемому событию (Langacker 1991). Языковые и жестовые единицы могут вносить неодинаковый вклад в построение общей перспективы в тот или иной момент коммуникации.

На материале устных шуток в интервью мы продемонстрируем, что встраивание перспективы на вербальном и жестовом уровнях может зависеть от выбора одной из четырёх точек обзора. Говорящий может выбрать точку обзора нарратора, наблюдателя, участника или двойную точку обзора, совмещающую несколько статусов. В первом типе построения образа объекта языковой и жестовой перспективы точки обзора совпадают, и встраивается перспектива нарратора. В остальных трех типах комический эффект обусловлен рассогласованием точек обзора. Так, во втором типе вербальное повествование ведется от лица нарратора, в то

время как жестовая перспектива выстраивается от лица участника события. В третьем случае выстраивание языковой перспективы происходит от лица участника события, а построение «жестовой» перспективы ведется с позиции наблюдателя. В последнем типе вербальный компонент помещает субъекта перспективы в позицию наблюдателя события. Однако при выстраивании жестовой перспективы говорящий совмещает перспективы наблюдателя и участника события.

Ключевые слова: шутка; коммуникативное событие; перспектива; точка обзора.

Key terms: joke; communicative event; viewpoint; vantage point.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – 541 с.
2. Шабес В. Я. События и текст: Монография. – М. : Высшая Школа, 1989. – 175 с.
3. Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 15. – С. 43–58.
4. Langacker R. W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. – Berlin–N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991.

А. В. Верещагина

МГЛУ, г. Москва

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ СОБЫТИЙ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ АНТРОПОНИМОВ

В докладе речь пойдет о религиозном дискурсе и его отражении в русском и французском языках. Нами будут рассмотрены библеизмы, т.е. выражения, ведущие свое начало из Священного Писания, которые содержат в себе антропонимы и представляют собой определенную интерпретацию библейских событий.

Представляется интересным выявить состав и количество подобных библеизмов и сопоставить их особенности в русском и французском языках, включая источники происхождения. При этом мы учитываем, что каждое имя из Библии связано минимум с одним значимым событием, а иногда и с несколькими.

В данном случае, несомненно, важным является тот факт, что библеизмы проникли в русский и французский язык разными путями. Ветхий Завет был написан на древнееврейском и арамейском языках, Новый Завет – на древнегреческом. А затем они были переведены на церковно-славянский язык для стран, народы которых исповедовали православие, и переведены на латинский для народов, исповедующих католицизм, а затем уже с них – на национальные языки.

Таким образом, нами был определен состав русских библеизмов по данным словарей современного русского языка, установлено происхождение библеизмов русского языка, выявлено их структурно-семантическое своеобразие и проведен сравнительно-сопоставительный анализ с аналогичными французскими выражениями.

Путем сопоставления были выявлены как абсолютные, так и неполные эквиваленты библеизмов. Кроме того, были установлены библеизмы, не имеющие аналогов в двух языках. Отмечаются библеизмы, которые употребляются в различных вариантах.

Многие библеизмы являются фразеологическими единицами, т. е. словосочетаниями, общее значение которых не выводимо из суммы значений составляющих их слов. Кроме того, так как современные значения библейских крылатых слов и выражений далеко не всегда совпадают со значениями первоисточника, интересно проследить, насколько последовательно сохраняются значения первоисточника в русских и французских библеизмах, содержащих антропонимы, а также который из источников – Ветхий или Новый Завет, чаще выступает в качестве основы для библеизмов.

Ключевые слова: Библия; фразеологический оборот; антропоним.

Key words: the Bible; phraseological unit; anthroponym.

В. Л. Виноградова

МГЛУ, г. Москва

ФАКТИЧЕСКИЕ И КОНТРАФАКТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Современная лингвистика занимается изучением жестовых языков с 60-х гг. XX в. Пионером в изучении лингвистики жестовых языков стал Уильям Стоуки – автор работ по лингвистике

американского жестового языка, который первым обратил внимание на то, что жестовые языки строятся по законам и правилам, схожим с аналогичными правилами словесных языков. Параллельно с работой У. Стоуки, в СССР Галина Лазаревна Зайцева – выдающийся исследователь культуры глухих и жестового языка – занималась изучением русского жестового языка с целью доказать полноценность русского жестового языка как системы коммуникации и обеспечить глухим право использовать его в качестве основного языка общения.

Исследование жестовых языков – это относительно новая область для лингвистики, но за эти годы учеными из разных стран мира было доказано, что жестовые языки являются естественными языками, в которых можно выделить те же языковые уровни, что и в словесных языках: фонологический, морфологический, синтаксический, прагматический.

Русский жестовый язык – естественный язык, на котором говорят глухие и слабослышащие в Российской Федерации и в некоторых бывших республиках Советского Союза. В русском жестовом языке, как и в большинстве языков мира, существуют условные высказывания, которые можно разделить на фактические и контрфактические. В жестовых языках условие чаще всего обозначается немануальными компонентами, т. е. движениями тела и мимикой лицевых мышц. Использование немануальных компонентов в жестовых языках можно сравнить с использованием интонации в языках словесных. Визуально-кинестическая модальность жестовых языков отличает их от других языков человечества, поэтому они представляют особый интерес для лингвистов.

Условные конструкции в жестовых языках изучались лингвистами из разных стран. Наибольший интерес представляют работы исследователей из Израиля, Германии и США, хотя принцип построения условных предложений изучен и на примере других языков: британского, австралийского и т. д.

Цель данной работы – описать основные черты условных конструкций в русском жестовом языке, выявить принцип использования немануальных компонентов в условных конструкциях, определить наиболее частотный порядок следования частей условных предложений (протазиса и аподозиса).

Изучение различных аспектов русского жестового языка и других жестовых языков мира имеет огромное значение для современной лингвистики, так как доказывает, что полноценная коммуникация может протекать не только в устной форме. Исследования, проведенные с использованием корпусных данных различных жестовых языков, доказывают, что жестовые языки обладают теми же свойствами, что и словесные языки, и наличие условных конструкций, их частое использование, сложность и разнообразие – это еще одно доказательство того, что русский жестовый язык – это независимая от русского языка, естественная и сложно организованная языковая система.

Ключевые слова: русский жестовый язык; жестовые языки; условные конструкции.

Key words: Russian Sign Language; sign languages; conditional constructions.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sutton-Spence, R., Woll, B.* The Linguistics of British Sign Language: An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press. 1998.
2. *Pfau R., Quer, J.* Nonmanuals: their grammatical and prosodic roles // Sign Languages / Brentari, D. (eds.): Cambridge Language Surveys. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 381–402.
3. *Johnston, T., Schembri, A.* Australian Sign Language (Auslan): An Introduction to Sign Language Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
4. *Sandler, W., Lillo-Martin, D.* Sign language and linguistic universals. – Cambridge–N. Y.: Cambridge University Press, 2006.
5. *Hermann, A. & Steinbach, M.* (eds.). Nonmanuals in Sign Languages // Benjamins Current Topics 53. – Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2013.

О. С. Волкова

ВолГУ, г. Волгоград

СОБЫТИЙНАЯ АТТРАКТИВНОСТЬ ТЕКСТА НОВОСТНОГО СООБЩЕНИЯ

Современная медиалингвистика активно обращается к вопросам, связанным с прагматической составляющей ценности новостного сообщения, в которой объединяются его информационная

значимость и эмоциональная привлекательность (аттрактивность), совместно обеспечивающие эффективность восприятия потока новостей разнородной аудиторией. Изучение приемов языковой репрезентации указанных признаков ценности в данном исследовании опирается на следующие критерии оценки информационной значимости текста новостного сообщения: *частота* (повторяемость упоминаний о событии в ленте новостей), *масштабность* (мировая или региональная значимость происшествия), *неожиданность* (выделение необычного происшествия, уникального события из ряда повседневных эпизодов жизни), *свежесть* (включение в ленту новостей сообщений с минимальным временным отрывом от момента происшествия, детализация развития уже освещенного события в режиме он-лайн). Аттрактивность как свойство новостного текста вызывать интерес к событию и повышать личностную вовлеченность читателей зависит от *ясности изложения* (отсутствия в тексте двусмысленности, указания на причинно-следственные связи), *социокультурной близости события* (новость становится привлекательнее благодаря знакомству реципиента с местом и/или участниками событий).

Присутствие языковых и текстовых маркеров аттрактивности, соседствующих в тексте новостного сообщения со знаками информативности, отличает стиль англоязычной прессы. На протяжении двух столетий в отдельные исторические периоды в новостных текстах национальных и региональных СМИ Великобритании наблюдается чередование средств и приемов повышения аттрактивности сообщения об актуальных событиях. Исследование данной научной проблемы, выполненное на материале Британского национального архива СМИ (www.http://britishnewspaperarchive.co.uk/)¹, позволило установить тематическое своеобразие новостного контента и выявить различия в лингвостилистических приемах детализации события в текстах новостных сообщений, опубликованных в период с XVIII по XX вв. В докладе планируется представить данные, подтверждающие указанные наблюдения.

Ключевые слова: медиалингвистика; новостное сообщение; ценность; аттрактивность.

Key words: media discourse; news story event; appeal potential; news value.

¹ Грант РГНФ № 15-04-00134 «Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития».

М. С. Голикова

МГЛУ, г. Москва

ПОЗДНЕАНТИЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ В СОБЫТИИ «ВЕРНОСТЬ»

Особенности взаимодействия коммуникативных и когнитивных единиц в рамках события можно проследить на примере события «сохранения верности», значимого для древнеримской культуры. Состоящую из взаимосвязанных частных событий *верность* можно рассматривать как «сложное событие», которое реализуется как в языковых, так и в когнитивных структурах и имеет большое значение для формирования социокультурного поля Древнего Рима (Гольдин 1997, с. 23–34). «Верность» вербализовывалась, прежде всего, номинацией *fides*, широко представленной в античном дискурсе, при моделировании отношений между объектом и субъектом, не связанных кровными узами: патроном и клиентом, государством и гражданином, хозяином и слугой, военачальником и солдатом (Freyburger 1986). В поздней античности, в эпоху сдвигов культурных парадигм и зарождения нового христианского мировоззрения, при сохранении традиционных невербальных выражений, жестов и символов, лексических единиц присущих архаическому сценарию верности, в рамках одной культурной среды, единого временного пространства, возникают множественные конфликты интерпретации и деформация логики события.

Рассмотрение древнеримской верности через призму коммуникативного подхода может дать новое толкование этой проблемы (The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics, с. 58–62). Постоянная динамическая коммуникация субъекта и объекта внутри события, в эпоху поздней античности претерпевает внутреннюю трансформацию, меняя свою векторную направленность. В результате изменений традиционного механизма коммуникации происходит трансформация когниции, когда событие с обновленным сценарием может амбивалентно рассматриваться и как антисобытие («предательство») и как модифицированная, но все же, допустимая вариация нормы.

Ключевые слова: *fides*; верность; преданность; поздняя античность; лингвокультурология.

Key words: *fides*; loyalty; fidelity; Late Antiquity; linguoculture.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 23–34.
2. Freyburger G. Fides: étude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu'à l'époque augustéenne. – Paris : Les Belles Lettres, 1986. – 361 p.
3. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. Geeraerts D., Cuyckens H. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 1334 p.

К. В. Голубина

МГЛУ, г. Москва

УЛЬТРАКОРОТКИЙ РАССКАЗ КАК ПРОДУКТ МЕЖЖАНРОВОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ (на примере современных американских рассказов)

Доклад посвящен анализу относительно молодого поджанра ультракороткого рассказа с когнитивно-дискурсивных позиций на примере рассказов современных американских писателей. Предлагается краткий экскурс в историю жанра ультракороткого рассказа, обсуждается вопрос таксономии ультракоротких рассказов, отражающей как разнообразие онтологических характеристик данного вида дискурса, так и взгляды различных ученых на его сущность. Автор рассматривает жанровый статус ультракороткого рассказа как гибридный, в котором, с одной стороны, объединяются характеристики прозы и поэзии, с другой стороны – прослеживаются черты публицистического дискурса.

Одним из объективных факторов, вызывающим к жизни жанровую гибридность ультракороткого рассказа и ставящим его особняком по отношению к так называемым традиционным жанрам, является, по мнению исследователей, его размер – от 6 до 2000 слов. Благодаря маленькому объему, ультракороткий рассказ напоминает моментальный снимок со вспышкой, в фокусе которого может оказаться, например, одно или несколько значимых событий в жизни героя, его внутреннее состояние в определённый момент его жизни. Ультракороткие рассказы отличает компрессия, суггестивность, отсутствие развития персонажа или персонажей и отношений между ними, калейдоскоп дискурсивных форм, неожиданная развязка, «ментальность».

В докладе предпринимается попытка рассмотреть ультракороткие рассказы с позиций (де)фокусирования для уточнения его межжанровых характеристик. Особое внимание уделяется авторским стилистическим приемам, приобретающим благодаря маленькому объему рассказа особую дискурсивную значимость.

Ключевые слова: ультракороткий рассказ; жанр; гибридизация; когнитивно-дискурсивный; суггестивность; стилистический прием.

Key words: short-short story; genre; hybridization; cognitive discursive; suggestive; stylistic device.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // Собр. соч. : в 7 т. – Т. 5. – М., 1996.
2. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 319 с.
3. *Guimarães, José Flávio Nogueira* (ebook). The Short-Short Story. A New Literary Genre. – Strategic Book Publishing & Rights Agency, 2012.
4. *Shepard, R., Thomas, J.* (Editors). New Sudden Fiction: Short-Short Stories from America and Beyond. – W. W.: Norton & Company, 2007. – 320 p.

Е. Е. Голубкова

МГЛУ, г. Москва

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ СОБЫТИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ (на материале английского, немецкого и португальского языков)

Некоторые номинации в языке обладают большим прагматическим потенциалом в плане построения дискурса, прогнозирования событий в нем и характеристики персонажей. К таким номинациям относятся прецедентные имена и, в частности, имена персонажей сказок.

Под событием понимается квант структурированного знания о динамическом фрагменте картины мира или глобальная текстовая категория, связанная с описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени (Резникова, 2006; Болотнова, 2007). Прецедентные имена во «внесказочных»

контекстах могут выступать в качестве метонимических репрезентантов события или, точнее, всего сценария сказки. Прецедентное имя рассматривается нами в виде фрейма, слотами которого являются основные идиосинкратичные черты героинь и героев сказок и сюжета в версии Шарля Перро (Голубкова, Братцева 2015). Данные слоты обнаруживаются в процессе анализа корпусных примеров как фокусные зоны вторичных наименований. Функционирование имен прецедентных персонажей иллюстрирует действие процесса распределения внимания и его де- / фокусировки, обнаруживая при этом некоторые национально-культурные особенности оценки и восприятия прецедентных имен, а, следовательно, и морали всей сказки в целом (Talmy, 2000; Ирисханова, 2014).

Прецедентное имя выполняет в дискурсе несколько важных с когнитивной точки зрения функций:

- когнитивной экономии, позволяя сократить объем сообщения до необходимого минимума;
- «триггера» – запуска процесса реконструирования сценария всей сказки с дальнейшим введением в фокус других персонажей/артефактов сказки и построением ассоциативных цепочек (*Cinderella, Snowwhite, Prince Charming*);
- настройки внимания на необходимый фрагмент сценарно-го фрейма и правильную интерпретацию высказывания;
- интертекстуальную функцию, указывая на высокую степень межтекстовых связей, сюжетов сказок и их взаимной аттракции.

Корпусные примеры свидетельствуют о динамическом характере модификаций прототипического фреймового значения прецедентных событий, репрезентированных именами, и о возможности заполнения отдельных слотов нетривиальным содержанием, что приводит к многозначности номинаций и отражает индивидуальность развития семантики прецедентных имен в различных языках.

Ключевые слова: событие; прецедентное имя; фрейм; (де-)фокусирование.

Key words: event; precedent name; frame; (de-)focusing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.

2. *Голубкова Е.Е., Братцева А.Л.* «Сказка о руководящей золушке» или Механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка: сб. научных трудов. – Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. – М.–Тамбов, 2015. – С. 90–100.
3. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
4. *Резникова С.С.* Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 22 с.
5. *Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. – Massachusetts and L. : The MIT Press, 2000. – 565 p.

Л. И. Гришаева

ВГУ, г. Воронеж

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАСОБЫТИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В организации медиадискурса особую роль следует, несомненно, отвести медиасобытию.

Причиной этого является то, что структура медиасобытия, с одной стороны, является когнитивной основой для структурирования медийной агенды. Это обусловлено тем, что каждое событие развивается в определенном культурно специфическом хронотопе через последовательную череду фаз, количественная и качественная характеристики которых тесно связаны с типом события и с особенностями ментальной организации этого события и / или его отдельной фазы. Конфигурация медийной агенды, как очевидно, отнюдь не всегда совпадает с конфигурацией агенды публичной и / или политической. Кроме того, не каждое событие способно стать медиасобытием, равно как и медиасобытие как элемент публичной или политической агенды, не обязательно может претендовать на статус потенциально значимого события в медийной агенде. Упомянутые обстоятельства весьма способствуют осмыслению того, как структурируется некоторая часть информационного потока, имеющего непосредственное отношение к одному медиасобытию, как с позиции

обоих коммуникантов, т. е. при генерировании и рецепции того или иного медиатекста, так и относительно организации медиадискурса в целом, т. е. относительно информационного потока в целом и / или вокруг нескольких медиасобытий.

С другой стороны, изучение способов структурирования как медиасобытия в медиадискурсе, так и членения информационного потока в целом позволяет исчислить признаки коллективной идентичности коллективного субъекта познания и коммуникации, наиболее значимые на определенном этапе бытования конкретной языковой культуры, а также выявить конфигурацию этих признаков. Это обусловлено в первую очередь тем, что медиатексты апеллируют главным образом к носителям коллективной идентичности, а также к коллективному субъекту, т.е. к носителям знания, разделяемого всеми носителями конкретной языковой культуры.

С обозначенных позиций репрезентацией медиасобытия в медиадискурсе следует признать некоторое множество медиатекстов, количество и качество которых частично предсказуемо, а частично не может быть заранее предсказанным. Предсказуемость содержательного и формального состава такового множества медиатекстов основывается на структуре события, и это знание о событии разделяют все носители конкретной языковой культуры. Кроме того, носители культуры в той или иной мере владеют знанием о типах текста, специализирующихся на медиадискурсе, в том числе и знанием о принципах семантической, структурной, функциональной, тематической организации текстов соответствующих типов. Невозможность определенно предсказать количество образующих множество медиатекстов, а также качественные характеристики как самого множества медиатекстов, так и каждого отдельного медиатекста, входящих во множество текстов, вытекает из сложной игры гетерогенных факторов, внешних и внутренних по отношению к каждому отдельному медиатексту, а также к множеству медиатекстов и к медиадискурсу. Важно также учитывать, что упомянутое медиасобытие может стать предметом обсуждения не в одном медиаресурсе, а одновременно в нескольких, причем не в одной языковой культуре, а в нескольких. Данное обстоятельство ставит исследователей перед важной задачей – учитывать взаимодействие нескольких культурных кодов при изучении средств и способов репрезентации медиасобытия в медиадискурсе.

Ключевые слова: событие; коммуникация; когниция; культурный код.

Key words: event; communication; cognition; code.

А. П. Гусева

МГЛУ, г. Москва

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯВЛЕНИЯ ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ЖАНРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящей работе мы обращаемся к рассмотрению семиотических отношений, репрезентирующих явление полимодальности в современном экспериментальном англоязычном художественном дискурсе, и предпринимаем попытку выявить роль паралингвистических средств в построении его смысла. Под паралингвистическими средствами мы понимаем визуальную составляющую художественного произведения, т. е. шрифт, рисунки, иллюстрации и другие графические элементы.

Несмотря на свою полимодальную природу, произведения, написанные в экспериментальном художественном жанре, обладают всеми качествами связного текста, в котором и вербальная, и визуальная составляющие подчинены единому авторскому замыслу и несут в себе определенную смысловую нагрузку, а полноценное понимание заложенного смысла возможно только с учетом обеих составляющих.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу экспериментальной художественной литературы, в которой полимодальность является основной жанровой чертой, дает возможность проследить, как автор стирает границы между реальным миром и миром художественного произведения, вымыслом, посредством использования различных модусов передачи информации.

Обращение автора к полимодальной организации дискурса является намеренным действием, направленным на вовлечение читателя в процесс интерпретации художественного произведения, и представляет собой базовую специфическую характеристику нового экспериментального жанра англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: художественная литература; жанр; полимодальность; интерсемиотичность; теория текстовых миров.

Keywords: literary discourse; genre; multimodality; intersemioticity; text world theory.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михеев А. В.* О некоторых типах взаимодействия изображения и текста// Типы коммуникации и содержательный аспект языка. – М. : АН СССР. Институт языкознания, 1987. – С. 191–199.
2. *Нестеренко С. П.* Гарнитура шрифта как фактор регуляции восприятия текста (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 198 с.
3. *Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 237 с.
4. *Gavins J.* Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007.

В. А. Денисова

МГЛУ, г. Москва

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТА И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ В ПОЛИМОДАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале русского языка)¹

Категория аспекта, или вида, выражается различными способами в большинстве языков, играя важную роль в конструировании событий. В существующих сегодня теоретических исследованиях отмечается, что категория аспекта показывает, как события разворачиваются во времени (Comrie, 1976, Маслов, 2004), однако вопрос о том, каким образом использование глагола в той или иной видовой форме влияет на конструирование событий, остается открытым.

Говоря о категории аспекта в целом, вне контекста, лингвисты связывают ее с понятием перфектности. Для описания значения перфекта и имперфекта, которое передается в русском языке совершенным и несовершенным видом соответственно, исследователи обращаются к понятию предела (Lyons, 1977). Так, глаголы совершенного вида представляют предельные события, а глаголы

¹ Исследование выполнено в МГЛУ при поддержке РФФ (грант № 14-48-00067).

несовершенного вида описывают события, которые не имеют четких границ.

При изучении вопроса о влиянии той или иной видовой формы глагола на конструирование события, мы учитывали полимодальность коммуникации. Важным компонентом нашего анализа стало исследование жестов, сопровождающих речь. Сегодня для лингвистов изучение жестов становится своеобразным окном в мышление человека, и помогает приблизиться к пониманию того, как говорящий конструирует событие (Parrill, Bergen, Lichtenstein, 2013).

Соотношение использования глагола в определенной видовой форме и жестов, сопровождающих речь, было рассмотрено на материале устных нарративов, полученных в результате экспериментального исследования, в рамках которого было записано 10 диалогов с элементами монолога. Участники эксперимента, находясь перед видеокамерой, рассказывали друг другу истории из своей жизни на предложенные им темы. Записанные видео были проанализированы в программе ELAN, где обозначались время и вид глагола, а жесты, сопровождающие речь, были рассмотрены с точки зрения жестовых схем предельности / неопределенности, предложенных К. Мюллер (Müller, 1998).

Результаты исследования показывают, что в русском языке использование жестов того или иного характера зависит от ряда факторов, тесно связанных с лексической составляющей категории аспекта.

Ключевые слова: аспект; конструирование события; полимодальная коммуникация; исследования жестов.

Key words: aspect; event construction; multimodal communication; gesture studies.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М. : Языки Славянской Культуры, 2004.
2. Comrie, B. Aspect. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
3. Lyons, L. Semantics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – Vol. 2.
4. Müller, C. Beredete Hände. Theorie und Sprachvergleich redebegleitender Gesten // Körperbewegungen und ihre Bedeutungen / eds. Th. Noll and C. Schmauser. – Berlin : Berlin Verlag, 1998.

5. Parrill, F., Bergen, B. K., Lichtenstein, P. V. Grammatical aspect, gesture, and conceptualization: Using co-speech gesture to reveal event representations // Cognitive Linguistics, 2013. – Vol. 24(1).

И. Е. Дьячкова

МГЛУ, г. Москва

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ
В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В УСЛОВИЯХ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ НОМИНАЦИИ
(на материале английских идиом
с компонентом-антропонимом)**

В работе предпринимается попытка моделирования семантики фразеологических новообразований на базе английских идиом с компонентом-антропонимом.

Фразеологические единицы (ФЕ) являются целостными по своей номинативной функции несколькословными наименованиями со сложной семантикой. Хотя внешняя структура ФЕ характеризуется раздельнооформленностью, интегрированное значение целой фразы невозможно полностью экплицировать, исходя из значений ее лексических компонентов. Поэтому фразеологизм считается сложным знаком.

Одной из важных характеристик фразеологической семантики представляется ее компрессионный характер, благодаря чему в сжатой форме передается значительный «пакет» информации, сопоставимый с развернутым текстом. Это особо ярко проявляется в случае фабульных идиом, которые восходят к определенным литературным источникам (сказка, притча, басня и т. п.). ФЕ этого типа (*Lot's wife*, *Peeping Tom* и т. п.) соотносятся с неким историческим или коммуникативным событием, реальным или вымышленным, и их семантика фактически включает целый рассказ об этом событии.

С когнитивной точки зрения фразеологическая семантика отражает сложную ментальную структуру как форму организации тех знаний, которые послужили основой для данной номинации и составляют имплицитный компонент соответствующей ФЕ. Потенциальная гибкость этой структуры позволяет перераспределять и даже обновлять содержащуюся в ней информацию с учетом конкретной дискурсивной ситуации и тем самым создает условия для

формирования на базе узуальной единицы новых, индивидуальных смыслов вплоть до образования новых фразеологических единиц.

Обзор большого корпуса английских ФЕ показывает, что идиомы с компонентом-антропонимом, несмотря на видимую уникальность каждой такой единицы, нередко становятся объектом всевозможных окказиональных преобразований в современном дискурсе и, более того, источником ФЕ-неологизмов. Сохраняя очевидную номинативную связь с исходным фразеологизмом, подобные новообразования обнаруживают ту или иную степень отклонения от узуального значения.

Моделировать индивидуально-авторский смысл, возникающий в ходе дискурсивной номинации на основе ФЕ, позволяют методы когнитивной семантики и, в частности, метод, восходящий к теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера (Fauconnier, Turner, 2002), которая проливает свет на механизм формирования интегрированного значения комплексного знака на базе его исходных компонентов. При моделировании фразеологического значения следует учитывать, что его формирование опирается не только на стандартный алгоритм концептуальной интеграции, описанный Ж. Фоконье и М. Тернером, но и предполагает обработку релевантного культурного знания, а также ситуационного контекста и знания, связанного с конкретной дискурсивной номинацией.

Ключевые слова: фразеологическая единица; композиционная семантика; концептуальная интеграция; дискурс; событие.

Key words: idiom; compositional semantics; conceptual integration; discourse; event.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fauconnier, G., Turner, M.* The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. – Basic Books, 2002.

О. В. Евтушенко, Ба Юйсинь

МГЛУ, г. Москва

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Одна из проблем когнитивной лингвистики – выявление «схем соединения определенных структур знания с определенными

словообразовательными конструкциями, механизмов словообразовательного моделирования» (Кубрякова, 2004, с. 393). В разработанной Л. И. Плотниковой интегративной речемыслительной модели словопроизводства (Плотникова, 2004) когнитивная ступень осталась недостаточно детализированной.

В докладе представлена рабочая типология операций, доступных субъекту в процессе перекодирования структур знания в слово. Она выведена путем анализа результатов эксперимента, в ходе которого информанты по дефиниции узнавали недавно появившееся в русском языке слово или создавали свое новообразование взамен неузнанного. Дефиниции соответствовали словам *автовизитка*, *бизнес-отношения*, *деофшоризация*, *ипотечник*, *киберунижение* и были построены как сложное или простое полипропозитивное предложение, так чтобы в их основе лежал сценарий, например: «бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи».

Было установлено, что в процессе моделирования нового слова испытуемые использовали такие операции, как:

- 1) поиск подходящей категории среди имеющихся с последующим расширением этой категории за счет нового элемента;
- 2) фокусирование внимания на части дефиниции и подбор более узкой категории;
- 3) суперкатегоризация, т. е. смещение вверх в категориальной иерархии;
- 4) субкатегоризация, т. е. выделение подвида;
- 5) детализация, в результате которой в фокусе оказывается рема, тогда как тема прячется в аффиксы;
- 6) категориальное смещение, т. е. неточное отнесение к близкой категории;
- 7) субкатегоризация с категориальным смещением;
- 8) синкретическая категоризация или субкатегоризация, т. е. отнесение к далекой категории с возможным последующим выделением в ней подвида;
- 9) гибридизация;
- 10) метафоризация;
- 11) мысленное разворачивание темы дефиниции в сценарий и выбор из него одной ИКМ, а именно прототипа, выделяющегося примера, идеала;

- 12) ретроспективная категоризация или субкатегоризация, т. е. фокусирование вероятных событий, предшествовавших сценарию;
- 13) проспективная категоризация, т. е. фокусирование событий, которые могли бы стать следующей частью сценария.

Ключевые слова: словотворчество; дефиниция; сценарий; категоризация; субкатегоризация; идеализированные когнитивные модели.

Key words: word creation; definition; scenario; categorization; sub-categorization; idealized cognitive models.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Ин-т языкознания РАН. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. *Плотникова Л. И.* Словотворчество как феномен языковой личности: Порождение, функционирование, узуализация нового слова: дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2004. – 374 с.

А. Г. Захарова

МГЛУ, г. Москва

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ ROBIN HOOD КАК СОБЫТИЙНЫЙ ФРЕЙМ

В докладе рассматриваются события, репрезентируемые прецедентным именем Robin Hood и его дериватами, представленными в форме фреймовых моделей. На примере производных, образованных от имени героя британского эпоса, мы предпринимаем попытку объяснить гибкость человеческого мышления и определить, как конструируются новые значения и концепты, и какие когнитивные процессы лежат в основе этого.

Почти за каждым прецедентным именем стоит событие, однако для «расшифровки» события необходима общность стереотипных представлений о данном прецедентном имени. В последнее время событие рассматривается в русле когнитивной парадигмы. В. С. Ли определяет событие как регулируемый языковым сознанием концепт, организующий наши знания (Ли, 2000, с. 151). Событие

представляется нами как фрейм, заключающий в себе слоты – более мелкие структурные единицы с имманентными и постоянными свойствами конкретно для этого определенного прецедентного феномена. Когда мы имеем дело с производным от прецедентного имени, семантика деривата отличается от семантики исходного прецедентного имени, что является следствием иной наполненности слотов. Таким образом, дериват приводит к концептуальной перестройке фрейма-события за счет появления другого слова.

При деривации происходит интенциональное перефокусирование или дефокусирование, это изменение фокуса внимания говорящих приводит к понижению или к повышению выделенности (салиентности) элементов конструируемой ситуации, т. е. к перемещению этих элементов во вторичный или первичный фокус соответственно (Ирисханова, 2014, с. 65). Эти когнитивные процессы обуславливают определенное восприятие языковой единицы человеком и в отдельных случаях интенсифицируют её аксиологическую ценность.

При анализе производных от прецедентных феноменов мы имеем дело с двумя когнитивными моделями события, одна из которых описывает прецедентный феномен, а другая – образовавшийся дериват. Эти модели взаимодействуют, и мы получаем событийный фрейм, который строится на основании метафоры, т. е. переносе образной схемы одной концептуальной сферы в другую путем построения алгоритма образной ситуации (Бабичева, 2007, с. 167).

Итак, в основе образования дериватов от прецедентного имени Robin Hood лежат такие когнитивные процессы, как перефокусирование, дефокусирование, а также наблюдаются изменения во фреймовой структуре: «начинка», или наполненность слотов, меняется.

Ключевые слова: прецедентный феномен; производное; фрейм; слоты; фокусирование; дефокусирование.

Key words: precedent phenomenon; derivative; frame; slots; (de-) focusing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабичева А.С. Фрейм «Свадьба» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 191 с.
2. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – С. 64–98.

3. *Ли В. С.* О категориальном статусе инфинитива и событийных имен // *Фортунаатовский сб.: материалы Науч. конф., посв. 100-летию Моск. лингвист. школы 1897–1997 гг. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 146–151.*

А. И. Измалкова, И. В. Блинникова, С. А. Кирсанова

Измалкова А. И., Блинникова И. В., МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Кирсанова С. А., МГЛУ, г. Москва

**ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ И РАСПОЗНАВАНИИ СЛОВ
НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ¹**

В настоящее время в когнитивной науке большой интерес вызывают показатели движений глаз, которые считаются коррелятами познавательной активности [2]. В данном исследовании техника регистрации движений глаз применялась для анализа процессов чтения и распознавания слов на иностранном языке. В исследовании приняли участие 26 студентов Московского Государственного Лингвистического Университета.

Процедура. После прохождения пробной серии эксперимента испытуемым предъявлялся тестовый стимул: текст на английском языке (335 слов), адаптированный для уровня В1, включающий 10 слов с низкой частотностью. Тексты предъявлялись на экране компьютера, оснащенного аппаратурой для бесконтактной регистрации движений глаз (SMI Red-x, 60 Hz). После прочтения текста испытуемым задавались вопросы на понимание, затем испытуемых просили перевести 10 целевых слов и описать в свободной форме способ распознавания значения слова. Регистрировались показатели движений глаз, используемые в современных исследованиях чтения и визуального поиска [1]: количество фиксаций, длительность фиксаций, амплитуда саккад.

Результаты. В результате проведения экспертной оценки используемых способов распознавания значений слов и совершенных ошибок воспроизведения было выделено 3 основные стратегии распознавания: анализ контекста, анализ морфем, анализ дискурса; а также 3 соответствующих типа совершенных ошибок воспроизведения. Коэффициент сопряженности между типом

¹ Работа поддержана грантом РГНФ; проект № 16-36-00044.

стратегий и ошибок ($k=0,43$; $p<0,05$) свидетельствует о валидности используемого метода. Были получены значимые различия в показателях движений глаз при использовании различных стратегий распознавания (см. табл. 1).

Таблица 1

**Показатели движений глаз
в зависимости от используемых стратегий распознавания**

Показатели движений глаз / Стратегии	Значимость различий	Анализ контекста Среднее (σ)	Анализ морфем Среднее (σ)	Анализ дискурса Среднее (σ)
Время пребывания на слове (мс) (AOI dwell time)	F=3,59; $p<0,01$	1908 (1573)	1930 (1671)	1601 (1270)
Количество фиксаций на слове	F=6,14; $p<0,01$	4,6 (3,5)	3,9 (2,9)	3,3 (1,79)
Количество возвратов к слову (AOI returns)	F=5,35; $p<0,01$	2,1 (1,9)	1,9 (2,5)	1,5 (1,4)
Средняя амплитуда саккад	F=3,11; $p<0,02$	3,1 (1,4)	3,1 (1,4)	2,5 (1,4)

Таким образом, было продемонстрировано различие показателей движений глаз в зависимости от использования разных стратегий распознавания значений слов.

Ключевые слова: визуальное распознавание слов; изучение лексики иностранного языка.

Key words: visual word recognition; second language vocabulary acquisition.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Holmqvist K. et al.* Eye tracking: A comprehensive guide to methods and measures. – Oxford University Press, 2011.
2. *Rayner K.* Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // Psychological bulletin. – 1998. – Vol. 124. – № 3. – P. 372.

З. А. Игина

Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Украина

ТРАСОЛОГИЯ НАРРАТИВА: СОБЫТИЕ И ЕГО СЛЕД

Термин «нарратив» обозначает любое произведение, излагающее историю о событии, где последнее – изменение в описываемой ситуации. Событие идентифицируется тогда, когда ситуация, представленная в нарративе как исходное состояние (F) чего-то/кого-то (x) в момент времени (t_1), трансформируется, так как нечто (H) происходит с x в момент (t_2) после t_1 , в результате чего x меняет состояние (на G) после t_2 (в момент t_3) (Данто, 2002). Событие абстрактно и требует конкретных манифестаций, сохраняя таким образом собственную уникальность как отвлеченный принцип и являясь границей, относительно которой определяются позиции всех задействованных в нем элементов. Манифестацией события является происшествие. Например:

I had always found the organ-playing at St. Barnabé highly interesting. Learned and scientific, it was too much for my knowledge, but expressing a vivid sensation of cold intelligence. Today, however, from the first chord I had felt a change for the worse, a sinister change. Now and again, quite randomly as it seemed, from the west gallery where the great organ stands, a heavy hand had struck across the church, at the serene peace of those clear voices. It was something more than harsh and dissonant, and it betrayed no lack of skill. Something not usually supposed to be at home in a Christian church, might have entered undetected, and taken possession of the west gallery (Chambers, 2013, с. 84–85).

– Происшествием (H) является возникновение состояния недоумения рассказчика (x) в связи с изменением манеры ученого, техничного, холодно-интеллектуального органного исполнения (F), к которому x был привычен в промежуток времени t_1 (always). Звучание органа, как ему кажется, превращается в нечто злое и тяжелое, хотя и не менее изощренное, в промежуток времени t_2 (today). В результате возникновения недоумения (в момент t_3) x начинает размышлять о присутствии в нефе сверхъестественного (G).

Событие, реализованное происшествием, обнаруживается по так называемым следам. След – это способ соотнесенности происшествия с событием посредством языковых сигналов (например,

противопоставление *always – today*). Метод поиска следа предлагается называть трасологией (фр. *la trace – след*, гр. *λόγος – слово, учение, причина*) нарратива, поскольку нарратив выступает средой, где находятся следы события. След очевиден тогда, когда его означающее соотносится с другими означающими того же означаемого (Автономова, 2000), т. е. структурно он полагается минимум как привативная оппозиция, где оба элемента категориально значимы. Формулу следа можно записать как $T = (s1 \Rightarrow H1) \square (s2 \Rightarrow H2)$, где T – след, $H1,2$ – происшествия, $s1,2$ – сигналы происшествий; \Rightarrow – импликация, \square – конъюнкция. Происшествие является «узлом», увязывающим состояния **до** него и **после**, – точкой, отражающей (лат. *punctum refractionis*) F с одной стороны и G – с другой, причем F и G осуществляются как со-стояния (т. е. сопричастные событию совокупности наличных в определенный момент условий) только через происшествие, только «отразившись» ($F \rightarrow H \leftarrow G$; $H = F :: G$). При таком понимании F и G – не просто настроения рассказчика или вовлеченных персонажей, но «пространства претворения» (*vestigia habituum*), со-стоящие при событии (лат. *vestigium – точка времени и пространства, место; habitus – состояние*).

Ключевые слова: нарратив; оппозиция; след; событие; трасология.

Key words: event; narrative; opposition; trace; trace analysis.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н. С. Деррида и грамматология // Ж. Деррида. О грамматологии. – М. : Ad Marginem, 2000. – С. 7–111.
2. Данто А. Аналитическая философия истории. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
3. Chambers R. W. In the Court of the Dragon // The King in Yellow and Other Horror Stories. – Courier Corporation, 2013. – P. 84–93.

Е. Ю. Ильинова

ВолГУ, г. Волгоград

НОВОСТНОЕ СООБЩЕНИЕ: МЕНТАЛЬНЫЙ КОРРЕЛЯТ СОБЫТИЯ И МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Интересы современной когнитивно-дискурсивной лингвистики в значительной степени сосредоточены на выборе методов и приемов объективации соотношения между когнитивными

структурами мышления и дискурсивно-текстовыми формами, объединенными общими социокультурными условиями коммуникации. В данном исследовании¹ представлены результаты изучения механизма репрезентации социально значимого события в массмедийном дискурсе с опорой на когнитивно-дискурсивный анализ корпуса новостных текстов.

Событие как важное явление, факт общественной или личной жизни представляется онтологической конфигурацией категоризации мира, с помощью которой фиксируются изменения или появление новых данных о состоянии дел в мире. В массмедийном дискурсе, призванном с помощью информации о социально значимых событиях и фактах (новостных сообщений) управлять массовым сознанием, сложились профессиональные технологии репрезентации актуальных событий, основанные на когнитивных стратегиях фокусного конструирования ментального коррелята события и его вариативных вербализациях в форме текста новостного сообщения.

Ментальный коррелят социально значимого события или происшествия строится в медийном дискурсе в соответствии с когнитивно-онтологической моделью ситуации, традиционно включающей участников события / происшествия, характеристики их действий или состояний, а также информацию о временных, пространственных, каузативных и иных обстоятельствах события / происшествия. Все указанные конститuentы вербализуются в тексте новостного сообщения с разной степенью точности, достоверности, детализации, что зависит не только от типа события, но и прагматических задач медийного издания. В частности, современные СМИ, реализуя социальные функции ориентирования, информирования, воздействия, часто избирают аттрактивный фокус изображения событий в ленте новостей, что проявляется в нарушении баланса точности, повышении степени детализации отдельных конститuentов события, намеренном отклонении от основной темы сообщения. Вследствие этого универсальная модель новости получает вариативную текстовую реализацию, связанную с выбором

¹ Работа «Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития» выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант РГНФ № 15-04-00134).

фактографической, аналитической или образно-детализирующей стратегий медиарепрезентации события.

В докладе планируется обосновать эффективность когнитивно-дискурсивного анализа текста, представить данные о специфике реализации вышеуказанных стратегий медиарепрезентации ментального коррелята события, выраженных жанрово-композиционными, лексико-грамматическими и стилистическими средствами новостного текста; на материале корпуса новостных текстов будет показана вариативность языковых приемов представления ментального коррелята социально значимого события.

Ключевые слова: событие; новостное сообщение; медиарепрезентация; корреляция.

Key words: event; news report; media representation; mental correlate.

Е. И. Карпенко

МГЛУ, г. Москва

ИМЯ КАК СОБЫТИЕ: ПРОПОЗИЦИИ В СЕМАНТИКЕ БИБЛЕИЗМОВ

Концепция культурных моделей, развиваемая в современной когнитивной лингвистике, объясняет использование имен собственных в качестве нарицательных как коммуникативно обусловленное смещение фокуса на тот или иной признак модели (Ириханова, 2014). Библейские культурные модели, отличающиеся длительной традицией функционирования в различных семиотических системах культуры, обладают широким набором признаков, генерируемых не только библейским сюжетом-источником, но и «текстами культуры».

Как известно из исследований прецедентных феноменов, библейские имена включают в свою семантику дифференциальные признаки соответствующей прецедентной ситуации: Иуда подразумевает ситуацию предательства, Каин и Авель – убийства; Иов – терпеливого перенесения страданий; Авессалом – мятежа и т. п. Для описания семантики библейских имен применим образ «свернутого текста», в основе которого лежит пропозиция: ‘брат убивает брата’, ‘ученик предаёт учителя’, ‘Бог испытывает праведника’, ‘сын восстает против отца’. Большинство библейских ситуаций

отражают наиболее обобщенные социально значимые категории человеческого опыта (архетипы), поэтому действие, предикцируемое субъекту в описанных выше пропозициях, приобретает статус события, понимаемого как «изменение положения дел в мире» (Дубровская, 2005, с. 129). Такое событие становится базой языкового и художественного творчества. Неслучайно литературные мотивы получают языковое воплощение в виде предикативных существительных, ср.: мотивы убийства, раздора, предательства, преступления и наказания (Силантьев, 2004). Их комбинации составляют основу сюжетов, цементирующих многовековую традицию художественного переосмысления библейских образов.

Анализ употребления библейских имен в современных СМИ ФРГ показывает, что референтом модели КАИН И АВЕЛЬ часто является конфликт (ссора, вражда) между родственниками / партнерами по бизнесу / конкурентами в политической борьбе, ни один из которых не собирается убивать другого. При этом открытый конфликт между братьями, являющийся основой литературного мотива ‘Bruderzwist’, не отражен в соответствующей библейской истории [1 Быт.: 4].

Ключевые слова: пропозиция; библейское имя; культурная модель.

Key words: proposition; biblical name; cultural model.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровская О. Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике // Вестник Астраханского гос. лингвист. ун-та (Сер. Гуманитарные науки). – № 5 (28). – 2005. – С. 129–137.
2. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
3. Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

К. С. Кемова
МГЛУ, г. Москва

ПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ КАК СПОСОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНДЕНСАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование, проведенное на материале классической и современной литературы (1500 примеров), выявило, что частотность предикативных конструкций с неличными формами существенно возросла в современном английском языке. Мы полагаем, что это явление может быть связано с тенденцией современного языка выражать информацию максимально сжато. В данном случае средством синтаксической компрессии служит вторичная предикативность, лежащая в основе конструкций с неличными формами глагола.

Объектные предикативные конструкции с инфинитивом и причастием, количество которых в современном английском языке возросло вдвое по сравнению с языком XIX в., наиболее частотны после каузативных глаголов. Среди данной группы глаголов преобладают семантически насыщенные *have* и *get*, а среди глаголов чувственного восприятия глагол *find* был обнаружен в конструкции «*find somebody do*», не зафиксированной в классической литературе.

Тенденция к информационной конденсации ярко проявилась в функционировании абсолютных причастных конструкций в современном английском языке. Абсолютные конструкции, количество которых возросло в четыре раза в современном языке, представляются средством сжатого описания пространственных или темпоральных явлений внутри ситуации. Наш анализ также выявляет некоторые изменения в функционировании номинативного элемента абсолютных конструкций.

Ключевые слова: английский язык; синтаксис; предикативные конструкции; неличные формы; информационная конденсация; вторичная предикативность; абсолютные конструкции.

Key words: the English language; syntax; predicative constructions; non-finite forms; information condensation; secondary predication; absolute constructions.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беклемешева Н. Н.* Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 28 с.
2. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Либроком, 2009.
3. *Кужлина А. В.* Морфосинтаксические характеристики инфинитивных конструкций в английской речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/14.html>

М. И. Киосе

Международный институт менеджмента ЛИНК, г. Москва

СОБЫТИЙНОСТЬ В ТЕКСТОВЫХ МОДЕЛЯХ НЕПРЯМОГО НАИМЕНОВАНИЯ

В работе исследуются особенности конструирования событийности в тексте с помощью не прямых номинаций, способных не только называть референт, но и предиктировать ему такие характеристики, которые позволяют либо определить референт как событийный, либо создать ему событийный образ. Решается задача описания событийности в динамическом аспекте, которая обеспечивается интеграцией нескольких образов одного референта в тексте и создаваемой за счет этого сменой фокусов, выводящих на первый план разные элементы события. Определяются три основные возможности организации событийности: непрямоу наименованию подвергается событийный референт; несобытийный референт получает не прямое наименование, которое задействует событийный образ; установление кореференций между прямыми и непрямыми номинациями достигается только при конструировании событийного фрейма.

Анализ моделей непрямого наименования событийных референтов показал, что событийность помимо таких явных элементов, как:

ДЕЙСТВИЕ «Nobody goes in or out tonight without *the blessing* of Captain Fache» (*D. Brown*) – о референте Получение разрешения полиции);

ЭТАПНОСТЬ «He began to talk in a sinister way about ‘*economies*’, by which he meant retiring permanently to the country, reducing the number of indoor servants, stopping bedroom fires...» (*E. Waugh*);

ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ СОБЫТИЯ «*The past year* had taken a heavy toll on him» (*D. Brown*) – о референте Череду тяжелых событий) и др., включает и менее очевидные, но не менее частотные элементы:

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ «Мог снять с работы любого министра *одной публикацией*» (*Ю. Поляков*) – о референте Написание и издание доноса;

ВРЕМЯ НАЧАЛА СОБЫТИЯ «At twelve fifty-five, five minutes before *the zero hour*, I went up again for a final check» (*R. Dahl*) – о референте Обмен женами) и др.

Конструирование событийного образа несобытийного референта можно проиллюстрировать примером:

Berry hesitated <...> My mother died when I was born <...> [My father] was killed in a railway accident when I was three <...> his aunt adopted me <...> her husband had died <...> “What a *gruesome mess* you must have been at three,” said the Biscuit meditatively (*P. G. Wodehouse*).

Здесь образ субъекта (*Berry*) интегрируется в тексте с компонентами ПРОИСШЕСТВИЯ, УЧАСТНИКИ ПРОИСШЕСТВИЯ, РЕЗУЛЬТАТ ПРОИСШЕСТВИЯ в структуре единого событийного фрейма СЛОЖНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СОБЫТИЯ, НЕУРЯДИЦЫ. В результате конструируется новый событийный образ несобытийного референта с фокусом «потерянный, дезориентированный», означивающийся номинацией *gruesome mess*.

Прямые и непрямы номинации часто обнаруживают кореферентные связи только при обязательном конструировании событийного фрейма. В примере: *была боязнь за маму* [выделено курсивом] – *так звали между собой Людмилу Афанасьевну три ее ординатора-лучевика. Мамой она приходилась им и по возрасту <...> Она хотела, чтобы ту же старательность и въедливость усвоили все три «дочери»* (*А. Солженицын*) номинации *мама, Людмила Афанасьевна, ординаторы-лучевики, «дочери»* определяются в структуре единого событийного фрейма РАБОТА-СЕМЬЯ, включающего череду событий (практики передачи опыта).

Такой анализ позволяет установить границы применения термина «событийность» для нужд когнитивного анализа текста и уточнить организацию фрейма СОБЫТИЙНОСТЬ (на материале русского и английского языков).

Ключевые слова: событие в тексте; непрямые номинации; когнитивные модели наименования.

Key words: event in text; indirect names; naming cognitive models.

С. Л. Климинская

МГЛУ, г. Москва

КОГНИТИВНОЕ СОБЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Политические и экономические события последних 70 лет в жизни человечества вызвали серьезные социальные изменения. Современное общество столкнулось с проблемой необходимости создания стратегий гармоничного и сбалансированного развития, исходя из разумного использования природных ресурсов, эффективной организации экономической деятельности и рациональной инвестиционной политики, ориентации научно-технического развития для укрепления мирового потенциала и удовлетворения человеческих потребностей и устремлений (Материалы, 2013).

Новая стратегия общечеловеческого развития предполагает преодоление существующих кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности человека и направлена на поддержание устойчивого развития мирового сообщества. Понятие устойчивого развития становится одним из социально значимых явлений в жизни современного человека, так как подразумевает кооперацию в экономической, социальной, политической и экологической сферах жизни современного общества. Взаимодействие в данных областях общественной жизни означает активный диалог между представителями различных социальных, этнических и профессиональных сообществ (Халеева, 2013). В контексте устойчивого развития процесс коммуникации представляет собой последовательность когнитивных событий (обмен информацией, мнениями), имеющих конечной целью адекватное понимание и снижение риска возникновения коммуникативного конфликта (Куликова, 2015; Серебренникова, 2012). При этом событие выступает как явление когнитивно-коммуникативного плана, обладающее как переменными, так и константными свойствами. К переменным характеристикам события в дискурсе устойчивого развития относится этнокультурный контекст развертывания коммуникации, а также

когнитивное состояние участников процесса общения (сходное или различное). В зависимости от этих факторов характер события как когнитивно-коммуникативного феномена варьируется на фоне константы – глобальной установки на достижение взаимопонимания и устойчивости коммуникации. Исследование данного явления будет способствовать изучению проблем варьирования и дискурсивного взаимодействия когнитивных структур (Ирисханова, 2012).

Ключевые слова: устойчивое развитие; социальный дискурс; образовательный дискурс; когнитивные структуры.

Key words: sustainable development; social discourse; educational discourse; cognitive structure.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О.К.* Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник МГЛУ. – 2012. – № 638 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotypy-etalon-y-i-drugie-sotsiokulturnye-modeli-v-diskurse-shodstvo-i-razlichiya>
2. *Куликова О.В.* Междисциплинарные основания гуманитарного образовательного дискурса // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (717). Серия Языкознание и литературоведение). – С. 359–366.
4. Материалы международной конференции по образованию в интересах устойчивого развития, посвященной 150-летию В.И.Вернадского, 23–25 мая 2013 г., Ханты-Мансийск: Вестник ЮНЕСКО № 18. – URL: www.unesco.ru
5. *Серебренникова Е.Ф.* К проблеме аксиологического измерения социального дискурса // Вестник БГУ. – 2012. – № SA. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-aksiologicheskogo-izmereniya-sotsialnogo-diskursa/>
6. *Халеева И.И.* Формирование лингвистического пространства как фактор устойчивого развития // Экономика языка и бизнес: сб. науч. тр. по материалам круглого стола, 26 апреля 2013. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 7–17.

Л. Р. Комалова

МГЛУ, ИНИОН РАН, г. Москва

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА «АГРЕССИЯ»

Можно констатировать вариативность форм и видов агрессии, проявления которой закреплены как невербально, так и вербально, реализуясь в письменной и устной формах речи.

Ситуация вербальной реализации агрессии рассматривается как типичное коммуникативное событие, характерное для межличностной коммуникации в любой лингвокультуре.

При исследовании феномена агрессии наряду с механизмами реализации агрессивного поведения (когнитивно-коммуникативно-поведенческие паттерны субъекта агрессии – агрессора) следует учитывать восприятие всех субъектов коммуникативного акта агрессии: жертвы, агрессора и третьих лиц.

Агрессивное речевое поведение характеризуется комплексом отрицательных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний, испытываемых субъектом в акте коммуникации, и может служить диагностическим маркером, свидетельствующим о готовности субъекта реализовать физическую агрессию или иные действия деструктивного характера в отношении себя или иных субъектов.

Социальные психологи утверждают, что данный акт расценивается как агрессивный в силу того, что в восприятии реципиента он соотносится с атрибуциями агрессии. В связи с этим значимым представляется исследование слухового восприятия эмоционально-модального комплекса «агрессия», реализуемого в коммуникативном акте.

Важным является и то, каким образом в письменной форме речи происходит осмысление актов агрессии, в частности посредством медиа-дискурса. Трансформация исходного значения коммуникативного действия, форма представления сообщения, а также установки по отношению к субъектам акта агрессии, транслируемые авторами текстов СМИ, вносят корректировку в формирующийся образ события деструктивного характера.

В докладе представлены результаты экспериментального исследования перцептивно-слухового восприятия звучащей речи, вербализующей эмоционально-модальный комплекс «агрессия»,

а также результаты анализа текстов современных сетевых СМИ, в контенте которых представлены лексемы семантического поля «агрессия»¹.

Ключевые слова: семантическое поле «агрессия»; вербализация; слуховое восприятие.

Key words: semantic field «aggression»; verbalization; auditory perception.

С. Б. Копошилко

МГЛУ, г. Москва

«РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ» – ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ УСПЕШНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

1. В человеческом общении велика роль внутренней речи в ее разнообразных формах и проявлениях (речь про себя, внутреннее проговаривание, внутреннее программирование). В жизненной практике люди пользуются внутренней речью, как правило, подсознательно.

2. Психолингвисты утверждают, что всякой речи вслух предшествует бессознательное проговаривание про себя (Дж. Филд). Более того, все, что мы слышим от других, мы проговариваем про себя, как бы переводя сообщение на «свой» язык.

3. Следует также помнить, что механизм внутренней речи лежит в основе человеческого мышления, рассуждения. Когда мы мыслим, мы рассуждаем сами с собой, при этом, как правило, проносим все те же слова, из которых мы строим свои мысли. «Наше обычное мышление – это и есть разговор каждого из нас с самим собой» (С. Н. Труфанов).

4. По нашему мнению, лингводидакты еще не оценили по достоинству огромный потенциал внутренней речи в когнитии (овладении и оперировании знаниями) и в коммуникации (обмене мыслями, идеями, знаниями и т. п.) при усвоении второго языка.

5. С другой стороны, существуют многочисленные свидетельства (изучающих иностранные языки, включая полиглотов), которые убедительно говорят о том, что сознательное использование

¹Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 14-18-01059.

феномена внутренней речи (внутреннее проговаривание, разговор с самим собой) положительно влияет на процесс изучения иностранного языка, ускоряя его усвоение. Приведем лишь один пример. Известный переводчик – синхронист Като Ломб (Венгрия) владела шестнадцатью языками. В своих воспоминаниях она подчеркивала важность разговора с самим собой (autologue), не видя в этом ничего необычного. Она считала, что требуется небольшое волевое усилие и человек привыкнет вести разговор с самим собой, научится выражать мысли *для себя*. Она настоятельно рекомендовала всем изучающим иностранный язык постоянно практиковать «внутренние монологи», сознательно приучая себя к ним. По ее мнению, они способствуют достижению автоматизма в речи на иностранном языке.

6. В нашем сообщении раскрывается процедура обучения студентов приемам «разговора с сами собой» (self – talk technique).

Ключевые слова: внутренняя речь, «разговор с самим собой», усвоение второго языка.

Key words: inner speech; self-talk; second language acquisition.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ломб К. Как я изучаю языки. – М. : КМК LTD, 1996. – 126 с.
2. Труфанов С. Н. Грамматика разума. – Самара : Гегель-фонд, 2007. – 624 с.
3. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / пер. с англ. ; общ. ред. И. В. Журавлева. – М. : ЛКИ, 2012. – 344 с.

Е. Ф. Косиченко

МГЛУ, г. Москва

ЛИЧНОЕ ИМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Обращаясь к разным аспектам художественного дискурса, Н. Ф. Алефиренко называет коммуникативным событием сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации, а также отмечает, что объектом лингвистического анализа художественного дискурса <...> является не только текст, но и вся социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется

(Алефиренко, 2011). В теории художественного нарратива выделяются различные типы событий – событие как мотив, событие как сюжет, событие как концепт (Андреева, 2006).

В докладе рассматриваются два типа событий – коммуникативные ситуации (диалоги) и собственно повествование; при этом каждое малое коммуникативное событие связано различными средствами с нарративом как большим коммуникативным событием. Художественный текст трактуется как форма, в которую данные события облечены, или как способ повествования о некотором коммуникативном событии.

Пространство художественного текста неоднородно во многих отношениях и особенно интересно тем, что сочетает в себе мир вымышленный и мир реальный. События и участники фикционального мира, его время и место могут иметь или не иметь аналогов в действительности, однако все коммуникативные процессы протекают здесь по правилам реального мира. Существующие в культуре и языке нормы коммуникации в полной мере отражены в литературных произведениях, поэтому анализ художественного текста необходимо проводить с учетом культурного контекста.

Изучение литературных произведений с точки зрения их ономастической организации доказывает, что в фикциональном мире не только коммуникация протекает с учетом правил, действующих в живом языке, но также и все номинативные процессы. Особенностью художественной реальности выступает то, что в ней часто акцентируются основания и причины именования, очерчиваются те стороны взаимодействия человека с именем, которые часто остаются неосознанными в действительности. Главным образом это касается личных имен, которые справедливо названы первым звеном структуры самосознания человека, идентифицированным с его телесной и духовной индивидуальностью (Мухина, 2007), хотя не осознаются как таковые в повседневной жизни. Таким образом, художественный текст не только может быть объяснен культурой, но и сам способен эксплицировать то, что в жизни осуществляется интуитивно. Это свойство текста объясняет обращение в докладе к понятию «языковое сознание» (Деррида, 2000; Лакан, 1995).

С учетом изложенного важным представляется обратиться к примерам использования личных имен в художественной литературе, позволяющим, с одной стороны, продемонстрировать, что обращение с личным именем в литературе подчинено правилам культуры, а с другой – показать, что именно в художественном тексте часто объективируется неосознаваемый опыт людей.

Ключевые слова: имя собственное; номинация; коммуникативное событие; художественный дискурс; языковое сознание; культура.

Key words: personal name; nomination; communicative event; narrative; linguistic consciousness; culture.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2 (38) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI2\(38\)/5.pdf](http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI2(38)/5.pdf)
2. *Андреева В. А.* Событие и художественный нарратив // Известия российского гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена. – № 21 (1). – Т. 7. – 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sobytie-i-hudozhestvennyu-narrativ>
3. *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр., вст. ст. Н. Автономовой. — М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
4. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. А. Черноглазова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
5. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и реальность. Альтернативный взгляд. Системный подход, Инновационные аспекты. – Екатеринбург : Интел Флай, 2007. – 1065 с.

В. Г. Кузнецов

МГЛУ, г. Москва

КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Понятие внутренней формы слова как своеобразного для каждого народа видения мира было введено В. Гумбольдом в первой половине XIX в., однако до настоящего времени оно не является достаточно разработанным, прежде всего, в его соотношении с мотивированностью. Заслуга В. Гумбольдта и его последователя А. А. Потебни в том, что они заложили когнитивно-номинативный

подход к вопросу мотивированности языкового знака на основе внутренней формы.

Внутренняя форма слова представляет собой отражение, фиксацию способа первоначальной номинации. Процесс именования – явление многомерное и многоаспектное, осуществляемое в несколько этапов: выделение и идентификация объекта, подлежащего наименованию, установление наиболее характерных признаков, сопоставление их с похожими признаками других предметов и выбор адекватного языкового средства. Мотивированность посредством внутренней формы обусловлена, прежде всего, морфосемантической структурой слова. Цель исследования внутренней формы слова – установление признака номинации, являющимся ее основанием. Особенность внутренней формы в том, что она выдвигается на первый план при восприятии семантики лексической единицы и служит своего рода идентифицирующим признаком. Изучение внутренней формы дает наглядное представление о безграничности творческих возможностей человеческого интеллекта и многообразии познаваемых и обозначаемых языком сущностей внешнего и внутреннего мира человека.

Проиллюстрируем сказанное на примере номинации птицы «трясогузка» в русском, английском, французском и немецком языках. В русском второй элемент гузка означает «хвостовая часть птицы», встречается также параллельное название *трясохвостка*. В английском и французском та же внутренняя форма: *wagtail*, фр. *hochequeue*. В то же время во французском есть и другие названия трясогузки, основанные на иных признаках номинации: *bergeronnette* и *lavandière*. Первое название букв. «пастушка» основано на том, что эту птицу можно часто видеть около стада, поскольку вокруг животных вьются мошки; представляет интерес основание второй номинации букв. 'прачка', так как движение хвоста трясогузки напоминает движение прачек, которые полощут белье. А в немецком слове *Bachstelze* первая часть слова «ручей» указывает на то, что трясогузки живут недалеко от воды. Эти примеры свидетельствуют о том, что основанием номинации могут служить не только основные, но и второстепенные признаки, воспринятые в процессе номинации и получившие своеобразное преломление в национальном сознании.

Значимость изучения внутренней формы слова для разработки когнитивных основ теории номинации заключается в исследовании активности признаков денотата в процессе номинации. Продолжает оставаться актуальной поставленная В. Гумбольдтом задача сравнительно-типологического изучения языков с точки зрения их внутренней формы, включая внутреннюю форму слова. Поскольку во внутренней форме слова отражено видение мира, свойственное каждому языковому коллективу, она имеет непосредственное отношение к проблематике языковой картины мира. Задачей сопоставительно-типологических исследований может стать установление на материале многих языков совокупности реализованных и потенциальных мотивационно-номинативных признаков.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; номинация; мотивированность; денотат; языковая картина мира.

Key words: internal form of the word; nomination; motivation; denotatum; language vision of the world.

А. В. Куковская

МГЛУ, г. Москва

БЛОГИ КАК ЗВЕНО В СЕМИОТИЧЕСКОЙ ЦЕПИ ТЕКСТОВ BLOGS AS A LINK IN A SEMIOTIC CHAIN OF TEXTS

Блоггеры, выражающие свое мнение о современной культуре в рамках англоязычного интернет-дискурса (в том числе, на таких площадках как *Tumblr*, *Instagram*, *LiveJournal*, *Twitter* и т. п.), интерпретируют явления массовой культуры и, вовлекаясь в процесс со-творчества, порождают собственные тексты – записи в блогах (так называемые постинги). Представляется, что постинг может рассматриваться в качестве одного из примеров события как явления когнитивно-коммуникативного свойства в интернет-дискурсе, он выступает как реакция на «внешний раздражитель» и служит для читателей / зрителей стимулом к продолжению коммуникации, т. е. будучи событием, порождает цепочку событий (ответных реакций) в интернет-дискурсе. Вслед за Умберто Эко мы полагаем, что «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» (Эко, 2007, с. 15). Так рождается интертекстуальная цепочка семиотических текстов.

Здесь «интертекстуальность можно трактовать как когнитивный механизм, как средство, выполняющее референциальную функцию, поскольку отсылка к иному тексту влечет за собой активизацию той информации, которая содержится в претексте» (Шестак, 2014, с. 137).

Вследствие интерактивности, поощрения блоггеров авторами произведений поп-культуры в целях получения обратной связи, возникает ситуация, когда, во-первых, очень сложно отделить исходный текст (т. е. текст самого поп-произведения) от его интерпретаций, а, во-вторых, чрезвычайно непросто определить, где заканчивается сам исходный текст. Например, следует ли относить к исходному тексту запись автора текста в Твиттере или информацию, не вошедшую в само произведение, но выложенную в публичный доступ на сайте автора или произведения. В этом случае мы можем говорить о том, что сам автор продолжает интерпретировать собственные тексты после, а иногда и до, их создания. Исследователям, видимо, предстоит ответить на вопрос, куда относить подобную авторскую интерпретацию, учитывая, что под влиянием все возрастающей интерактивности к авторской интерпретации примешиваются интерпретации зрителей / читателей, особенно когда речь идет о незаконченных еще произведениях (сериях, сериях книг и т. п.).

В современном интернет-дискурсе блогосферы интерактивность неразрывно связана с креативным порывом блоггеров как со-авторов семиотических текстов. Подобная интерактивность неотделима от интертекстуальности, которая, в свою очередь, в современном пост-модернистском мире позволяет рассматривать окружающую действительность как семиотическую совокупность текстов, а записи в блогах как некие гипер- или интер-тексты. Одновременно с этим «роль автора уменьшается и способность [...] к созданию нового как бы переходит к возникающему интертексту [...] Создание новых значений в (интер)тексте не является плодом исключительно индивидуального творчества автора.» (Ирисханова, 2004, с. 19). Следует отметить, что ранее проблематика интерпретации текстов и оппозиция «открытые – закрытые» тексты не связывались напрямую с развитием интернет-дискурса, и выходом на новый уровень как интерактивности, так и интертекстуальности.

В рамках интернет-дискурса, в том числе англоязычного дискурса блогосферы, на сегодняшний день, вероятно, практически не осталось закрытых текстов – блоггеры интерпретируют все и увязывают все явления между собой совершенно неожиданными связями. И сам постинг будучи, возможно, вторичным текстом (реакцией) по отношению к тем текстам (в семиотическом понимании), которые вызвали его написание, как правило, является исходным текстом (претекстом) для комментариев к нему. Не следует забывать, что комментарий к постингу в блоге (являясь блоговой записью, и, следовательно, подчиняясь тем же законам и обладая теми же характеристиками, что и первичный постинг) порождается именно в ответ на первичную блогговую запись и, с этой точки зрения, не является полностью самостоятельным, а представляется неким «вторичным постингом». Можно представить себе следующую цепочку семиотических текстов: (1) внешнее событие / явление (совокупность внешних событий / явлений) поп-культуры, породившее постинг как реакцию и событие коммуникации; (2) постинг в блоге; (3) комментарии к постингу, т. е. «вторичные постинги», содержащие реакцию на (1) и (2).

Ключевые слова: интернет-дискурс; блоги; постинг; поп-культура; интерпретация; со-творчество; семиотика.

Key words: Internet-discourse; blogs; post; pop-culture; interpretation of ideas; co-authorship; semiotics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О.К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М. : Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.
2. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 502 с.
3. *Шестак Л.А.* Интертекстуальность и когнитивная теория текста// Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: Кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – С. 125–147.

О. В. Куликова

МГЛУ, г. Москва

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК СПОСОБ ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЙНОЙ ЦЕПОЧКИ

Аргументация, представляя собой сложное когнитивно-коммуникативное явление, обычно определяемое как «приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны (аудитории)» (Ивин, 2002, с. 6), выступает в качестве особого вида деятельности, направленной на установление причинно-следственных отношений между явлениями действительности, предпринимаемой с целью выдвижения и защиты ценностно ориентированных положений или нормативных пропозиций (Cua, 1983, с. 869).

Процесс аргументирования, состоящий в последовательном развёртывании цепочки рассуждения, где посылки содержат выводы, при помощи которых происходит выведение последующих заключений, опирается на действие каузального механизма, обеспечивающего соединение ментальных пространств, отражающих элементы структуры реальности, воспринимаемые аудиторией как действительно существующие, например, причина – следствие; часть – целое; цель – средства и т. п.

Широкое понимание каузальности предполагает не только обычные причинно-следственные отношения, но также и то, что каузальность является составляющей объяснения, рассуждения и аргументации. Воплощая данные отношения в аргументативном дискурсе, говорящий пытается добиться того, чтобы позитивное отношение аудитории к посылкам транспонировалось на следующий из них вывод¹. Поэтому при помощи каузального механизма часто соединяются базовые элементы аргументативного дискурса: блок аргументов соединяется с одной стороны с тезисом и с другой – со следствием. Действие принципа каузальной атрибуции (Tversky, Kahneman, 1983; Куликова, 2010) во внутренней среде аргументативного дискурса проявляется в причинно-следственной

¹ Данное обстоятельство, в частности, объясняется тем, что информация каузального плана лучше организована, более доступна и лучше запоминается, что ведет к снижению временных затрат на обработку информации по мере увеличения каузальности в дискурсе (Sanders, 2005).

связи между его компонентами, т. е. предшествующий элемент (тезис, аргумент или блок аргументов) обуславливает появление последующего элемента (или последующих элементов). Отдельный аргумент, представляя собой локальное ментальное пространство аргументативного дискурса, не обладает достаточной самостоятельностью, проявляя необходимость регрессивной связи с предшествующим локальным пространством (аргументом в случае цепной связи или тезисом – в случае лучевой) и прогрессивной связи с последующим пространством, формирующим следующий аргумент или следствие. Таким образом, импульс, служащий причиной появления одного из элементов аргументации, поступает «изнутри» аргументативного дискурса (Куликова, 2010).

Экстраполируя на данную теорию постулат о том, что причинность создает событие, представляется возможным предположить, что каждый из элементов аргументации, воплощаясь в дискурсе, приобретает статус события, а аргументативный дискурс в целом, репрезентируя цепочку множественных событий, объединенных каузальной связью, выступает в качестве макрособытия, целью которого является изменение в соответствии с замыслом говорящего когнитивного состояния реципиента в ходе коммуникативного процесса.

Ключевые слова: аргументация; аргументативный дискурс; причинность; каузальный механизм; событие; событийная цепочка; макрособытие.

Key words: argumentation; argumentative discourse; causality; causal mechanism; event; a sequence of multiple events; macroevent.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ивин А. А.* Риторика: искусство убеждать. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 304 с.
2. *Куликова О. В.* Эвристика аргументации (лингвокогнитивное исследование). – М. : ГЕОС, 2010. – 296 с.
4. *Sua, A. S.* Hsun Tzu's Theory of Argumentation: Reconstruction // *The Review of Metaphysics. A Philosophical quarterly.* – 1983. – Vol. XXXVI. – № 4. – P. 867–894.
5. *Sanders, T.* Coherence, Causality and Cognitive Complexity in Discourse// *Proceedings / Actes SEM-05, First International Symposium on the exploration and modelling of meaning*, ed. by M. Aurnague, M. Bras, A. Le Draoulec & L. Vieu, 2005. – P. 31–44.

6. *Tversky, A., Kahneman, D. Causal schemas in judgments under uncertainty // Judgment under uncertainty: Heuristics and biases / Ed. by Daniel Kahneman, Paul Slovic, Amos Tversky. – Cambridge–London–N.Y.: Cambridge University Press, 1983. – P. 117–128.*

А. Э. Левицкий

МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

СОБЫТИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ (опыт свободного ассоциативного эксперимента)

Исследование имеет своей целью установить концептуальные сферы, ассоциирующиеся в сознании респондентов с печальным событием – аварией на ЧАЭС, и лексические единицы, используемые для определения этих ассоциаций. Для достижения вышеназванной цели был проведен независимый ассоциативный эксперимент для установления лексики, которая соотносится в сознании информантов с катастрофой в Чернобыле. Опрошенным было задано два вопроса: 1. Какие ассоциации возникают в вашем сознании в связи с Чернобылем? 2. Какие новые слова, относящиеся к трагедии в Чернобыле, появились в русском языке?

Респонденты (51 человек) были поделены на группы (F и M; A и B; C и D) согласно следующим признакам: ГЕНДЕР (36 женщин [F] и 15 мужчин [M]); ВОЗРАСТ (37 человек, родившиеся до аварии [A]; 14 информантов, рожденные после катастрофы [B]); МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (опрошенные группы [A] были разделены следующим образом (14, проживающие вблизи Чернобыля, в Киевской, Житомирской и Черниговской областях [C]; 23 человека – из других областей Украины [D])).

Ответы информантов, а точнее его результаты в форме вербальных репрезентаций, позволили выделить ряд концептуальных сфер, пересечение которых и дало ключ к структуризации полученной информации в форме концепта, имеющего кластерную природу. Полученные от респондентов вербальные данные были классифицированы согласно их семантике по следующим концептуальным сферам:

1. **СОБЫТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ** – напрямую соотносится с ПРОШЛЫМ, т. е. самой аварией, местом, временем и конкретными людьми: МИКРОУРОВНЕВАЯ – имеет прямую связь с аварией, выражая суть события; МАКРОУРОВНЕВАЯ – определяет время, место и вовлеченных в те события людей.

2. ПОСЛЕДСТВИЯ – относящееся к НАСТОЯЩЕМУ и БУДУЩЕМУ, осознание последствий катастрофы: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ; ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ; ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ; БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ.

3. ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ – размышления по поводу аварии, ее оценка, прямые ассоциации (*Чернобыль – это...*).

4. НЕПРЯМЫЕ АССОЦИАЦИИ – эмоционально-образное восприятие аварии, то, что напоминает о ней (*Чернобыль ассоциируется с ...*).

5. ОПТИМИЗМ – относится к БУДУЩЕМУ, положительная сторона борьбы с последствиями.

Результаты исследования позволили выявить зависимость конфигурации концептосфер от гендерного, возрастного аспектов и территории проживания информантов.

Ответы на второй вопрос анкеты позволили выделить маркированную лексику, которая, по мнению информантов, наиболее часто встречается в связи с аварией на ЧАЭС.

Ключевые слова: концептуализация; концепт; концептуальная сфера; гендерный аспект; возрастной аспект; территориальный аспект; «чернобыльские слова».

Key words: conceptualization; concept; conceptual sphere; gender aspect; age aspect; territorial aspect; “Chernobyl words”.

A. Leontyeva

MSLU, Moscow

ARGUMENTATIVE POWER OF NARRATION: A CASE STUDY OF THE COURT OPENING STATEMENTS IN THE USA

Forensic discourse deals with past events, and the most effective way of packaging the past for persuasive effect is through narrative. The persuasive power of narrative lies in the fact that the narrator selects viewpoints and construes past events to meet present rhetorical goals. Narrative permits the speaker to construct a thoroughly subjective story while appearing to merely reconstruct the past (Heffer, 2005, 2013; Nettel, Rogue, 2011).

The paper deals with the American trial - a highly rule-bound form of rhetorical practice (Burns, 1999). The trial consists of the opening

statements, witness examination, the closing arguments and the verdict. This work is focused on the opening statements made by prosecution and defense attorneys, which are more about narration than argumentation (in comparison to closing arguments).

Opening statements are a very important part of any trial, being kind of a “roadmap” for the whole process. Each party gets an opportunity to present their version of events, which is in conflict with that of the opposing party (Cotterill, 2003). The stated function of the opening statements is that each side presents an ostensibly neutral summary of the trial narrative; opening statements are the presentation of an outline of the substantive issues connected with the crime and its investigation. However, opening statements are less neutral than it appears. They do not simply serve an initial orientation to jurors regarding the issues to be dealt with, but also functions as a conceptual orientation to the trial participants and the trial narrative.

Opening statements provide:

- 1) A summary of the respective story;
- 2) An opportunity for both sides to exploit a further meaning of “orientation”, establishing attitude and stance.

Language is very important in opening statements, since overt evaluation and persuasion are planned in this part of a trial. Lawyers must achieve a persuasive effect through their speech. As we know, gestures are an integral part of any communication. We employ our bodies in visible actions that have an indissoluble connection with what is said (Kendon, 1986). In general, the term “gesture” refers to any bodily movement, however, this work will be focusing on the of the hands gestures. This paper considers and compares gestures used by the attorneys and how this co-verbal means help to describe the event or a version of the event, presented by each party.

Key words: forensic discourse; opening statements; narration; event; gesture; non-verbal communication.

Ключевые слова: судебный дискурс; вступительная речь; повествование; событие; жесты; невербальная коммуникация.

REFERENCES

1. *Burns, Robert P.* A theory of the trial, 1999.
2. *Cotterill, J.* Language and Power in Court, 2003.

3. *Heffer, C. Revelation and Rhetoric: A Critical Model of Forensic Discourse*, 2013.
4. *Heffer, C. The Language of Jury Trial A Corpus-Aided Analysis of Legal-Lay Discourse*. 2005.
5. *Kendon, A. Some reasons for studying gesture*, 1986.
6. *Nettel, A.L., Roque, G. Persuasive Argumentation Versus Manipulation*, 2011.

Н. В. Любимова

МГЛУ, г. Москва

СОБЫТИЙНОСТЬ АЛЬПИЙСКОГО ТЕКСТА КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ЖАНРА

Альпийский ландшафт поддерживает структуру и наполняет содержанием такой сегмент художественного творчества, как альпийская, или альпинистская литература. Литературные Альпы многолики, полифункциональны, а альпийские тексты строятся на использовании архетипических, часто мифологизированных образов (альпинист, проводник) и идеологических клише; на эксплуатации топоса покорения горных вершин, часто с недвусмысленным символическим гендерным уклоном. Из альпийских текстов читатель узнает о том, что происходит «наверху», как совершают восхождение, что испытывают герои, бросившие вызов природе, поэтому альпийская литература создается, по возможности, в реалистическом модусе. Более того, исследователи говорят, что альпинизм в представлении обывателя является конструктом, значительно детерминированным образами альпийской литературы (Hungerbühler, 2013).

Главной жанрообразующей категорией этой литературы является событийность, в рамках которой акт, именуемый событием, может принимать и провоцировать любую коннотацию (триумф, разочарование, шок, экстатические состояния). Категория событийности должна рассматриваться в привязке к пространству и времени, так как на их фоне происходит событие – переход персонажа через любую из возможных в сконструированном альпийском мире границ любого свойства, будь то топографического, этического, прагматического (Лотман, 1970; Шмид, 2003). Для понимания литературного текста важно, как объективируются сигналы событийности, как на нее работают не только время и пространство, но и такие категории, как литературное напряжение.

В 2009 г. была издана повесть Макса Фриша «Ответ из тишины», которую он написал еще в 1937 г. Этот текст интересен по многим причинам, но для исследования событийности – просто идеален, прежде всего как пример решения темы покорения альпийского пространства. Тем более, что реальное время создало исторический фон для сильно идеологизированного альпийского дискурса 30-х годов XX в. И хотя этот дискурс сознательно не выделяется автором в отдельный мотив, знание реальных деталей важно для воссоздания полной картины места и образа действия героя. Кроме того, повесть образует единое поле интермедийности с кинофильмами того времени.

Текст написан в кризисный момент жизни 26-летнего Фриша, он биографичен и вписывается в канон альпийской литературы, т. е. дает возможность применить аппарат, пригодный для описания стратегий событийности. К анализу следует привлечь и дополнительные текстовые источники. Так, будучи хорошим альпинистом, Фриш в 1935 г. опубликовал ряд горных репортажей в *Neue Zürcher Zeitung*.

Стиль раннего Фриша напоминает тексты «Бури и натиска»: автор также развивает тему достижения границы физических и психических возможностей в крайне тяжелых для выживания условиях, которые «организованы» самой природой. Герой Фриша формулирует собственную программу событийности – «подвиг или смерть».

Ключевые слова: альпийская литература; жанр; событие; событийность; литературное пространство; литературное время; переход через границу.

Key words: alpin literature; genre; event; eventfulness; literary space; literary time; crossing the border.

А. И. Лызлов

СГУ, г. Смоленск

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ «ИГРА» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Пословицы и поговорки являются частью системой языковых явлений, которые носят название малых речевых жанров или паремий. Данный термин происходит от древнегреческого слова

proverbial, который переводится как «поговорка, пословица, изречение, притча» и появился в средние века. Е. В. Иванова отмечает, что пословицы образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, в котором реализуются языковые концептуальные образования (Иванова, 2004, с. 20).

Во многих английских паремиях находит воплощение ценностная категоризация социальных ситуаций, отражающая стереотипы и стратегию социального поведения человека, жизненно важные для него ценности. Как руководство по решению жизненных проблем, пословица подводит итог, выражает суждение о ситуации или предлагает линию поведения (Taylor, 1975, с. 79). Понятие оценки определяется как отношение говорящего к сообщаемому. Предметом оценки является объект или объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются. Оценка более чем какое-либо другое значение зависит от говорящего субъекта (Арутюнова, 1988, с. 6), это часть индивидуального, субъективного процесса познания мира.

Рассмотрение системы языка с когнитивных позиций приводит исследователей к мысли о том, что язык является сложной и, подчас, противоречивой системой. Когнитологи ставят своей целью изучение того, как сознание человека представляет мир, как осуществляется в нем членение мира, как оно выражается в виде языковых явлений (Кубрякова, 2004, с. 44). В данной статье изучаются паремии, которые отражают игру как концептуальное явление в английских паремиях. Игра нами рассматривается как событие. Н. Д. Арутюнова указывает на концептуальность события, она определяет событие как «со-бытие» (Арутюнова, 1988, с. 171). События личностны и социальны, следовательно, оценочны. Они призваны определить роль происходящего в той или иной сфере жизни. К важнейшим событиям в жизни человека мы относим игру, в которой сливаются воедино серьезное и несерьезное, обыденное и научное, решение проблем и развлечение, реальность и фантазия (Ирисханова, 2014, с. 13). Не случайно данное событие широко представлено во многих фразеологических единицах: *a child's play, a fair play, a foul play, to play double, to play truant, a play on words etc.* (Кунин 1998). В нашей работе, применяя методы корпусного анализа, мы исследуем паремии, образной основой которой

стали представители фауны, нашедшие отражение в паремической системе английского языка.

Ключевые слова: паремии; фразеологические единицы; игра.

Key words: paroemia; phraseological units; game.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
2. *Иванова Е. В.* Пословичная картина мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб., 2002.
3. *Иришханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. *Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., испр. – М.: Живой язык, 1998.
6. *Taylor A.* Selected Writings on Proverbs. – Helsinki: 1975.

А. О. Манухина

МГЛУ, г. Москва

СОБЫТИЯ АЛЬБИГОЙСКОЙ ВОЙНЫ (1201–1229) ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЕЕ УЧАСТНИКОВ (на материале латинской хроники и провансальской поэмы XIII века)

Vi veri vniversum vivus vici¹

Крестовый поход против Альбигойцев (1201–1229), одно из самых неоднозначных событий в истории Европы, запечатлен в двух исторических документах, написанных в одну эпоху, авторами – непосредственными участниками и современниками похода. Рассматриваемые западноевропейские источники XIII в. как наиболее авторитетные (Осокин, 2003) составили корпус исследования.

¹ «силой истины я, живущий, покорил вселенную» – фраза, приписываемая Кристоферу Марло (1564–1593); ее подтекст заключается в том, что исчерпывающей правды не знает никто, а есть лишь легенды, мнения и некоторые документы.

С одной стороны, это латинская хроника *Historia Albigensium et sacri belli* («История Альбигойцев и Священной войны») католического монаха Петра Сернейского и, с другой – провансальская поэма *La cansos de la cruzada contr els eres d'albeges* («Песнь о Крестовом походе против еретиков-альбигойцев»), приписываемая трубадуру Гийому Тудельскому, сочувствующему еретическим течениям Прованса.

Цель работы – выявить своеобразие авторского восприятия событий Альбигойского похода, которое реализовалось в суждениях об истине и лжи, о Боге и ереси, о добре и зле. Оба автора в начале своего труда заявляют о знании уникальной истины, которую они стремятся сообщить миру: *non studuerim superfluis verbis ornare codicem, sed simplicem exprimere simpliciter veritatem* («я буду стараться не украшать свиток лишними словами, а просто излагать простую истину») [2, р. 543] / *que el fesez un libre que fos pel mon auzit, qu'en foz sa saveiza e son sen expandit. Adonc fe aquest libre es el meteish l'escrit* («И что он создал книгу, которая будет услышана по миру, чтобы ее мудрость и ее смысл были распространены. И он создал эту книгу, которую сам предал письменам») [3, р. 5; 4].

Однако при описании одних и тех же фактов Петр Сернейский и Гийом Тудельский далеки от объективности и дают противоположные характеристики исторических эпизодов, персонажей и их поступков. Так, наиболее ярко их антагонизм проявляется в описании предводителя крестоносцев Симона де Монфора: если монах-католик прославляет его подвиги, а смерть уподобляет мучению Христа, то трубадур, наоборот, проклинает врага и радуется его смерти. Данные произведения, противопоставляемые по содержанию, идейной направленности и характеру изложения представляют особый интерес для исследования, тем более что они впервые являются материалом лингвистического анализа.

Ключевые слова: нравственные стереотипы рыцарства; хроники Крестовых походов.

Key words: moral stereotypes of chivalry; the chronicles of the Crusades.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осокин Н. А.* История Альбигойцев и их времени. – М. : АСТ, 2003. – 896 с.

2. Petri Monachi Coenobii Vallium Cernaii Historia Albigenisium et sacri belli in eos anno 1209 suscepti duce et principe Simone de Monteforti // Patrologiae cursus completus. Tomus CCXIII. – Paris : Apud J.-P. Migne editorem, 1855. – 528 p.
3. La Chanson de la Croisade contre les Albigeois, commencée par Guillaume de Tudèle et continuée par un poète anonyme. Editée et traduite pour la société de l'histoire de France par Paul Meyer. – Paris: Librairie Renouard, 1875. – 576 p.
4. Dictionnaire provençal-français ou dictionnaire de langue d'oc ancienne et moderne, suivi d'un vocabulaire français-provençal par S. J. Honnorat. – Digne: Repos, Imprimeur-libraire-éditeur, 1846. – 786 p.

Л. В. Моисеенко

МГЛУ, г. Москва

КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ И СОБЫТИЕ В КОММУНИКАЦИИ: К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ

Коммуникативное событие понимается как совокупность коммуникативно и прагматически значимых речевых актов и неречевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели (Жукова, 2013). Д. Хаймсом предложена методика описания коммуникативного события: участники, место, дата, время года, цель события, эмоциональный тон участников, сообщение, последовательность речевых актов, их интерпретация и т. п. (Nymes, 1974). Испанистика располагает опытом исследований коммуникативного события с точки зрения отражения национальной идентичности. Например, «Сватовство» (Pedido de mano) в высокогорных районах Анд, изученное с позиций разделяемого культурного знания, которое управляет коммуникативным поведением говорящих. В качестве примера анализа рассмотрено коммуникативное событие «Взятка представителю транспортной полиции», актуальное в отношении одной из латиноамериканских стран. Речевые формулы (вежливое обращение Señor agente / agente, Mire, por favor) направлены на реализацию цели события – сделать так, чтобы полицейский взял взятку и простил правонарушение. Социокультурная модель свидетельствует в пользу того, что в случае дорожного правонарушения надо платить не штраф, а расплачиваться с полицейским наличными. Данное коммуникативное

событие характеризует культуру, в которой принято уходить от ответственности и не соблюдать закон.

Коммуникативное событие следует отличать от события в коммуникации. Событие соотносится с такими понятиями как ситуация, факт, случай. Современные СМИ создают реальности и насыщают их событиями («Есть картинка – есть событие»), делают событием факты из жизни знаменитостей, производство и маркетинг товаров и др. (Клягин, 2008). В этом ракурсе события рассматриваются нами как созданные дискурсивные образования, основанные на движении информации и смыслов. На примере газетного жанра «красной строки» (*la nota roja*), за которым закреплена информация об уголовных преступлениях (кражи, воровство, убийство, насилие, наркотрафик), показано, что в газетах 90-х гг. XX в. Мексика часто сравнивалась с Колумбией, которую многие десятилетия сотрясало насилие. Однако современные исследования показывают, что подобное сравнение двух стран не имело под собой реального основания, а существовало лишь в дискурсивном формате за счет эффективной эксплуатации жанра «красной строки».

Ключевые слова: анализ коммуникативного события; событие как дискурсивное образование; движение информации и смыслов.

Key words: communication event analysis; event as a discursive formation; flow of information and meanings.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 632 с.
2. Клягин С. В. Поэзис времени в пространстве события // Вестник РГГУ. Серия «Политология, Социально-коммуникативные науки». – № 1/08. – 2008. – С. 49–66.
3. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. – 260 p.

Е. Н. Муратова

Волгоградская академия МВД, г. Волгоград

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФРЕЙМА «ШКОЛА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Когнитивная картина мира формируется из совокупности фреймов как носителей информации, которые обнаруживают взаимодействие друг с другом на уровне «родственных фреймов» (Бабичева, 2007). Фреймы содержат самую существенную фактуальную информацию о том или ином фрагменте картины мира.

Специальный когнитивный анализ фрейма «Школа» обусловлен социальной значимостью феномена «школьное образование» и его активным воплощением в семантике немецкого языка (Муратова, 2012). Понимая фрейм как базис концепта, мы анализируем особенности объективации данного фрейма в языковом сознании немцев.

Исследование фактического материала позволяет сделать вывод о том, фрейм «Школа» – сложное когнитивное образование, характеризующееся внутренней иерархией отношений его элементов – слотов и терминалов. Отметим, что структурные элементы указанного фрейма обладают разным статусом – облигаторным или факультативным. Содержательное наполнение формирующих фрейм «Школа» слотов и терминалов подвержено различного рода трансформациям, обусловленным общественно-экономическими изменениями в социуме.

Фрейм «Школа» – это иерархически упорядоченная когнитивная структура, она представлена взаимосвязанными субфреймами «Школьный институт образования», «Школьный учебный процесс», «Школьное здание».

Содержание субфреймов раскрывают базисные слоты «Функции школы», «Организационная структура школы», «Типы школьных учреждений», «Конспект урока», «Учебный климат», «Архитектура школы», «Эксплуатация школьного здания».

Имена (темы) субфреймов и формирующих их слотов и подслотов – это облигаторные компоненты фрейма «Школа». Факультативными компонентами данного фрейма выступают его терминалы с многочисленными лексическими единицами, актуализирующими различные слоты за счет широкосзначности, семантической диффузии.

Нами выявлены внешнесистемные связи фрейма «Школа» со смежными ему фреймами «Образовательная система», «Высшая школа», «Воспитание», «Семья», «Церковь», «Юридическое лицо», «Порядок, дисциплина» и др..

Данное структурно-когнитивное образование вариативно обозначается в немецком языке. Значительная часть лексических обозначений фрейма «Школа» – это термины психолого-педагогической направленности, что обусловлено самой сферой функционирования элементов данного фрейма. Терминологическую лексику, наполняющую слоты фрейма «Школа», выражают преимущественно имена существительные.

Характерными типами семантических отношений для системы лексических обозначений фрейма «Школа» являются гиперогипонимия и синонимия, которые служат детальной номинации составляющих элементов данного фрейма.

Фрейм «Школа» представляет собой постоянно развивающийся социокультурный феномен. Изменения содержания данного фрейма касаются в первую очередь появляющихся новых типов образовательных учреждений, инновационных форм их деятельности, методов преподавания и воспитания, что обусловлено различного рода общественно-экономическими трансформациями в социуме.

Ключевые слова: фрейм; языковое сознание; школьное образование; немецкий язык.

Key words: frame; linguistic consciousness; school education; German.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабичева А. С.* Фрейм «свадьба» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 22 с.
2. *Муратова Е. Н.* Структура и содержание фрейма «школа» (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2012. – 232 с.

**МГНОВЕНЬЯ ЖИЗНИ, СХВАЧЕННЫЕ В СЛОВЕ:
СОБЫТИЙНАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ПРЕПОЗИТИВНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ «МОМЕНТ»**

Событийность неразрывно связана с темпоральностью, ибо событие неизбежно локализуется в определенном пространстве и времени. Эта пространственно-временная локализация может осуществляться как в объективной реальности, доступной для восприятия всеми или очень многими, так и в реальности субъективной, принадлежащей сфере индивидуального человеческого опыта.

Одним из средств вербальной репрезентации субъективно-темпорального опыта в английском языке является лексема *moment*. *Moment* – это «человекомерная» единица времени, не имеющая объективной, общей для всех, длительности, в отличие от «хронологически конкретных» единиц типа *second* или *minute*. В академических толковых словарях *moment* традиционно определяется как «очень короткий промежуток времени» (*a very short period of time*). Однако анализ современных дискурсивных практик показывает, что такая трактовка не отражает текущих культурно-языковых реалий, и *moment* есть не просто промежуток времени, но субъективно-переживаемый темпоральный интервал, насыщенный значимыми для человека событиями. Примечательно, что многие современные словари, ориентированные на лиц, изучающих английский язык в качестве иностранного и более оперативно реагирующие на изменения в узусе, фиксируют событийную насыщенность существительного *moment* (ср.: *a particular point in time when something happens; a point in time when something important, special, or unusual happens* [*Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*]).

Наглядным доказательством развития событийной семантики у существительного *moment* является увеличение количества препозитивных атрибутивных словосочетаний, описывающих определенный фрагмент субъективного человеческого опыта. Этот опыт связан с переживанием событий нескольких типов. Важнейшим из них является соматическое, или телесное, событие, которое, как

правило, формирует второй план события, разворачивающегося во внешней по отношению к человеку среде и связано с переживанием определенных аффективных состояний (*heart-stopped / jaw-dropped / hair-raised / sickened / goosebump / held-breath / heart-burst / shut-eyed, etc. moment*). Второй тип событий связан с эмоциональными переживаниями человека и рефлексруется как явление сугубо психической природы (*terror-filled / panicked / transfixed / anguished / dispirited / discomforted / stupefied, etc. Moment*). К третьему типу могут быть отнесены события, по отношению к которым человек выступает в качестве свидетеля и которые он так или иначе оценивает (*breath-stopping / gut-gripping / spine-tingling / heartpumping / stomachwrenching / heart-racing, etc. moment*). Представляется целесообразным выделение в отдельную группу событий поведенческого плана, связанных с выполнением определенного действия в некотором контексте (*macaca / pinocchio / brezhnevian / goldilocks, etc. moment*). Еще одну группу составляют события, связанные с реализацией сложного сценария (*we're-in-this-together / I-am-the-boss / separated-at-birth / coming-out-of-the-closet / pay-your-bills, etc. moment*).

Цель презентации заключается в выявлении максимально полного набора типов событий, концептуализируемых препозитивными словосочетаниями с существительным *moment*, анализе семантических и функциональных свойств единиц, выступающих в атрибутивной функции, и описании механизмов формирования и конвенционализации словосочетаний.

Ключевые слова: событийная семантика; темпоральность; препозитивное атрибутивное словосочетание.

Key words: semantics of eventfulness; temporality; attributive collocations.

Д. Б. Никуличева

ИЯ РАН, МГЛУ, г. Москва

**СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ
В ДАТСКОМ ПРОЕКТЕ “GLOBAL ENGLISH
FOR BUSINESS COMMUNICATION”**

Доклад знакомит слушателей с исследовательским проектом, проводимым под руководством профессора Пера Дурста Андерсена в Копенгагенской Высшей школе бизнеса по заказу международной корпорации Carlsberg. Цель проекта состоит в том, чтобы, проанализировав использование английского как языка международного общения в транснациональных компаниях, выяснить, влияет ли, и если да, то каким образом, лингвоспецифический менталитет родного языка на особенности понимания и воспроизводства английской речи теми сотрудниками, родным языком для которых является датский, русский, испанский, японский или китайский язык.

Одно из направлений этого проекта связано с выяснением того, как в английской речи носителей датского, русского и английского языков различаются директивные речевые акты, выражающие прагматику разрешения. Коммуникативное событие служит здесь ключевым объектом сопоставительного прагмалингвистического анализа. Важную роль в методике исследования играют отбор сценариев, вокруг которых информантам предлагается строить коммуникативное событие. Учитываются противопоставленность событий по таким параметрам, как формальный-неформальный социальный контекст и симметричный-ассиметричный статус коммуникантов. Анализируются не только непосредственно директивное ядро коммуникативного события (Head Act) – как выраженное либо императивным, либо декларативным, либо интеррогативным высказыванием – но и его синтаксическая периферия. Предлагается типология тех высказываний, которые могут располагаться в пре- и постпозиции к директивному ядру. Проводится статистический анализ средств выражения, используемых 25 датскими и 25 русскими информантами при описании одного и того же коммуникативного события на английском языке. Эти результаты сопоставляются, с одной стороны, с тем, как эти же

информанты говорят о том же коммуникативном событии на своем родном языке и, с другой, с тем, как о том же коммуникативном событии говорят 25 информантов, для которых родным является британский вариант английского языка.

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии прямого трансфера между родным языком и *lingua franca*. Все говорящие на родном языке (и датском, и русском, и английском) статистически предпочитали императивные конструкции, но прагматическая нагруженность императивов оказывалась различной. В ситуации же *lingua franca* и датские, и русские информанты предпочитали косвенные речевые акты. Особого внимания заслуживает усиление в неродном языке роли расширенной периферии коммуникативного события – мотивирующих и оправдывающих высказываний, окружающих директивное ядро и служащих средствами компенсации тех смыслов, которые в родном языке выражаются грамматически.

Ключевые слова: контрастивная прагматика; директивные речевые акты; структура коммуникативного события; императивные, декларативные, интеррогативные модели.

Key words: contrastive cross-cultural pragmatics; directive speech acts, structure of the communicative event; imperative, declarative, interrogative frames.

Л. А. Ноздрина

МГЛУ, г. Москва

О ВОСПРИЯТИИ ПРИРОДЫ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И СИТУАЦИЯХ

В процессе отбора языковых средств важно учитывать антропоцентризм языка как одно из основных его свойств. «Здесь» и «сейчас» выступают в роли окружения человека. Вместе с формой «я» или «он» они дают глобальную картину видения мира глазами автора текста.

Когнитивный подход дает возможность воспринимающему текст ориентироваться в картине мира автора, декодировать ее с определенных позиций. Они помогают в истолковании мира, окружающего автора, в самопознании и самопостроении личности. Языковые средства оформления времени, пространства и лица оказывают в этом определенную помощь.

С позиций когнитивного подхода анализируются стихотворение О. Мандельштама «Ты прошла сквозь облако тумана» и лирическая миниатюра Э. Штриттматтера «Wasser im Spätherbst». Анализу подвергаются имена существительные, имена прилагательные, грамматическое время глагола и другие языковые средства, передающие ощущение авторами текстов времени и пространства и оформляющие текст с позиций 1-го лица или 3-го лица.

Автор статьи, останавливаясь на языковых средствах, делает вывод о разном восприятии времени года «осень» разными авторами: об отрицательном отношении О. Мандельштама и жизнеутверждающей, положительной оценке осени Э. Штриттматтера. Эта оценка связывается с различной жизненной позицией и ситуацией, в которой оказались два автора. Большая роль при выборе языковых средств отводится именам прилагательным, выбираемым авторами текстов.

Единая форма лица у Э. Штриттматтера (3-е лицо) и «чересполосица» О. Мандельштама (1-е, 2-е и 3-е лицо) также говорят о различном состоянии авторов текстов и вместе с языковым оформлением художественного времени и художественного пространства завершают характеристику жанра лирической поэзии.

Ключевые слова: антропоцентризм; когнитивный подход; отрицание; имя существительное; временные формы глагола.

Key words: anthropocentrism; cognitive approach; negation; noun; verb tenses.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тула : ТГУ. – № 1. – С. 22–29.
2. *Мандельштам О.* Ты прошла сквозь облако тумана // Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 928 с.
3. *Ноздрин Л. А.* Поэтика грамматических категорий. Курс лекций по интерпретации художественного текста. – М. : ТЕЗАУРУС, 2004. – 212 с.
4. *Сильман Т. И.* Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 84–90.
5. *Strittmatter E.* Wasser im Spätherbst // Vom Geschmack der Wörter. Miniaturen. – Berlin : Buchverlag Der Morgen. – 192 S.

Э. А. Оньека

МГЛУ, г. Москва

КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕФОКУСИРОВАНИЯ В ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Понятие стратегии, в том числе коммуникативной стратегии как одной из разновидностей данного явления, рассматривается многими современными лингвистами применительно к описанию различных событий. Термин «событие» весьма разнопланов, он используется во многих науках, но одной из важнейших является концепция представителя натурфилософии А. Уайтхеда: «Я даю имя «событие» пространственно-временному происшествию» (Уайтхед, 1990, с. 35).

Как известно, событие в науке о языке часто соотносят с понятием ситуации. Так, например, Н. А. Самойленко указывает на то, что событие, в отличие от ситуации, не распадается на составные элементы, но существует в конденсированном виде, называя состояние качества, отношения и т. д. Событие трактуется нами как результат какого-либо действия или поступка, приводящего к изменению определенной ситуации. В нашем случае речь идет о конфликтной ситуации, представленной директивными речевыми актами, когда отношения между участниками диалога или полилога обостряются и могут привести к открытому столкновению. В такой ситуации возможны два варианта развития событий: конфликт или его устранение, так называемое смягчение (mitigation), находящееся в центре нашего внимания.

Использование митигативной стратегии изменяет отношения между коммуникантами, и событие трансформируется в более позитивный, неагрессивный контакт. Достижение подобного результата невозможно без обращения к тактикам смягчения, из числа которых мы рассматриваем только одну – ксеноденотативную, состоящую в переключении с одного денотата на другой, что смягчает директивную иллокуцию. При этом адресатом подобного переноса может быть какой-либо другой предмет или один из собеседников, что переводит разговор в иную плоскость, отвлекает от сути конфликта и способствует снижению напряженности. Подобный когнитивный процесс позволяет «уклоняться от неприятного,

отдалять нежелательное и подразумевать очевидное» (Ирисханова, 2014, с. 7). В известном смысле дефокусирование, лежащее в основе ксеноденотативной тактики, сближает последнюю со стратегией уклонения, несомненно имеющей митигативную составляющую.

Таким образом, дефокусирование в директивных речевых актах и коммуникативное смягчение как его следствие способствуют оптимизации речевого общения.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; смягчение; дефокусирование; директивные речевые акты; ксеноденотативная тактика.

Key words: communicative strategy; mitigation; defocusing; directive speech acts; xenodenotative tactic.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237
2. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
3. *Самойленко Н. А.* Семантика событийности и способы ее выражения: дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1991. – 176 с.
4. *Тахтарова С. С.* Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. – М.: Индрик, 2011. – С. 277–287.
5. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 384 с.

А. В. Павлова

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

СТАТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В рамках интегративной теории репрезентации знаний в языке (Болдырев, 2012) стательность понимается как языковая категория модусного типа, объектами которой являются единицы

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте») в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина.

различных уровней языка, объединенные на основе интерпретирующей статальной функции языкового сознания. Исследуемая «на стыке коммуникации и когниции», категория статальности предполагает прототипический подход к изучению ее структуры и обнаруживает специфику представления знаний о различных состояниях в языке.

Используя термин «событие» в широком обобщающем смысле, основываясь на том, что все, что происходит в мире, может быть описано в терминах событий, отметим, что статальная категоризация представляет собой процесс и результат отнесения события, осмысленного в его статическом аспекте, к определенной статальной категории. События внутреннего мира человека в результате статальной концептуализации и категоризации могут интерпретироваться как эмоциональные, когнитивные, физические и другие состояния в зависимости от когнитивного контекста, включающего субъекта нереферентной активности и его интегральную характеристику, которая репрезентируется лексикой соответствующей семантической области. Важно заметить, что статальная категоризация событий внутреннего мира человека в современном английском языке обнаруживает социокультурную специфику, проявляющуюся в значительно более высокой степени структурированности и детализированности категории «состояния человека», что реализуется в языке за счет освоения терминологической лексики в бытовых коммуникативных практиках, а также за счет перекаатегоризации английских акциональных глаголов как результата использования с нетипичным субъектом нереферентной активности, в качестве которого выступает внутренний орган или часть тела человека. Например, *his heart danced in his bosom* [Oxford] интерпретируется как возбужденное эмоциональное состояние человека (excitement), репрезентированное в языке метонимически; формирование соответствующего статального смысла осуществляется в результате когнитивного механизма дефокусирования, заключающегося в выведении из фокуса внимания, подавлении значительной части «индивидуальных, остенсивно воспринимаемых, случайных или преходящих характеристик» и позволяющего «сосредоточиться на чертах, общих для целого класса объектов, а, следовательно, более значимых для осуществления категоризации» (Ирисханова, 2014, с. 83).

Таким образом, категория стательности как результат стательной категоризации событий в современном английском языке, обнаруживая в качестве главной особенности функциональный характер своей концептуальной основы, характеризуется внутриязыковой природой, вторичным статусом и инферентностью.

Ключевые слова: интерпретация; концептуализация; категоризация; стательность.

Key words: interpretation; conceptualization; categorization; the stative meaning.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н. Н.* К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. – Вып. XII. – 2012. – С. 33–43.
2. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
3. Oxford – Oxford dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>.

П. Б. Паршин

МГИМО МИД РФ, г. Москва

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ СОБЫТИЕ И СОБЫТИЙНЫЙ В НЕКОТОРЫХ (КВАЗИ)ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Как известно, от научного термина в идеале требуется однозначность и строгость в каком-то разумном понимании последнего слова (которое само, к счастью, в большинстве своих употреблений в качестве термина не воспринимается). Подобный идеал достигается далеко не всегда и в основном – в «конструктивных» науках, где можно реализовать принцип «как скажем, так и будет». Во множестве других видов интеллектуальной деятельности, в том числе претендующих на статус науки хотя бы в русском или немецком (Wissenschaft) понимании, термины часто несут на себе следы их естественно-языкового, сплошь и рядом метафорического происхождения (ср. анализ концептуальных аппаратов математики, философии, политической науки у Дж. Лакоффа) и даже оценочные компоненты. Иногда это никаких особенных последствий не имеет

(хотя и представляет исследовательский интерес), но в ряде случаев приводит к недопониманию, стимулирует разногласия и направляет исследования по расходящимся путям, порою вызывающим серьезные нарекания, особенно когда различные понимания и употребления подкрепляются (что в России имеет место сплошь и рядом) культурными факторами.

Автору уже доводилось рассматривать такого рода контроверзы на примере категорий дискурса, странового бренда, мягкой силы, а также различных пониманий когнитивной лингвистики (ср. сходные соображения В. З. Демьянкова, А. А. Кибрка, А. П. Чудинова). В настоящем же докладе предпринимается попытка, во-первых, рассмотреть, на эмпирической базе Национального корпуса русского языка структуру полисемии существительного *событие* (Арутюнова, 1988, с. 169–181), включая функционально-семантические предпочтения и статистику употребления отдельных значений, и, во-вторых, проанализировать терминологизацию двух основных, как представляется, значений этого слова. Первое значение – внешнее, квантифицирующее некоторое развитие извне в терминах *событийного ряда* (самое частотное сочетание в НКРЯ), а также *потока, каркаса, костяка, жгута, шампура, движения, наполнения, цепи / цепочки, отношений, содержания, календаря* и т. п. – примеры, вообще говоря, не однородны и требуют комментариев). Второе значение можно назвать внутренним, оно квалифицирует эпизод с точки зрения его полноты, яркости, интересности, субъективной значимости, иногда просто динамизма: *событийный статус*, а также *событийный смысл, день / год / месяц, дело, акция, вещь, «паровоз», оттенок, форма образовательной деятельности, фотоснимок, сочетание голосов, досуг, явление* и даже [!] *событие*, ср. *Это событийное, к сожалению, событие, фактически политическая акция* – показательный плеоназм хорошо забытого ныне депутата Г. И. Райкова). Имеются и другие значения, в докладе не рассматриваемые, как и проблемы взаимосвязи значений и контексты нейтрализации различий между ними.

Два указанных выше основных значения, «внешнее» и «внутреннее», рассматриваются в докладе с точки зрения специфики терминологизации определения *событийный*: первая фиксируется в таких понятиях, как *событийный ряд* и *событийный анализ* (один

из методов политической науки и социологии, он же event analysis / ивент-анализ / анализ событийных рядов); второе – прежде всего в понятии ивент-маркетинга, он же event-marketing / событийный маркетинг / маркетинг событий – популярная ныне маркетинговая технология), а также в понятии событийного туризма. Демонстрируется, что определение *событийный* используется в них существенно по-разному, и анализируются следствия этого факта.

Ключевые слова: естественно-языковая база терминологии; событие как имя существительное и имя прилагательное; структура полисемии события; значение события в ивент-анализе и ивент-маркетинге.

Key words: natural language basis of terminology; event as a noun and adjective; the structure of polysemy of event; the meaning of event in event-analysis and event-marketing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

А. А. Петрова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

ОТ ОНТОГЕНЕЗА К СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРАКЦИИ: ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ

Принимая за основу тезис о мультимодальности любой социальной интеракции и о включенности в акт общения языка в его устном воплощении и кинесико-визуальных ресурсов, мы исходим из того, что язык симультанно и секвенциально (сукцессивно) координируется с другими модальностями (равно и наоборот) и образует с ними пространственно-временную и функционально-семиотическую макроструктуру, в которой элементы, соположенные по отношению друг к другу, выступают в равноправных отношениях, не доминируют, но взаимодополняют друг друга, образуя в отдельные фазы интеракции области повышенной информативности, выражающейся в трансляции информации избыточным образом элементами разных модальностей или модальных уровней.

В соответствии с этим мы считаем необходимым провести ряд терминологических соответствий и разграничений, затрагивающих глобальную область современных мультимодальных исследований, в том числе и отечественных: мультимодальность (и, вероятно, как синоним полимодальность) – мультимодальная интеракция – мультимедиаальность – поликодовость – мультимодальная лингвистика – жестикуляция – жест (грамматика жеста). По нашему мнению, каждая из терминологически выделенных областей строится на своих базальных принципах; так, например, жестикуляцию нельзя отождествлять с жестом, поскольку в основе первой лежит движение, а в основе второго – фиксация, статика и т.п.

Изучая мультимодальную интеракцию (будь то ранний онтогенез или любая другая, например, институциональная коммуникация), и понимая при этом несколько иной, нежели мультимодальный, разговорный анализ (основу которого составляло изучение аудиовизуальных документов), подход к коммуникативному событию, мы выделяем следующие методы и приемы: основными при изучении подлинной мультимодальной интеракции являются этнометодологический метод и метод видеоанализа эмпирии; а дополнительными – следующие приемы: а) учет бинарной категориальной структуры «симультианность – сукцессивность»; б) применение метода реконструкции для понимания природы изучаемого явления; в) не интенциональность, но имплицативность как единственно эмпирически верное и доступное в интеракции.

На примере трех видеофрагментов различных форм коммуникативного события (видеозаписи общения немецкоговорящего ребенка в возрасте 3,5 лет и взрослого, который не является родителем; видеозаписи урока немецкого языка с учениками седьмого класса специальной языковой гимназии им. Зальцманна (Вальтерсхаузен, Германия); политического ток-шоу Майбриг Иллнер/ Maybrit Illner «Helden, Hoeneß, Nass und Häme – Kennen wir keine Gnade mehr?» от 29 мая 2014 г., транслируемого немецким телевизионным каналом ZDF) демонстрируется исследование ключевых, при осмыслении субструктур коммуникации, концептов: 1) интеракционного пространства и интеракционного ансамбля, формирующихся в начальном периоде онтогенеза – диалогического взаимодействия ребенка со взрослым в протоинтеракции, – и совершенствующихся

в процессе последующих этапов социальной интеракции; 2) мультимодального «Recipient Design» / Adressatenzuschnitt (на примере ток-шоу), изучающегося следующими методами (отдельно и во взаимосвязи): а) презентацией гостей ток-шоу голосом за кадром (Stimme aus dem Off); б) первым вербальным представлением гостей ведущей ток-шоу; в) представлением гостей телевизионной камерой / Kameraführung (метод зуммирования и смена ракурсов воплощает концепт «визуальности» для построения социального портрета представителей общества); г) имплицитным позиционированием гостей друг к другу.

Мультимодальный анализ как процесс нелинеен. Он предполагает постоянное возвращение, диалог с материалом, который может привести к переформулировке задач и гипотез, тем не менее, неизменной остается его главная задача – реконструкция события, реконструкция поведения индивидуума в интеракции, реконструкция пространства самой интеракции.

Ключевые слова: мультимодальность; мультимодальный анализ интеракции; simultaneity; successiveness; interactional space; interactional ensemble; reconstruction.

Key words: multimodality; multimodal interaction analysis; simultaneity; successiveness; interactional space; interactional ensemble; recipient design; reconstruction.

С. А. Петрова

МГЛУ, г. Москва

ДРУГОЙ КАК СОБЫТИЕ В ПОЗНАНИИ САМОГО СЕБЯ (по произведениям Патрика Шамуазо)

В философии XX в. понятие «событие» осмысливается как «событие», при котором соприкасаются человек и бытие в своей сущности и достигают своей сущностной природы (М. Хайдеггер). Вместе с тем событие означает бытие в мире совместно с другими, так как именно другой дает возможность человеку быть самим собой, познавать себя, выискивая и осваивая другого в себе. Таким образом другой становится необходимым условием для познания мира и самого себя.

Творчество П. Шамуазо, антильского писателя, пишущего на французском языке, позволяет исследовать роль другого в когнитивии, по меньшей мере, в трех аспектах: антропологическом, культурологическом и лингвистическом.

Творчество П. Шамуазо во многом основано на паратопии идентичности, связанной с принадлежностью писателя к двум разным культурам: креольской и французской. Настаивая на своей креольской идентичности, П. Шамуазо одновременно выступает против рационального универсализма и искусственного членения культурного пространства. Вслед за Э. Глиссаном писатель видит будущее за креолизацией (метисацией) культур, которая подразумевает открытость другому, новому, всему тому, что обеспечивает развитие и достижения в самых разных областях жизни и творчества. Именно двойная отнесенность П. Шамуазо к различным культурным кодам создает ситуацию, в которой заключается мощный источник выработки новых смыслов в области самоидентификации.

Осознавая бесперспективность создания литературы на креольском языке из-за отсутствия соответствующей аудитории, а также неизбежное исчезновение бесписьменной цивилизации в условиях постоянного смешения этносов и столкновения различных культур, П. Шамуазо пытается сохранить на французском языке креольскую историю и устное народное творчество. Драматическое столкновение двух цивилизаций, устной и письменной, отразилось в произведениях П. Шамуазо в виде сложных хитросплетений устной креольской и письменной французской культур. В создаваемом писателем художественном пространстве креольские традиции и символика причудливо переплетены с европейскими представлениями о мире. Взаимодействие двух асимметричных структур приводит их не только к взаимному познанию и самопознанию, но и к включению эстетики другого в собственный культурно-семиотический код.

В лингвистическом плане использование двух языков в художественном дискурсе отражает стремление писателя передать на французском языке креольские концепты, ментальные модели и языковые черты. Индигенизация выражена двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, она подрывает доминирование французского языка, с другой, приводит к наложению

французских лексических единиц на креольские синтаксические конструкции, т. е. к созданию нового коммуникационного регистра с использованием языка другого. Благодаря творческому отражению и осмыслению языковых контактов двух культур П. Шамуазо удалось создать оригинальный художественный язык и тексты-события.

Ключевые слова: другой; индигенизация; креольская культура; креолизация.

Key words: otherness; indigenization; creole culture; creolization.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
2. Найденова Н. С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста: сопоставительное исследование. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 344 с.
3. *Chamoiseau P.* Ecrire en pays dominé. – P. : Gallimard, 1997. – 360 p.
4. *Chamoiseau P.* L’empreinte à Crusoé. – P. : Gallimard, 2012. – 334 p.
5. *Chamoiseau P.* Техасо. – P. : Gallimard, 1992. – 513 p.

Т. В. Писанова

МГЛУ, г. Москва

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ОЦЕНКА СОБЫТИЯ В ПОЛИСУБЪЕКТНОЙ СРЕДЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

Современное телевидение представляет собой рефлексивную площадку, используемую субъектами для автокоммуникации и коммуникации с другими субъектами через согласование принимаемых ими реальностей. Парадигма «субъект – полисубъектная среда» становится ключевой не только для управления развитием социальным систем, но и для разрушения способности к развитию. Исследования совокупности параметров и признаков телевизионного новостного медиадискурса с его полисубъектной гетерогенностью, полифоничностью и полиинтенциональностью направлены на осмысление приоритетных задач современного телевидения в парадигме полисубъектной среды (Лепский, 2011; Писанова, 2015).

Современное телевизионное вещание характеризуется наращиванием зрелищности, избыточности информации, распространением новых медиатехнологий на фоне снижения фактуальности информации. Театрализованный характер новостного дискурса при доминирующей роли ведущего в студии предполагает чередование авторами сообщения нарративных режимов и неакадемические формы транслирования новостей. Ведущий в студии призван упорядочивать факты и управлять действующими лицами – специальным корреспондентом, свидетелями и участниками события с использованием вербальных и невербальных дискурсивных приемов (И. С. Грибанов 2013; О. В. Лапунова 2014). Реконструкция и оценка события нацелена на решение ряда коммуникативно-прагматических задач. При этом существование и конкретизация событий в режиме телевещания накладывает разного рода ограничения и зависимости на реконструируемые события, условно помещаемые в жанр телевизионного новостного дискурса. Редакционная политика многих ведущих западноевропейских и российских телеканалов вынуждает подчинять повествование о событии заранее спланированной оценке и одновременно создавать объективное впечатление в виде панорамной картины, применяя принцип полисубъектности – множественности присутствующих в кадре субъектов речи. Полисубъектная среда новостного дискурса, с одной стороны, создает условия для многообразия мнений и взглядов, подтверждаемых или опровергаемых участниками диалога, конкретными фактами, встроенными в видеоряд, а с другой стороны, парадоксальным образом создает питательную почву для оценочной зависимости, навязываемой общей эмоциональной тональностью новостного дискурса.

Многокомпонентность новостного блока включает студийный дискурс и репортажную вставку, где голоса репортера, свидетелей, участников события и экспертов создают у адресата телесобобщения впечатление не только присутствия на месте события, но и непосредственного участия в обсуждении важнейших проблем. Диалогические вставки, сосуществование нескольких голосов, равноправных участников реконструкции и оценки события, каждый из которых выражает свой взгляд на событие, внешне не подчиняются давлению императива ведущего в студии. Вместе с тем скорость включения и переключения взглядов и позиций нацелена

на то, чтобы адресат телесообщения успел соотнести оценочную стратегию с тактикой реконструкции события, уловить связь события с собственными интересами и проблемами. Формирование, оправдание и усиление доверия к реконструкции и оценке события в телевизионном новостном дискурсе способствуют регулированию взаимоотношений с окружающим миром, воспроизведению социально-психологического пространства человека (Липатов и др., 2015), а также его удержанию в системе устоявшихся оценок новостного событийного ряда.

Ключевые слова: событие, полисубъектная среда; полифоничность; телевизионный новостной дискурс.

Key words: event; polysubjective environment; polyphony; television news discourse.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ленский В. Е.* Трансдисциплинарные основания становления «средовой парадигмы» // *Философия науки и техники / РАН, Ин-т философии; отв. ред. В. И. Аршинов, В. Г. Горохов.* – М. : ИФ РАН, 2011. – С. 107–108.
2. *Липатов А. А., Купрейченко А. Б., Громова А. И., Шрадер Х.* Правильное общество / под ред. Ю. В. Веселова. – СПб. : Питер, 2015. – С. 167.
3. *Писанова Т. В.* Перспективы междисциплинарного исследования полисубъектной гетерогенности и полифоничности телевизионного новостного дискурса // *Проблемы социальной философии и культуры в XXI веке.* – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 238–252. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (724). Серия Языкознание и литературоведение).

Е. А. Попова

МГЛУ, г. Москва

КАТЕГОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЙ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Связь грамматической семантики категории числа с лексической семантикой слов времени представляет интерес как в русском, так и в испанском языках, поскольку может служить культурообразующей характеристикой, что видно из прагмасемантики отдельных лексем и клишированных конструкций.

Лексема время в русском языке имеет форму множественного числа (времена) только в значении «отрезок-эпоха», и с ее помощью обозначается совокупность событий, наполняющих некоторый хронологический континуум. При определении времени в данном случае зачастую используются метафорические описания, причем образование множественного числа свойственно только метафорическому блоку «время-контейнер, вместилище событий», в котором встречаются примеры как возможности, так и невозможности синонимической замены форм время – времена. Метафора «время – контейнер» характерна и для испанского языка, однако здесь наблюдается единственно возможное использование формы множественного числа.

В поведении лексем *время* и *tiempo*, с точки зрения образования множественного числа, проявляются как их индивидуальные особенности, так и общие тенденции числового поведения, что объясняется семантическим эффектом гетерогенности (неоднородности денотата слов *времена* / *tiempos*), которая реализуется в двух контекстах – количественном и качественном. Второй контекст, подразумевая, что «времена» есть качественно неоднородный период истории, обнаруживает разницу в восприятии событий носителями испанского и русского языков.

Осмысление и оценка разнообразия событий – один из факторов употребления формы единственного числа в конструкциях типа *мое / наше время* vs. *мои / наши времена*. В русской культуре с качественной неоднородностью, как правило, взаимодействует отрицательная оценка. Понятие *времена* приравнивается к сложной, проблемной эпохе, что объясняет предпочтение форм *мое / наше время* формам множественного числа: взрослый или пожилой человек, говоря «в мое время», имеет в виду свою молодость – самое счастливое время жизни. В испанском языке, напротив, «каноническим» считается употребление плюральной формы лексемы *время* в конструкции *estos / mis / nuestros tiempos* («эти / мои / наши времена»). Носители испанского языка в «разных временах» видят больше положительных событий.

В испаноязычных культурах также существует понятие «щедрого», «праздничного» множественного числа (*un plural generoso o festivo*), которое реализуется в ряде семантических микрополей

времени. В первую очередь это касается микрополей «Части суток» (в приветственных клише) и «Праздник» (употребление названий многих праздников во множественном числе более частотно, а глагол *celebrar* – «праздновать» используется в клише, описывающих проведение различных мероприятий: *celebrar las elecciones* – «провести выборы»). Множественное число в данном случае является отражением восприятия праздника как *отрезка* времени, тогда как в русской культуре праздниками считаются «кульминационные *точки* на темпорально-событийной оси» (Коннова, 2012, с. 192).

Ключевые слова: время; событие; форма множественного числа; лексема; семантическое микрополе.

Key words: time; event; plural form; lexeme; semantic microfield.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коннова М. Н. Аксиология времени праздника // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: Монография / под общ. ред. В.И. Заботкиной. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 192–200.

Е. А. Попова

МГЛУ, г. Москва

СИРКОНСТАНТЫ И ПРОБЛЕМА ИНФОРМАТИВНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ

С развитием современных технологий постоянно возрастает скорость передачи и распространения информации, а также ее объем. Если для адресанта важно передать максимум информации наиболее экономным способом, то адресату необходимо извлечь все заложенные в сообщении имплицитные смыслы. Соответственно, особую актуальность приобретает проблема информативной достаточности высказывания.

Обычно высказывание рассматривается как отражение некоторой ситуации реальной или вымышленной действительности. Традиционно смысловым центром высказывания считается предикат, окруженный набором актантов, соответствующих участникам данной ситуации (Касевич, 1988, с. 61–62). На периферии

семантической структуры находятся сирконстанты, соответствующие обстоятельствам, в которых происходит данное событие.

Анализ языкового материала показывает, что в ряде случаев вербализация сирконстанта необходима для адекватного понимания высказывания. На наш взгляд, актуализация сирконстантов зависит от типа ситуации, обозначенной данным глаголом.

Так, глагол *live* в подавляющем большинстве случаев вербализуется вместе с сирконстантами. При отсутствии сирконстантов (*X lives*) значение данного глагола подвергается модификации (*оставаться в живых, продолжать существовать*). По-видимому, наличие у глагола *live* семантической валентности на сирконстант объясняется тем, что сам по себе этот глагол не имеет конкретного денотата, может одновременно относиться к большому гетерогенному классу действий, поэтому требуется спецификация его содержания.

Необходимость вербализации сирконстантов в определенных контекстах можно объяснить и особенностями процессов восприятия и интерпретации речи. Вслед за Л. В. Лисоченко (Лисоченко, 1992, с. 10–16) и другими учеными, мы полагаем, что имплицитные смыслы извлекаются путем соединения эксплицитной информации с пресуппозициями (фоновыми знаниями) адресата в ходе инференции. Данный когнитивный механизм эффективен при восстановлении имплицитных актантов, но в случае с сирконстантами дает сбой, так как количество возможных вариантов интерпретации слишком велико.

Также следует особо отметить коммуникативную значимость сирконстантов. Так, в высказывании «I was married and had you when I was his age» темпоральный сирконстант не только уточняет временную локализованность действия, но и выражает мнение говорящего о другом человеке (в данном случае, имеет место осуждение). Таким образом, сирконстант способен не только указывать на среду и условия, в которых имеет место та или иная ситуация, но и актуализировать целый комплекс имплицитных смыслов, понятных только в данном контексте.

В завершение заметим, что вопрос о роли сирконстантов в семантической структуре высказывания и условиях их актуализации требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: семантическая структура; имплицитность; инференция.

Key words: semantic structure; implicitness; inference.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис: Морфология. – М. : Наука, 1988. – 309 с.
2. *Лисоченко Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты): монография. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 160 с.

М. Б. Раренко

ИНИОН РАН, г. Москва

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ В ФОКУСЕ

Основным методом исследования человека политического, т. е. «субъекта специфической деятельности, связанного с управлением государством, осуществлением властных полномочий, реализацией социально значимых действий, соответствующих задачам политического объединения (партии, движения), к которому данный субъект принадлежит» (Вагенляйтнер, Никитина, 2014, с. 5), стал метод интегративный. Он предполагает использование идей, достижений, методов разных направлений антропологической лингвистики. Человек при этом выступает и как субъект, познающий мир и отображающий процесс и результаты познания в языке, и как объект такого познания. Моделирование языкового образа политика базируется на семантических доминантах – «устойчивых, регулярно воспроизводимых смыслах» (Вагенляйтнер, Никитина, 2014, с. 68), которые отражаются в структурах представления знаний – концептах.

Языковой образ политика выстраивается также на основе анализа его языковых стратегий, специфика которых обусловлена фреймами, т.е. когнитивными структурами, основанными на вероятностном знании основных признаков ситуаций, типичных для субъекта в данной сфере коммуникации. Во фреймах политической коммуникации отражены такие ее признаки, как институциональность, ритуальность (проявляющаяся в сценарности, устоявшейся ролевой структуре и т. д.), особая риторическая

организация, целевая направленность, диалогичность (дискуссионность), конфликтность и даже театральность. К основным коммуникативным стратегиям, которые учитываются субъектом в рамках политического дискурса, относятся: стратегии кооперации, борьбы за власть, апелляции к ценностным категориям, стратегии презентации (языковое представление участников коммуникации), семантические стратегии (идеологическое воздействие), аргументативные стратегии (ментальные действия), стратегии речевых действий участников коммуникации и др.

При изучении языкового образа политика важным становится исследование оценочных номинаций политиков – «коннотативно осложненных лексических и фразеологических единиц, называющих человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам» (Катермина, 2015, с. 26).

Языковой образ политика является особой структурой представления знаний, которая в современных исследованиях рассматривается как сложный семантический конструкт, имеющий разноуровневую языковую организацию и ярко выраженную экстралингвистическую обусловленность.

Ключевые слова: политик; политический дискурс; языковой образ; языковое моделирование; семантические доминанты языкового образа; номинация; коммуникативные стратегии.

Key words: politician; political discourse; language image; language construction; semantic dominants of the language image; nomination; communication strategies.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагенляйтнер Н. В., Никитина Л. Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. – Омск, 2014. – 160 с.
2. Катермина В. В. Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики) // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2015. – Вып. 3 (53). – С. 26–31.

N. Richter

Европейский университет Виадрины, г. Франкфурт-на-Одере

ACCENTUATION PHENOMENA IN QUESTIONS AND WHAT THEY CAN TELL US ABOUT REPLIES¹

A phonetic perspective on accentuation in speech data aims at describing accentuated syllables in a detailed auditive and acoustic manner (such as tonal and temporal features or loudness). In order to achieve a full picture of accentuation including its form and its pragmatic function leads to a 'phonetic-pragmatic' analysis. It shall be discussed if accentuation in authentic questions in spontaneous speech data (in Russian, English and German) will ideally already include components of a reply still to be expressed.

Combining pragmatic and phonetic approaches seems promising for accentuation.

Key words: accentuation; phonetic-pragmatic analysis; spontaneous speech; questions and replies.

Ключевые слова: акцентуация; фонетико-прагматический анализ; спонтанная речь; вопросы и ответы.

Е. В. Рыжкина

МГЛУ, Москва

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА КАК КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ

В докладе рассматриваются свойства фразеологических единиц (ФЕ), которые обуславливают их участие в формировании и развертывании дискурса в его когнитивно-коммуникативном понимании.

При всем многообразии научных подходов и трактовок, которые можно встретить в современной лингвистической литературе, понятие «дискурс» чаще всего понимается как речемыслительная деятельность, направленная на создание некоего речевого сообщения. Это – язык в акте его реального порождения, «язык,

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation (grant № 14-48-00067).

погруженный в жизнь» (Арутюнова, 1990, с. 136–137). В такой интерпретации дискурс далеко выходит за рамки чисто лингвистических параметров, и для его адекватного описания необходимо учитывать как его вербальную (текстовую), так и экстралингвистическую составляющие. При этом текст, являющийся конечным продуктом речемыслительной деятельности, служит вербальным выражением смыслового содержания, которое формируется совокупностью всех релевантных языковых и внеязыковых знаний как автора, так и потенциального реципиента.

Дискурс нередко рассматривается как коммуникативное событие, т. е. вербальное и невербальное взаимодействие коммуникантов, в ходе которого происходит передача и интерпретация информации, оказывается определенное эмоциональное воздействие, решаются и другие коммуникативно-прагматические задачи. Таким образом, дискурс предполагает наличие собственно текста, интерактивности, ситуативного и культурного контекстов (Шейгал, 2004).

Формирование информационной стороны дискурса и его последовательное развертывание в конкретном контексте коммуникации происходит с опорой на значения используемых в тексте знаков языка, которые позволяют эксплицировать релевантные смыслы и пресуппозиции, фоновые и социокультурные знания. С этой точки зрения фразеология представляет особую ценность.

Во-первых, компактность, высокая информационная емкость и выразительно-изобразительные качества делают ФЕ уникальными средствами передачи смысла. Аллюзийный характер многих оборотов, которые служат отсылкой к определенным религиозным, фольклорным или литературным источникам, создает эффект соприсутствия «текста в тексте». Каждая из таких единиц подключает соответствующие фрагменты системы знаний и тем самым создает приращение смысла в создаваемом тексте. Во-вторых, будучи носителями культурной информации, отражающей систему норм и оценок, принятых в данной культуре, ФЕ позволяют придать тексту нужную модальность.

Интерпретация актуального смысла ФЕ, который она приобретает в пространстве соответствующего дискурса, происходит на фоне семантического развертывания самого дискурса и, прежде

всего, текста, в котором она функционирует. При этом между ними возникают сложные отношения взаимовлияния.

Ключевые слова: дискурс; коммуникативное событие; текст; фразеологическая единица.

Key words: discourse; communicative event; text; phraseology; idiom.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: МГУ, 1990. – С. 136–137.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.

Ю. Н. Сдобнова

МГЛУ, г. Москва

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ФРАНЦИИ

Одной из значимых тенденций в лингвистической науке последних десятилетий является усиление внимания к «социальным аспектам языковой деятельности, где, в частности, на первый план выходит изучение разделяемого коллективом людей взгляда на мир и того, как он определен в языке и соответствующем виде дискурса» (Ирисханова, 2014, с. 32–33). Военный институт – основополагающий социальный институт. Соответствующий ему военный дискурс мы понимаем как речепроизводство с учётом интер- и экстралингвистических факторов в едином коммуникативном пространстве, ограниченном рамками института вооруженных сил (далее – ВС). Опираясь на работы ведущих лингвистов, мы определяем *события в военном дискурсе* как *отдельные фрагменты языковой картины мира военного института, фиксирующие уникальные изменения, которые представляют определенный интерес для военного социума, и, являясь объектом познания, оцениваются заинтересованными индивидами исходя из их институционального опыта.* Мы разделяем мнение о том, что события имеют пространственно-временную локализацию и затрагивают только прошлое и настоящее (Данилович, 1983, с. 5–7). По мнению В.З. Демьянкова,

отдельные дискурсивные практики могут составлять как одно автономное событие, так и несколько, или не содержать никаких значимых событий. *Событие* можно рассматривать с разных точек зрения: событие-идея (интерпретации референциальных событий); референциальное событие (прообраз событий-идей); текстовые события (логическое и / или хронологическое изложение, фокусные/ фоновые события). К главным характеристикам текстовых событий можно отнести: функцию событий как эпизодов дискурса и положение в пространстве-времени и / или эмпатию автора текста, в частности если рассказчик и читатель смотрят на ход событий как бы одними глазами (Демьянков, 1983, с. 321–325).

В докладе мы рассмотрим дискурсивную практику ВС Франции¹, иллюстрирующую событие «эпидемия вируса Зика» (*le virus Zika*), представленное соответствующим **референциальным событием** (*le virus Zika défraie la chronique, Ebola: 11.000 morts, plus de 37.000 malades*) и интерпретирующееся несколькими **событиями–идеями**: 1. Французские ВС – инноваторы в борьбе с вирусом Зика 2. Французские ВС – эксперты в борьбе с Эболой. **Текстовые события** в данной дискурсивной практике распадают-ся в пространстве и времени на фокусные для военного социума (исключительная роль французских ВС в борьбе с эпидемиями: *Au cœur de l'épidémie*) и фоновые события (вирус Зика распространяется, эпидемия Эболы локализована и остановлена благодаря французским ВС): 1. *Spécialiste des infections virales, le service de santé des armées mobilise ses chercheurs pour lutter contre le virus Zika* (Военно-госпитальная служба ВС Франции, эксперт в борьбе с вирусами, мобилизовала специалистов для борьбы с эпидемией вируса Зика); 2. *La France envoie le service de santé des armées et son régiment médical pour créer un centre d'un genre nouveau: le premier centre de traitement réservé aux soignants malades d'Ebola* (Военно-госпитальная служба ВС Франции и специальный мед. полк отправлены на создание пилотного мед.центра по лечению и реабилитации больных Эболой). В дискурсивной модели проходит смещение фокуса событийного существительного деятельности (бедствие)

¹ Примеры приводятся по материалам ведомственной военной прессы: официальный сайт министерства обороны Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.defense.gouv.fr]

под воздействием внешних факторов (смещение информативного ядра в институциональном контексте) с актуальной угрозы (вирус Зика) на локализованную и ликвидированную угрозу (Эбола).

Ключевые слова: событие; институциональная коммуникация; военный дискурс.

Key words: event; institutionalized communication; military discourse.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* Интерсубъективность конструирования событий в полимодальном дискурсе // Анализ дискурса и стилистика: проблемы и решения. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 31–41. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 17(703). Серия Языкознание).
2. *Данилович А. В.* Номинативная и текстообразующая функции событийных имен // Взаимодействие структурных и функционально-семантических аспектов языка. – Минск, 1983. – С. 36–42.
3. *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Известия АН СССР, серия «Литература и язык». – Т. 42. – 1983. – № 4. – С. 320–329.

И. А. Семина

МГЛУ, г. Москва

СОБЫТИЕ В АСПЕКТЕ ШИРОКОЗНАЧНОСТИ

Понятие события, часто используемое в философии, логике, психологии и лингвистике, с точки зрения теории познания представляет собой определенный этап в процессе осознания и обобщения фактов действительности. Два теоретических направления стоят у истоков событийного подхода: логико-философский анализ, разработанный в 60–70-е гг. XX в. Д. Дэвидсоном, З. Вендлером, Н. Д. Арутюновой и др., и аргументно-функциональный подход, возникший в начале 80-х гг. из лексикалистских теорий.

Событие может быть определено как целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом. Являясь объектом познания, оно определенным образом организуется в сознании и оценивается людьми, исходя из их коллективного и индивидуального опыта. В данном понятии проявляется то, как человек видит себя в окружающем мире (Ирисханова 1997).

Называя событийные имена «свернутой пропозицией», Е. С. Кубрякова подчеркивает, что параллельно процессам означивания отдельных элементов мира постоянно протекают процессы означивания событий. Именуются не только явления, процессы и их качества, свойства, атрибуты и т. д., но и целые ситуации (Языковая номинация 1977).

Событийные существительные, подобно глаголам, выстраивают вокруг себя ситуации. Среди таких лексем назовем, например, широкозначные антропонимы – существительные, компрессирующие в своей семантике аргументную структуру событий. Свойство непосредственного выхода на ситуации отражено в их словарных дефинициях: *auteur m, bénéficiaire m, complice m, dépositaire m, titulaire m, victime f*: *auteur m* – *personne qui est la première cause d'une chose, à l'origine d'une chose*; *bénéficiaire m* – *personne qui bénéficie d'un avantage, d'un droit, d'un privilège*; *complice m* – *personne qui aide qn à commettre un délit, un crime*; *dépositaire m* – *personne qui reçoit, possède qch*; *titulaire m* – *personne qui a une fonction, une charge pour laquelle il a été personnellement nommé, en vertu d'un titre*; *victime f* – *personne qui souffre, pâtit (des agissements d'autrui, ou de choses, d'événements néfastes)* (DAALF 2001).

Рассматривая событийные антропонимы в системе, мы имеем дело с событийностью «внутри» имени, так называемой скрытой событийностью. Широкозначные антропонимы, функционирующие в дискурсе, часто показывают нам также событийность, выходящую за пределы антропонимических единиц и «перерастающую» в атрибутивные конструкции – в открытую событийность.

Ключевые слова: событие; широкозначные слова; антропоним; событийность.

Key words: the event; words with general meaning; anthroponym; eventuality.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ирисханова О. К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: дис. канд. филол. наук. – М., 1997. – 200 с.
2. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1977. – 357 с.
3. DAALF – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P. : Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.

И. К. Сескутова

МГЛУ, г. Москва

СОБЫТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США: ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОФОРМИРОВАНИЯ

Современный этап развития лингвистики предполагает изучение различных языковых явлений на стыке языка, когниции и коммуникации. Язык невозможно представить вне коммуникации – общения, обмена мыслями, сведениями, т. е. специфической формы взаимодействия людей в процессе их познавательной, социально-культурной и политической деятельности.

Вслед за Е. С. Кубряковой мы полагаем, что концептуализация и категоризация явлений объективной реальности связаны с объективацией структур знания в определенные языковые формы, а также объединением данных структур в целостные единства, называемые форматами знания (Кубрякова, 2012).

Как известно, исследование соотношения форматов знания и объективирующих их языковых форм в ходе коммуникации базируется на данных психологии, психолингвистики, семиотики и требует обращения к положениям теории коммуникации, теории когнитивной обработки языковых данных, теории интерпретации (Гумбольдт, 1985; Дейк, 2000; Залевская, 2009; Кравченко, 2009).

Планируемое выступление содержит размышления автора о значимости феномена пространственного представления знания для понимания природы и сущности когнитивных процессов смыслоформирования в современной социокультурной ситуации в США.

Предлагаемый в статье ракурс рассмотрения дискурсивной практики американского социума позволяет не только расширить традиционные представления о диапазоне исследований речевой деятельности познающего субъекта, но и имеет прикладное культурологическое значение, намечая подходы межкультурного взаимодействия в современном динамично меняющемся мире.

Речь идет о попытке рассмотреть тексты политического дискурса в пространстве американского социума с точки зрения прагматики высказывания, т.е. выполнения ими функций не только в сообществе языковом, но также социальном и политическом. На

примере организации музейно-образовательной деятельности на площадках президентских центров США и анализа конкретного текстового материала планируется продемонстрировать, что ни одна система языка не может быть понята и объяснена без обращения к феномену знания и связи языка и социокультурного фона его реализации. При этом увеличивается спрос на формирование и развитие компетенций, способствующих адекватному пониманию современных политических форматов.

Ключевые слова: знание; культура; политический дискурс; смыслоформирование; президентские библиотеки.

Key words: knowledge; culture; political discourse; meaning construction; Presidential Libraries.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск, Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 14–64.
4. Кравченко А.В. Знание, языкознание и язык // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск, Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 5–13.
5. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М. : Знак, 2012. – С. 54–62.

T. I. Shevchenko

MSLU, Moscow

COGNITIVE INTEGRATION OF PHONETICS AND PHONOLOGY (implications for L2 teaching)

The long history of phonetics-phonology divorce which started at the beginning of the 20th century appears to be over [1; 2; 5;]. Just as the sounds of speech have always been associated with its meaning, so are the two aspects of speech production / perception tend to be viewed in their integrity.

There is substantial overlap between phonological, phonetic and psychological studies of speech today. Phonetic research addresses

issues which are fundamental for phonology: acoustic properties of vowels, for instance, are measured to demonstrate language change [4]. Psychological experiments test models of speech perception which testify to the fact that acoustic cues have to be normalized and turned into abstract linguistic units (distinctive features / phonemes / syllables) before they are decoded lexically [3]. Language acquisition studies provide evidence on articulatory constraints which govern the acquisition of the phonological system together with the lexicon. There is also a considerable body of research aimed at finding out how speech is processed, stored and represented in the brain. The exemplar theory, for instance, claims that fine phonetic details are stored in the lexicon. Thus the integration of phonetics and phonology in modern linguistic framework is noteworthy [5].

Now that there is no interface between phonetics and phonology, the phonetic-phonological research has a better chance to explore the ways the human brain deals with variation, in particular, with immense diversity of English accents in the world. The practical benefits for L2 phonology and pronunciation teaching consists in having a better insight into L2 phonological system formation and a better understanding of both native and non-native perception of sounds. There is an encouraging note in that L2 competence may increase when the students are exposed both to the standard pronunciation (RP) and other varieties of spoken English. The present course of the department of English phonetics to the multicultural approach in teaching English accents may prove very effective in that, as time will show.

Key words: phonetics; phonology; linguistic framework.

REFERENCES

1. Алтатов В.М. Место фонетики и фонологии в мировой науке // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сб. ст. к юбилею О. Ф. Кривновой / под ред. А. В. Архипова, И. М. Кобозевой (отв. ред.), Кс. П. Семеновой. – М. : Буки-Веди, 2013. – С. 11–18.
2. Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : ИПК «Рема», 2012. – С. 175–187.
3. McQueen J. M., Cutler A. Cognitive Processes in Speech Perception // The Handbook of Phonetic Sciences. Second edition. Edited by W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 489–520.

4. *Labov W.* Principles of Linguistic Change: in 3 vol. – Vol. 2: Social Factors. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2006. – 572 p.
5. *Ohala J.* The Relation between Phonetics and Phonology // The Handbook of Phonetic Sciences. Second edition / Ed. by W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 653–677.

К. Я. Сигал

Институт языкознания РАН, г. Москва

ЛОКУС СОБЫТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПУНКТУАЦИИ

Пунктуация в дискурсе – сложнейший когнитивный механизм и коммуникативный инструмент. Пунктуационная «упаковка» отображает семиозис события, его конфигурацию и интерпретацию, задает ракурс восприятия события.

Так, в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохов, изображая Дон, может описывать то, что происходит на реке, безотносительно к тому, чем заняты персонажи, к тому, какие сюжетные элементы перемежаются пейзажными зарисовками Дона, а может, наоборот, включать пейзажные детали непосредственно в то или иное событие. В зависимости от этого меняется, например, пунктуационное оформление безглагольных бытийных предложений (ББП) с локативным детерминантом (ЛД), в функции которого выступают разные предложно-падежные словоформы собственного имени Дон: такие предложения, благодаря характеру своей семантики («где-то есть что-то»), нередко используются для лаконичной передачи той или иной пейзажной детали, относящейся к Дону в определенное время года или в определенных погодных условиях.

Пейзажная зарисовка «Дон в ночь под Пасху» резюмируется в **ББП На Дону – плавный шелест, шорох, хруст** (кн. 1, ч. 2, гл. XVI). Писатель отделяет ЛД от состава ББП посредством тире, акцентируя то, до чего нет дела персонажам, но что существенно в пейзажном лейтмотиве Дона, проходящем через все эпическое полотно. Тире отражает, кроме того, резюмирующий характер ББП и позволяет выделить как тему, так и рему, которые не только уже известны, но и включают лексические «осколки» контекста.

Совсем иначе, с точки зрения включенного наблюдателя, изображен Дон в эпизоде ловли рыбы во время грозы. Персонажи сами находятся на реке, т. е. в той части пространства, которая названа

в ЛД, и это превращает ЛД почти в необязательный компонент ББП, который мог бы и отсутствовать. Ср.: *У Дона стонуций рев. Ветер на ключья рвет косое полотнище дождя* (кн. 1, ч. 1, гл. IV). Здесь вполне было бы допустимо и так называемое номинативное предложение. Вследствие этого имя бытующего явления с атрибутивным распространителем становится актуализированным, и, значит, пунктуационного маркера для его акцентирования не требуется.

При сопоставлении двух пейзажных контекстов становится понятно, что именно интерпретационный фокус в синтаксическом изображении одного и того же объекта (в данном случае – Дона) как локализатора природных явлений, метонимически показанных через возникающие от них звуковые / слуховые эффекты, обуславливает различие в пунктуационной «упаковке» ББП с ЛД.

Примечательно, что в узусе представлена конвенциональная вариантность отделяющего тире в ББП с ЛД, связанная с синтаксической перекатегоризацией таких предложений: замена эллипсиса бытийного глагола в презенсе на конструктивно значимую паузу оставляет ББП с ЛД за пределами прототипической двусоставности. В дискурсе семасиологизация таких пунктуационных вариантов участвует в дифференциации однотипных событий с точки зрения локализации наблюдателя.

Ключевые слова: локус события, локативный детерминант, интерпретация средствами пунктуации.

Key words: locus of the event, locative determinant, interpretation by means of punctuation.

А. И. Снина

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

ИНОСКАЗАНИЕ КАК ВИД КОГНИТИВНОЙ СХЕМЫ

Опираясь на когнитивную теорию Джорджа А. Келли, мы считаем, что каждый человек познавательно конструирует окружающий мир, наделяя события значениями (Первин, Джон, 2000, с. 240–241), обращается к «уникальному набору личностных конструктов для интерпретации и предсказания событий» (Справочник практикующего врача, с. 3–20). Каждый конструкт обладает определенными зонами и фокусом применимости (Первин, Джон, 2000, с. 249–250). Отмечается, что человек обладает определенным

набором мыслительных моделей / схем для структурирования действительности, основанных на имеющемся опыте. Под схемой понимается «относительно устойчивое когнитивное образование, организующее опыт и поведение» (Когнитивная психотерапия).

Мы предполагаем, что перифразирование является разновидностью речемыслительной деятельности, и может функционировать в качестве специфической схемы интерпретации событий, а именно приобретает формы устойчиво повторяющихся «когнитивных клише» (Сергеев, 1987). Нами были рассмотрены англоязычные публицистические тексты одного автора и выявлены совпадения употребления перифрастических / иносказательных номинаций при обозначении схожих схем. Так, например, схема «противоестественное / необъяснимое состояние» выражается автором перифразированием, основанном на ассоциативных связях по сходству и смежности с магическими процессами.

По нашему мнению, подобное повторяющееся использование перифрастических / иносказательных номинаций становится возможным в связи с тем, что у человека складывается отчасти фиксированный «репертуар» когнитивных схем для анализа и интерпретации действительности. Реализация когнитивных схем может приобретать специфическую форму перифразирования.

Ключевые слова: перифразирование; мыслительные модели; когнитивная схема; публицистический текст.

Key words: periphrasing; mental models; cognitive scheme; mass-media text.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Когнитивная психотерапия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cognitive-therapy.ru/publ/stati/kognitivnye_struktury_i_processy/6-1-0-37. Дата обращения 03.2016.
2. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория исследования / пер. с англ. М.С. Жамкочьян под ред. В.С. Магуна. – М. : Аспект пресс, 2000. – 607 с.
3. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 3–20.
4. Справочник практикующего врача [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vmedicine.net/psikhologiya/35-psikhologiya-baza/1805-glava-13-lichnost.html?showall=&start=4>. Дата обращения 03.2016.

А. В. Солопенко

МГЛУ, г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В докладе рассматривается слоган как такой элемент рекламной коммуникации, в котором может содержаться, помимо всего прочего, информация о гендерных ролях, для поддержания и воспроизведения которых предназначены гендерные коммуникационные стереотипы. Цель доклада – на основе семантического анализа проследить изменение вектора гендерных ролей в слоганах, представленных на страницах мужских и женских глянцевого журналов (*Maxim*, *Cosmopolitan*) в 2010–2015 гг. В целом такое изменение, при рассмотрении его в среднесрочной ретроспективе, можно считать значимым событием как для маркетинговой коммуникации, так и для развития общественного сознания.

В прессе данного периода можно наблюдать два процесса: это, с одной стороны, поддержание традиционных представлений о маскулинности и феминности, а с другой – распространение новых предписаний мужественности и женственности как исторически изменчивых концептов.

Типичными мужскими предписаниями являются следующие: 1) сильный (Для самых сильных. *Nivea*), 2) мужественный, 3) надежный (Надежность в любых условиях. *Skoda Octavia Tour*), 4) умный, имеет собственную позицию, точку зрения (*Ego Sum Lex* – Для тех, кто создает свой мир, в котором Я – закон), 5) властный, 6) лидер (Уверенность в победе. *Acura*), 7) компетентный (Лучшие решения для новых возможностей. *Ford*), 8) активный, 9) решительный, 10) спортивный. В данных стереотипах раскрываются следующие гендерные роли: «деловой мужчина», «семьянин», «спортивный мужчина».

Традиционными женскими характеристиками выступают их оппозиции, такие как: 1) слабая (*Herbal Essences*. Хрупкой может быть девушка, но не её волосы!); 2) женственная (Почувствуй красоту своего тела. *Avon / Skin so soft*); 3) нуждающаяся в защите; 4) умная, не имеет своей позиции; 5) подчиняющаяся; 6) ведомая; 7) ответственная; 8) неактивная; 9) не рискует; 10) неспортивная.

Это предписания таких гендерных ролей, как «жена / мать», «леди», «домохозяйка».

Отступления от нормы, заданной стереотипом, связаны с предписанием феминных характеристик – мужскому типу: 1) нежный, чуткий (Время не властно над Волей и Нежностью. Faberlic); 2) романтический, чувственный (Современный романтик. Avon / Persil); 3) несовершенный (Он умен. Он привлекателен. Но и ему присущи недостатки. Clarins Men); 4) красивый, ухоженный (Задай свой стиль. Nivea; Где косметика, там жизнь. Clarins Men). Мужчине свойственны новые гендерные роли, такие как: «авантюрист», «инфантильный мужчина», «соблазнитель».

Женщине присущи мужские черты: 1) дерзкая, сильная / сексуальная, страстная (Твой цвет – твои правила. Wella); 2) активная, рисковая (Выбери свой. Начни игру! Играй нежно. Играй сексуально. Играй дерзко. Play Boy); 3) лидер, а не ведомая. (Мой образ – мое высказывание. MaXfactor); 4) непостоянная, свободная; 5) гламурная, звездная. (Помада для главной роли. Estee Lauder; Каждый день в роли звезды! Starlette Infini). Женщине характерны новые гендерные роли: «деловая женщина», «беззаботная девушка», «соблазнительница».

Реклама воспроизводит социальные реалии: в XXI в. «Она» – карьеристка и беззаботная; «Он» – романтический и сентиментальный. Для «Нее» создана отдельная линия женского пива, водки, сигарет; для «Него» – серия косметических средств.

Таким образом, мы наблюдаем внедрение в массовое сознание новых стереотипов социального поведения, новой системы ценностей.

Ключевые слова: слоган; мужской слоган; женский слоган; нацеленность на потребителя; гендерные стереотипы; гендерные роли; рекламная коммуникация.

Key words: slogan; male slogan; female slogan; targeting; gender stereotypes; gender roles; advertising communication.

Т. С. Сорокина

МГЛУ, г. Москва

СУБКОНЦЕПТ «СОБЫТИЕ» И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Цель предлагаемого исследования – попытка интерпретировать диахронные изменения репрезентации грамматического субконцепта «событие» как отражение изменений языковой картины мира.

Субконцепт «событие» может рассматриваться как часть более общего языкового концепта «отношение», в котором «событие» представлено как «отношение действия и предмета действия» и репрезентировано глагольно-именным (объектным) словосочетанием.

В разные периоды истории английского языка субконцепт «событие» выражался разными средствами наполнения гештальт-структур как способов соотнесения концептуальных характеристик с конкретными средствами их языковой репрезентации: лексическими (семантика глагола и существительного), морфологическими (падежная форма существительного), синтаксическими (согласование, управление, примыкание, предложная связь). При этом информация, заложенная в гештальт-структуре (ГС), воспринимается целостно как совокупность формы и содержания.

Исследование показало, что диахронные изменения лексико-семантической и грамматической подсистем информационного кода английского языка в процессе его истории находят отражение в изменении удельного веса и иерархии отдельных компонентов ГС. А именно, утрата морфологического компонента ГС (падежной флексии) приводит к увеличению удельного веса синтаксического и лексического компонентов ГС, которые становятся центральными, при этом именно синтаксический компонент выходит на передний план. Усиление лексического компонента происходит за счет качественных изменений лексического глагола и в меньшей степени за счет качественно-количественных изменений лексической семантики существительного и предлога. В результате конструкция «глагол + дополнение» становится одним из самых частотных словосочетаний английского языка.

Диахронные изменения репрезентации субконцепта «событие» заставляют обратиться к когнитивному осмыслению ведущих членов глагольно-объектного сочетания, а именно глагола и существительного как частей речи. Во-первых, если по своей когнитивной природе глагол характеризуется тем, что символизирует события, то по своей дискурсивной функции он пресуппонирует наличие в этом событии субъекта и / или объекта. Далее, пространство глагольной лексики – это пространство отношений событий или действий с определенными участниками этой деятельности или положения дел. Отсюда, глагольно-именное (объектное) словосочетание

передает отношение действия (события, положения дел) к определенным участникам этой деятельности (события).

Попытка рассмотрения диахронических изменений в языковой картине мира предполагает учет отражения в языке изменений в восприятии человеком мира, оказывающее влияние на процесс отбора и считывания языком информации. Можно предположить, что изменения в «мире как он есть», отраженные в информации о нем, свидетельствуют об усложнении ситуации (события). Для этого со стороны субъекта необходимо как разнообразие действий, направленных на вовлечение объектов в сферу своего влияния, так и разнообразие самих объектов. В итоге, диахронные изменения в репрезентации субконцепта «событие» можно интерпретировать как отражение изменений в языковой картине мира, произошедших в процессе исторического развития английского языка, что в целом связано с эволюцией и упорядочением концептосферы человека по мере концептуализации накопленного человеком опыта и роста обрабатываемой языком информации.

Ключевые слова: субконцепт «событие», глагольно-именное словосочетание, языковая картина мира.

Key words: subconcept «event», verb-noun phrase, linguistic world image.

Н. Ю. Сороколетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

ПОЗДРАВЛЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

Коммуникативное событие – «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов»; «лимитированный и регламентированный процесс социально-коммуникативного взаимодействия в определенном социокультурном контексте» (Борисова, 2001).

¹ Исследование «Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы» выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 15-04-00134).

Коммуникативное событие может охватывать абсолютно всех представителей общества: все возрастные, социальные группы, группы по половой принадлежности, по финансовому обеспечению и т. д. Коммуникативное событие выстраивается по определенному сценарию, включающему в себя ряд действий, конкретных событий, осуществляемых в определенном порядке, имеющих определенную речевую реализацию. Сценарий события традиционен и часто отражает национальную специфику.

Коммуникативное событие «поздравление» предполагает следующие компоненты и этапы реализации: условия создания поздравления и претворения его в жизнь, участники этого события (социальное положение, гендерные и возрастные особенности, характер взаимоотношений), стиль поздравления (официальное / неофициальное), общая цель поздравления, цель и интенции каждого участника, структура поздравления, вербальное и невербальное оформление, канал взаимодействия и некоторые другие.

Реализуясь в политическом дискурсе, коммуникативное событие «поздравление» имеет определенную структуру: обращение, описание мотива поздравления, пожелания дальнейших успехов, развития и т. д., подпись поздравляемого (обязательна для письменного поздравления). Адресатом официального поздравления, адресантом которого является президент США, может быть любой человек или группа лиц, независимо от своих статусно-ролевых характеристик. В качестве адресата поздравления президента могут быть политические деятели, выдающиеся представители культуры, всемирно известные организации, рядовые граждане США (выпускники школ, колледжей, местные сообщества, участники клубов по интересам и т. д.). Стиль поздравления, как правило, официальный, так как адресантом поздравления выступает официальное лицо.

Текстовой реализацией коммуникативного события «поздравление» является комплекс речевых жанров, таких как приветствие, пожелания, прощание и др., что свидетельствует о ритуальности поздравления. Социокультурно обусловленные характеристики письменного официального поздравления включают особое содержательное наполнение, четко регламентированную структуру его организации и объем, а также специфическое языковое и структурное оформление текста.

Ключевые слова: коммуникативное событие; официальное поздравление; политический дискурс.

Key words: communicative event; official congratulation; political discourse.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.

В. С. Табакова

МГЛУ, г. Москва

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА СИЛОВЫХ ЕДИНОБОРСТВ

Спортивный дискурс как разновидность институционального предполагает интенсивное использование вербальных и невербальных средств межкультурной коммуникации. Межкультурные аспекты спортивного дискурса требуют создания международной системы знаков (жестов), подлежащих перекодированию, с учетом специфики языка общения.

Данная проблематика имеет непосредственное отношение к немецко- и русскоязычному дискурсу единоборств, в котором применение фиксированных жестов включено в регламенты и правила проведения указанных соревнований.

Популяризация самбо как разновидности спортивного единоборства, его продвижение в межкультурном пространстве требует разработки специализированных жестов, обеспечивающих социально-культурное взаимодействие.

В контексте вышесказанного, разработка немецко- и русскоязычного глоссария для самбо будет способствовать популяризации самбо на международном уровне и признанию официально олимпийским видом спорта.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; вербальная коммуникация; жест; спортивные единоборства; самбо.

Key words: intercultural communication; verbal communication; gesture; sport combats; sambo.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. ; сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: Монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.
3. Ионов С. Ф., Ципурский И. Л. Организация и проведение соревнований по борьбе самбо. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 143 с., ил.
4. Леонтьев А. А. Психология общения. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 1997. – 365 с. – (Сер. «Психология для студента», вып. 4).
5. Чумаков Е. М. Сто уроков самбо / под ред. С. Е. Табакова. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Физкультура и спорт, 2002. – 448 с., ил.

Р. Р. Тазетдинова

Башкирский гос. пед. ун-т, г. Уфа

НЕРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

С позиции лингвистической прагматики каждое конкретное предложение / высказывание производится в определенных условиях, являясь при этом результатом деятельности говорящего, имеющего определенные намерения. Объектом исследования являются предложения в условном наклонении (Conditional 1, 2, 3), предметом – пропозициональные установки, регламентирующие употребление того или иного вида условного предложения. Б. Рассел ввел в философскую логику понятие «пропозициональное отношение», внутри которого различается инвариантная часть, или постоянное ядро предложения, и вариантная, подвижная часть. Рассмотрим примеры: (1) *If she rings this evening, I'll let you know*. Зарубежные грамматисты, например Р. Мерфи, Р. Сайд и Г. Велман, М. Хьюгинс, относят предложения такого типа к возможным (likely) во временных рамках прошлого, будущего и настоящего. (2) *What would you do if you became President?* – высказывания относятся к невозможным (unlikely) во временных рамках будущего и настоящего, а (3) *If I hadn't been standing outside the supermarket, we might never have met* – к невозможным во временных рамках прошлого (Side, Wellman, 2000: 81–88).

Ограничим наше обсуждение только прототипическими примерами. Очевидно, что инвариантная часть пропозиции высказываний (1), (2), (3) – наличие некоей гипотетической ситуации. Вариантная часть в Conditional 1 – условия реальности, вероятности, что какое-то событие произойдет: “To talk about conditions in the present / future that we think are likely to happen (курсив наш. – *P. T.*) (Side, Wellman, 2000: 84); в Conditional 2 – условия являются нереальными, но возможным: “...with future reference to indicate that we are talking hypothetically and think the condition is unlikely to be fulfilled” (Side, Wellman, 2000: 86); наконец, в Conditional 3 условие является невозможным для выполнения, так как событие уже произошло и последствия развились по другому сценарию (а не так, как мы предполагали): “To indicate that we know what happened but are speculating about what would have happened if the opposite had been true” (Side, Wellman, 2000: 88). Обратим внимание на спорный момент: почему считается, что одно событие возможно, т. е. произойдет в Conditional 1, но другое невозможно, так как всего лишь может произойти в Conditional 2? Почему Conditional 1 и 2 относятся к разным подкатегориям, тогда как оба они соотносятся с нереальной ситуацией, а говорящий делает некие предположения, что произойдет, если наступят определенные условия в ситуации типа (4) *If the weather is fine tomorrow, we can go for a walk?* Он предполагает, что произошло бы, если бы гипотетически были какие-то другие условия, как в (5) *If I were President, I would ban schools.*

На наш взгляд, именно вариативная часть пропозиции содержит такие компоненты, регламентирующие выбор конкретного вида условного предложения для высказывания своего отношения к действительности, одним из которых является «опыт говорящего». Экспликация значения конструкции в Conditional 1 в (4) позволяет предположить, что ранее говорящий уже оказывался в подобной ситуации, т.е. он уже прожил когда-то такое событие, когда была хорошая погода, следовательно, он знает, что лучше выйти на улицу, нежели чем сидеть дома. Поэтому, на основе прошлого опыта, новая гипотетическая ситуация становится для него вероятной. Из примера (5) мы можем заключить, что опыта президентства у говорящего (пока) нет, следовательно, подобная ситуация становится для него менее вероятной (хотя все еще возможной, так

как говорящий может баллотироваться в президенты), что и обуславливает выбор соответствующей конструкции в Conditional 3.

В содержании пропозиции условных предложений есть различие между элементами, которые соответствуют инвариантной части, и теми, которые соответствуют ее вариантному содержанию, причем количество и характер последних зависит от цели высказывания говорящего.

Ключевые слова: пропозиция; ситуативная грамматика; событие; условные предложения.

Key words: proposition; situational grammar; event; conditional clauses.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Side, R., Wellman, G.* Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency. – Pearson Education Ltd, 2000.

М. А. Таривердиева

МГЛУ, г. Москва

ОТОБРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ В ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Сущность выражается грамматикой

Л. Витгенштейн

Тема сообщения – отображение связи событий в сложном высказывании. Материал исследования – латинский язык, на протяжении столетий устное и письменное койне древнего Рима, позже язык науки и культуры Западной Европы вплоть до Нового времени.

В литературном латинском языке классического периода (I в. до н. э. – II в. н. э.) нормативной синтаксической моделью являлось сложноподчиненное предложение с жестким регламентом использования языковых средств: многозначный союз *cum*, предикат придаточной части – глагол в формах конъюнктива.

В средневековых текстах универсальный союз *cum* вытесняется однозначными аналогами. Сокращается употребление конъюнктива в придаточной части высказывания. Лексическая дифференциация союзов-классификаторов подчинительной связи в сочетании с предикатом придаточной части – глаголом в формах индикатива свидетельствует о вытеснении синтетической грамматической модели моделью аналитической.

Дальнейшая содержательная детализация смыслов, формирующих сложное высказывание, коррелирует с детализацией представлений человека об окружающей действительности, с изменением картины мира в его сознании.

Ключевые слова: событие; картина мира; грамматика; синтаксис; наклонение; союзы.

Key words: event; worldview; grammar; syntax; mood; conjunctions.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kühner, R., Stegmann, C.* Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Band II. Satzlehre. Teile 1–2. – Darmstadt, 1955. – 738 S.
2. *Leumann, M., Hofmann, J. B., Szantyr, A.* Lateinische Grammatik. – Bd. II. Lateinische Syntax und Stilistik. – München : C. H. Beck, 1964. – 342 S.

Н. Д. Токарева

МГЛУ, г. Москва

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ МАНИФЕСТАЦИИ ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННОЙ ГРУППЫ К ВАЖНЕЙШИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ В СТРАНЕ (на материале британской прессы)

Прагматическая значимость публицистического дискурса становится особенно явной в периоды наибольшей напряженности общественной мысли, когда решаются узловые вопросы будущего страны. Великобритания в настоящий момент находится на пике дискуссии по поводу продолжения её членства в Европейском Союзе или выхода из него. Этот эпизод в политической жизни страны является частным случаем, но он может служить основанием для анализа более глобальных событий. Предметом анализа являются статьи консервативной направленности из ведущих газет этого сектора общественного мнения. Прагматические концепты, облеченные в коммуникативную цепь в пределах статьи, выявляют, прежде всего, конвенциональные представления членов данной социальной группы по поводу заявленной темы. Поскольку обе газеты, из которых заимствуются статьи для анализа, передают точку зрения партии консерваторов («The Daily Telegraph», «The Mail»), то, естественно, совпадение позиции по наиболее актуальным

вопросам. Лингвистические способы передачи группового мнения, которое суммирует индивидуальное осознание проблемы данной группы на когнитивном уровне, чрезвычайно разнообразны, и стилистическая составляющая является доминирующей.

При анализе мнений, которые предполагают групповое общественное сознание, и поэтому являются достаточно типизированными, выявляется значительное расхождение в позициях, которые зачастую передаются исключительно стилистическими средствами. Тончайшее различие в оценке ситуации и в подходах к её разрешению при всем кажущемся отличии по существу сводится к полной симметрии с позиций смысла при самых различных оттенках выражения расхождений. Таким образом, дискурсивная модель, определяемая как ситуативная (по Ван-Дейку) может отражать тончайшие нюансы несогласия с общей оценкой события данной группы, и при этом доминирует единство подходов при рассмотрении проблемы. Социальные связи группы оказываются более мощными, влиятельными, нежели чем отдельные разногласия или расхождения в оценках, которые, как доказывается с помощью дискурсивного анализа, являются определенным политическим шагом, вуалирующим единство взглядов социальной группы в целом, при желании представить разнообразие мнений и даже внутрипартийную борьбу.

Ключевые слова: стилистика; политическое событие; социальная группа; дискурсивный анализ

Key words: stylistics; political event; social group; discourse analysis.

М. В. Томская

МГЛУ, г. Москва

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК СОБЫТИЕ¹

Онтологический статус события с давних пор осмысливается в логико-философских трудах, в том числе в лингвистических. Событием в широком смысле считается «все, что случается, происходит, имеет место» (Булыгина, 1992, с. 108). Другими словами, наша жизнь складывается из событий. Однако велика вероятность

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 14-48-00067).

перепутать событие с другими явлениями сходного онтологического порядка (ситуациями, процессами, фактами и пр.). Поэтому многие исследователи выделяют концептуальные признаки события, которые отличают его от других форм бытия. Назовем лишь некоторые из них – отнесённость к жизненному пространству; динамичность и кульминативность; сценарность; целостность; включённость в интерпретирующий контекст и др. (Арутюнова, 1999, с. 519).

Научная коммуникация состоит так же, как и наша жизнь, из научных событий, к наиболее значимым из которых относятся научные форумы, конференции, симпозиумы, где ученые представляют, как правило, результаты своих исследований.

В докладе научные конференции рассматриваются как коммуникативные события, которые обладают большинством признаков, характерных для события вообще. Кроме того, выделяются параметры, которые присущи коммуникативным событиям гетерогенного свойства.

Научные конференции представляют собой сложносоставные, или полисубъектные (Тюпа, 1996), коммуникативные события. События, обладающие коллективным характером, протекают, осуществляются по определенному сценарию. При этом участники конференции являются как субъектами, так и адресатами единого комплексного высказывания, сформулированного в теме конференции. Коммуникативное событие «научная конференция» ритуализировано, что приравнивает его к понятию дискурса в одном из его значений.

Ключевые слова: событие; коммуникативное событие; академический дискурс; научная конференция.

Key words: event; communicative event; academic discourse; academic conference.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и производные от него значения // Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 403–542.
2. Булыгина Т. В. Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 108–115.

3. Тюпа В. И. Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // ДИСКУРС 1/1996: Коммуникация, образование, культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm

Н. Н. Трошина

ИНИОН РАН, г. Москва

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ

Языковая специфика когнитивного стиля проявляется в выборе вербальных средств выражения «присущих человеку индивидуально-своеобразных способов переработки информации о своем окружении» (Холодная, 2002, с. 7), что зависит от особенностей организации концептуальной системы личности.

Когнитивная сущность языкового стиля рассматривается с опорой на концепции функционального стиля и стилистического значения Э. Г. Ризель (Ризель, 1980), ментального лексикона Е. С. Кубряковой (Кубрякова, 2004) и языковой личности Ю. Н. Караулова (Караулов, 1987).

Понятие парадигматического статуса абсолютной стилистической окраски языковых единиц (Э. Г. Ризель) подводит к трактовке единиц ментального лексикона – концептов, систематизированный набор которых образует в структуре языковой личности когнитивный уровень (Ю. Н. Караулов) – не только как «склада» этих единиц, но скорее как «действующей системы, в которой каждая единица ‘записана’ с инструкцией ее использования» (Кубрякова, 2004, с. 68). Эта инструкция содержится в стилистических параметрах языковой единицы. В другой структуре представления знаний – во фреймах – фиксируются объективные коннотации, ассоциации и типичные ситуации, связываемые носителями языка с соответствующими понятиями.

Когнитивный стиль может быть охарактеризован в плане его языковой специфики в двух аспектах: 1) в парадигматическом, т. е. в аспекте ментального лексикона – как совокупность культурообусловленных стилистических параметров, характеризующих структуры представления знаний – прежде всего, концептов; 2) в синтагматическом, т. е. в аспекте коммуникативного события, воспринимаемого человеком, – как тональность текста,

формирующаяся в результате взаимодействия этих параметров в реальных речевых актах порождения и восприятия текста (Трошина, 2006) и направляющая его восприятие адресатом в соответствии с авторской коммуникативной интенцией.

Ключевые слова: когнитивный стиль; ментальный лексикон; концепт; фрейм; языковая личность; стилистическое значение.

Key words: mind style; mental lexicon; concept; frame; person from the language point of view; stylistic meaning.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.
2. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
3. *Ризель Э. Г.* Стилистическое значение и коннотация // Лингвистические проблемы текста. – М., 1980. – С. 134–143.
4. *Трошина Н. Н.* Когнитивная парадигма в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М., 2006. – С. 10–127.
5. *Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – М., 2003. – 304.

Г. М. Фадеева

МГЛУ, г. Москва

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ФРГ КАК МЕДИАСОБЫТИЕ

Ежегодное рождественское обращение президента ФРГ к гражданам страны рассматривается в докладе как медиасобытие, связанное с ценностными ориентациями, доминирующими в данном лингвокультурном сообществе и относящимися к ядерной части коллективной идентичности коллективного субъекта (ср. Гришаева, 2014, с. 109). Ценностный контекст данного медиасобытия связан, во-первых, с референцией к традициям одного из важнейших христианских праздников для всего христианского мира, в том числе для Германии, несмотря на глобализацию и мультикультурализм; во-вторых, с референцией к актуальной политике, определяющей жизнь Германии в целом и жизнь отдельных индивидуумов

на данном историческом этапе. Изучаемое медиасобытие, как и любое событие, локализовано в некоторой человеческой сфере (в нашем случае это как единоличная, так и общественная сферы), происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве (ср. Арутюнова, 1999, с. 509). Время является важным для характеристики данного события показателем, так как рождественское обращение связано с определенной датой. Медиасобытие «рождественское обращение президента» необходимо рассматривать как сложный полимодальный феномен, в котором важную роль играет сочетание и взаимодействие различных каналов коммуникации. Перспективным представляется изучение не только самого текста обращения, но и возникающего вокруг этого события дискурса, т. е. совокупности высказываний на данную тему, реализуемых в разнообразных типах медиатекстов, освещающих данное событие. Это могут быть, например, отклики обозревателей, политиков, рядовых граждан, публикуемые в печатных СМИ и Интернете, звучащие на телевидении и радио. Совокупность анализируемых текстов (частный медиадискурс) можно понимать как одно медиасобытие, разворачивающееся во времени и пространстве и проходящее при этом определенные фазы развития. Из этого следует, что объектом анализа и интерпретации могут быть либо отдельные медиатексты, входящие в данный корпус (например, только само обращение или только отклики прессы), либо весь корпус (его репрезентативный сегмент). Одной из важнейших характеристик типа текста «телевизионное обращение» как разновидности политической публичной речи является его ориентированность на достижение консенсуса (в отличие, например, от выступления в парламентских дебатах).

Ключевые слова: медиасобытие; медиатексты; дискурс; лингвокультурное сообщество; ценностные ориентации.

Key words: media event; media texts; discourse; linguo-cultural community; cultural values.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.

А. Ю. Хахалева

МГЛУ, г. Москва

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Информационный бюллетень (*англ. newsletter*) является одним из жанров PR-дискурса и определяется как периодическое издание, «которое рассказывает о текущих новостях и событиях компании или предприятия, крупных контрактах и выгодных сделках, объясняет философию и политику фирмы для сотрудников и потенциальных клиентов» (Кривоносов, 2002). В настоящем исследовании информационный бюллетень рассматривается как коммуникативное событие, осуществляющееся по определенному сценарию. Цель данного коммуникативного события состоит в создании и поддержании положительного имиджа субъекта PR-деятельности в сознании аудитории.

Сегодня наиболее популярным каналом распространения текстов информационного бюллетеня стал Интернет. Ньюслеттер, рассылаемый по электронной почте, обладает основными характеристиками интернет-дискурса. Обращение к виртуальной коммуникации дает компании определенные преимущества, которые включают высокую скорость распространения информации, широкий охват аудитории, возможность применения аудиовизуальных средств. Выбор средств воздействия на аудиторию определяется стратегией компании.

Комбинирование вербальных и аудиовизуальных семиотических систем в одном тексте подразумевает новый способ формирования значения, в котором смысл является результатом взаимодействия данных систем (Халеева, Ирисханова, Писанова и др., 2011). Полиmodalность позволяет сделать описание события или явления более ярким и иллюстративным. Важным инструментом становится символика цвета и образов.

В докладе планируется представить результаты изучения информационных бюллетеней компаний «Coca-Cola», «PepsiCo», «Ford» и определить роль полиmodalных средств в презентации коммуникативных событий в рамках интернет-дискурса.

Ключевые слова: информационный бюллетень; PR-дискурс; Интернет-дискурс; полиmodalность; аудиовизуальные средства.

Key words: newsletters; PR-discourse; Internet-discourse; multi-modality; audio-visual means.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кривонос А. Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. – 2-е изд., доп. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
2. Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий : монография / И. И. Халеева, О. К. Ирисханова, Т. В. Писанова и др. – М. : Рема, 2011.

Е. Ю. Хрисонопуло

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
г. С.-Петербург

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БУДУЩЕГО СОБЫТИЯ В ДИАЛОГЕ (на примере предикаций с глаголом *will* в английских условных придаточных предложениях)

Событие представляет собой одну из понятийных категорий, которое во многих языках, как правило, связывается с глагольной категорией времени. В частности, в английском языке наиболее частотной формой репрезентации будущего события является конструкция с модализованным вспомогательным глаголом *will*, которая может употребляться в составе условного придаточного предложения для передачи как волитивных, так и собственно прогностических смыслов (Wekker 1976; Close 1980).

В настоящей работе ставится цель выявить особенности осмысления будущего события, которое выражается условным придаточным предложением с глаголом *will* в диалогическом дискурсе. Дискурсивная ориентация исследования предопределила обращение к тезису когнитивной грамматики об интерактивной природе значения языковых единиц различных уровней, что выражается, как показано в работе Р. Лангакера (Langacker 2013), в соотносении языковых единиц с коммуникативной структурой, называемой «пространством текущего дискурса» (current discourse space), включающем, в свою очередь, различные интерактивные фреймы.

Материалом для исследования послужили примеры (общим числом 250), которые представляют диалогический дискурс в текстах

англоязычной художественной литературы. В работе анализируются четыре типа употреблений: (1) просьбы (*I will be obliged, if you will introduce me to them*); (2) «этикетные условия» (*I will take a cigar now, if you will excuse me*); (3) ситуационные условия (*If he will trust us, we will find some solution*); (4) мотивы для осуществления последующего действия (*If it will make you feel any better, I'll take it back*).

Как свидетельствуют языковые данные, репрезентация будущего события с помощью предикации с глаголом *will* в придаточных условия предопределяется факторами когнитивно-дискурсивного характера в условиях диалогического взаимодействия. К этим факторам относятся: (а) установление субъектно-предикатной взаимосвязи в придаточном предложении как предпосылки для осуществления действия, описанного в главном предложении; (б) экспериенциальный характер знания о будущем событии в придаточном условия; (в) осмысление референта подлежащего в придаточном условия в качестве ориентируемой сущности.

Ключевые слова: будущее событие; придаточное условия; предикация; диалог; дискурс.

Key words: future event; conditional clause; predication; dialogue; discourse.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Close R. A.* Will in if-clauses // Greenbaum S., Leech G. and J. Svartvik (eds.). Studies in English linguistics for Randolph Quirk. – London & New York: Longman, 1980. – P. 100–109.
2. *Langacker R. W.* Interactive cognition: toward a unified account of structure, processing and discourse // International Journal of Cognitive Linguistics. – 2013. – Vol. 3. N 2. – P. 95–125.
3. *Wekker H.* The expression of future time in contemporary British English. – Amsterdam: North Holland, 1976.

Е. Н. Цветаева

МГЛУ, г. Москва

ПРОЦЕСС «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО» ОТКРЫВАНИЯ ДВЕРЕЙ КАК МЕНТАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В докладе рассматривается один из структурирующих элементов пространства, осваиваемый человеческим сознанием

и находящий регулярные и разнообразные формы реализации в языке. Основой анализа служит соответствующая лексема немецкого языка – *Tür* (рус. *дверь*) и родственная ей этимологически Тоґ со значением «ворота», а также схожие по семантике лексемы, как из немецкого, так и из других языков, которые используются для сопоставления и получения наиболее полной информации.

Являясь частью мифопоэтического пространства и сохраняя свои архетипические свойства, дверь представляет собой универсалию. Во всяком случае, в рамках индоевропейской культуры мы можем опираться на накопленные мифологами знания в области осмысления мифопоэтического пространства, к которому она принадлежит как неотъемлемый элемент.

Нас будет интересовать феномен «априорной закрытости» двери, а именно проявление этого свойства в немецком языке, прежде всего во фразеологии. При концептуализации окружающего мира современная немецкая фразеология с компонентом *Tür* играет существенную роль, устойчивые выражения разного типа вербализуют все возможные ипостаси двери.

Прежде всего, дверь – это связь между внешним миром и внутренним пространством дома. Благодаря своей функции входа-выхода во фразеологии она является воплощением для номинации контактов и взаимодействия с социумом, в том числе: поиска контактов, их установления или прерывания.

Феномен «закрытой двери» заключается в том, что ее «закрытость» уже предполагает ее «открывание», в семантической структуре двери во многих индоевропейских языках присутствует значение любого «входа», которое реализуется «открыванием» того, что изначально было закрыто.

Ключевые слова: мифопоэтическая модель мира; пространство; свое и чужое; семантические трансформации.

Key words: mythopoetic world model; space; we / they dichotomy; semantic transformations.

К. А. Цветкова

МГЛУ, г. Москва

АНАЛИЗ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПРИ СРАВНЕНИИ СТРАНИЦ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В XXI в. информация воспринимается как один из главных и ценных источников знания, производительная сила общества и решающий фактор его развития, а также как необходимый (информационный) продукт общества.

Понятие «мультимодальность» родственно понятию «мультимедийность»: в настоящем исследовании мультимодальность гипертекстов рассматривается как совокупность аудиовизуальных характеристик – цвет, шрифт, формат, иллюстрация, анимация и звук, присущих текстам и графике страниц сети Интернет.

Предметом изучения выбраны русско-, испано- и англоязычные страницы международных компаний-производителей товаров и услуг, а также сайты различных сфер деятельности – экономики, промышленности и спорта: 1) ОАО «Газпром», «Repsol», «British Petroleum»; 2) «ZARA Inditex», «Marks&Spencer», МОАО «Большевичка»; 3) ОАО «АвтоВАЗ», «SEAT Volkswagen Group», «Jaguar Land Rover Limited»; 4) ПФК «ЦСКА», ФК «Манчестер Юнайтед» (FC Manchester United), ФК «Барселона» (FC Barcelona).

Основной причиной выделения вышеназванных сфер является их целевая направленность, выявляемая при анализе компонентов и основных задач веб-страниц выбранных компаний. Следовательно, это отражается в архитектонике и графико-анимационном оформлении сайтов в сети Интернет.

Один из методов анализа веб-страниц, использованных в исследовании, сводится к классификации интернет-дискурса на основе группы признаков, а именно: характерная типология для сайтов каждой из рассматриваемых областей и связанная с этим система строения сайта и способ подачи информации пользователю. Во-вторых, классификация сайтов в соответствии со стратегиями и приемами воздействия на сознание аудитории, а также целями и функциями интернет-дискурса в исследуемом материале. Мультимодальный подход к разнообразию контента веб-страниц предполагает оценку и анализ цвета, шрифта, формата, иллюстраций, анимации и звука.

Таким образом, состояние коммуникативной среды современного общества, где все большую роль играют «мультимодальные» тексты, требует от исследователя навыков распознавания информации, которую несут в себя не только вербальные, но и невербальные семиотические проявления, которые являются материальным выражением феноменов репрезентативной культуры (идей, представлений, традиций, норм, ценностей и т. д.).

Ключевые слова: мультимодальность; культура; семантика; интернет-дискурс; институциональный дискурс; картина мира; лингвокультурный анализ.

Key words: multimodality; culture; semantics; internet-discourse; institutional discourse; linguistic world-image; linguocultural analysis.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова А. Г.* Лингвистические особенности электронного общения: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru>, <http://cyberleninka.ru/article/n/differentsialnyei-zhanrovyie-osobennosti-kompyuternogo-internet-diskursa>.
2. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.
3. *Кравченко А. В.* Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 320 с.
4. *Александрова О. В.* Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/07.htm>.

Н. Б. Цибуля

МГЛУ, г. Москва

СООТНОШЕНИЕ ЖЕСТОВ, ПРОСОДИИ И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

Автор рассматривает известную классификацию жестов, разработанную американскими учеными П. Экманом и У. Фризенем, которая включает такие жесты, как эмблемы, иллюстраторы, регуляторы, аффективы и адапторы.

В докладе подробно анализируются жесты-иллюстраторы и их функции, а также излагаются результаты эксперимента, проведенного автором.

Целью эксперимента является: 1) исследование соотношения между динамикой жеста и динамикой просодии; 2) анализ соответствия между пространственными характеристиками жестов и значениями слов, которые они сопровождают.

Материалом исследования являются британские и американские художественные фильмы, а также видеозаписи спонтанной речи Лондонского университета. Для анализа жестов и просодии использовались компьютерные программы.

В результате проведенного эксперимента сформулированы следующие выводы: с помощью жестов-иллюстраторов говорящий моделирует пространство вокруг себя, формы и размеры предметов и людей. К более сложным функциям иллюстраторов относится моделирование действий, а также абстрактных понятий. Существует корреляция между значением слова, динамикой жестов и динамикой просодических характеристик.

Ключевые слова: динамический аспект; жесты-иллюстраторы; просодия; функции иллюстраторов; моделирование пространства.

Key words: dynamic aspect; gestures-illustrators; prosody; functions of illustrators; modelling of space.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой англо-русский словарь: в 2 т. / под ред. И. Р. Гальперина. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 1. – 822 с.
2. Корлыханова Е. Л. Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 178 с.
3. Ekman, P., Friesen, W. V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // *Semiotica*. – The Hague, 1969. – No 1. – P. 49–98.
4. Ekman, P. Emotional and Conversational Nonverbal Signals // *Language, Knowledge, and Representation // Philosophical Studies Series*. – 2004. – Vol. 99. – P. 39–50.

О. М. Шишова

МГЛУ, г. Москва

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НОРМА ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере немецкоязычного сетевого дневника)

Сетевые дневники являются не просто новым средством коммуникации, но и новой социокультурной средой. В них стихийно складываются формы и нормы поведения, частично путем переноса существующих в данной культуре норм, частично выведенные из практики живого общения в виртуальной среде.

Участники виртуальной коммуникации должны владеть соответствующей компетенцией, т. е. знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешного процесса коммуникации в рамках данной ситуации. Пишущему требуется наиболее точная и адекватная передача эмоциональных компонентов речи для правильной интерпретации сообщения реципиентом (Анищенко, 2011, с. 16).

Взаимный доброжелательный настрой находит конкретное языковое выражение. Целью исследования является выявление вербальных средств реализации этикетных коммуникативных действий. Особое значение для сетевой коммуникации приобретает класс экспрессивов, поскольку они связаны с эмоциональным отношением говорящего к адресату.

Экспрессивы являются частью коммуникативно-прагматической нормы, которая объединяет лингвистические и паралингвистические правила построения текстов в определенной типовой ситуации с определенной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата (Анисимова, 2003, с. 9).

Класс экспрессивов распадается на этикетные и экспрессивно-оценочные речевые акты.

К первому типу речевых актов относятся такие речевые действия, с помощью которых «адресату регулярно сообщается об уважительном отношении к нему самому или к тому институту, представителем или символом которого он является» (Goffmann, цит. по Трофимова, с. 29). Интенцией продуцента является выражение уважительного отношения к реципиенту, оказание внимания. К этикетным речевым действиям относятся приветствие, прощание, пожелание, поздравление.

Экспрессивно-оценочные речевые акты служат для выражения отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и межличностных ролей (Трофимова, 2008, с. 22–23). Интенцией говорящего является коррекция негативного или поощрение позитивного поведения реципиента.

Экспрессивно-оценочными речевыми актами являются комплимент, благодарность, порицание, извинение.

Ключевые слова: блог; сетевой дневник; этикетный речевой акт; экспрессивно-оценочный речевой акт; коммуникативная норма.

Key words: weblog; personal journal; etiquette speech act; expressive-evaluative speech act; communicative norm.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. *Анищенко А. В.* О некоторых особенностях реализации эмоциональных концептов в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – Вып. 624. – С. 15–22.
3. *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

К. И. Шпетный

МГЛУ, г. Москва

СОБЫТИЕ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРАТОРСКОГО ДИСКУРСА В ДИАХРОНИИ. ЧАСТЬ II

Искусство красноречия, как событие едва ли не уникальное, занимает особое место в истории человеческой мысли и практики. Оно издревле высоко ценилось во всех просвещенных народах, имея своим предназначением преподнести людям ясное понимание происходящих событий при переходе от сложившихся порядков, обычаев и традиций к изменившимся условиям, нововведениям и инновациям.

Само искусство ораторского красноречия представляется весьма редким даром Божиим, которое промыслительно ниспосылается

отдельным личностям в истории на изломе исторических, политических и социальных сдвигов в цивилизациях.

Часть II исследования когнитивно-стилистических особенностей ораторского дискурса в диахронии посвящена рассмотрению характеристик образцов красноречия известных риторов в эпохи Просвещения (XVIII–XIX вв.) и Глобализации (XX–XXI вв.):

- русского ученого-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765);
- российского юриста и судебного адвоката Анатолия Федоровича Кони (1844–1927);
- митрополита Николая Крутицкого и Коломенского (Ярушевича) Русской Православной Церкви (1891–1961);
- епископа Николая Охридского и Жичского (Велимировича) Сербской Православной Церкви (1880–1956)²;
- афроамериканского политика и проповедника Мартина Лютера Кинга (1929–1968);
- кубинского лидера Comandante Фиделя Кастро Рус (г. р. 1926).

Анализ образцов ораторского дискурса указанных ораторов осуществляется на материале оригинальных произведений, именно на русском, английском и испанском языках; тексты епископа Николая (Велимировича) приводятся на русском языке.

Используемые в работе принципы и приёмы научного исследования ораторского дискурса можно было бы назвать когнитивно-стилистическим методом.

Искусство красноречия является дисциплиной научного знания, которая со времен античности служила целям формирования и воспитания интеллектуально развитой и социально активной личности, владеющей умениями и навыками аргументативного дискурса, архетипической установкой которого является убеждение.

Аристотелю принадлежит честь научного обоснования искусства риторики как особого дара речи, и она является содержанием единственного дошедшего до нас его сочинения по ораторскому искусству «Риторика» (около 355 до Р.Х.). Его определение риторики как способности находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета, не теряет своей силы и сегодня.

Проведённый анализ ораторской речи в диахронии, в котором охарактеризованы дистинктивные лингвистические признаки ораторского дискурса анализируемых двенадцати риториков, позволяет предложить периодизацию истории возникновения и развития искусства ораторского красноречия:

- I. Классицизм (V–I вв. до Р.Х.).
- II. Раннее христианство (I–IV вв.).
- III. Возрождение (V–XVII вв.).
- IV. Просвещение (XVIII–XIX вв.).
- V. Глобализация (XX–XXI вв.).

Ключевые слова: лингвистическая стилистика; когнитивная наука; прагматика; ораторский дискурс; риторика; архитектоника; ясность мысли; убеждение.

Key words: linguostylistics; cognitive science; pragmatics; oratory discourse; rhetoric; architectonics; clarity of thought; persuasion.

И. Ю. Эсаулова

Луганский ун-т им. Т. Шевченко, г. Луганск, Украина

ПРАГМАТИЧНОСТЬ ДИСКУРСА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Дискурс неопределенности обладает лингвистическими и экстралингвистическими признаками, находящими свою реализацию в создании пространства неопределенности (понятийного, когнитивного, психологического и др.)

Экстралингвистические параметры дискурса неопределенности выражены в его прагматичности и передают особые формы речевого воздействия. Дискурс неопределенности обладает особым интенциональным пространством, свойственным бытовой, повседневной, политической, масс-медийной и непрямой коммуникации, и выражает особые тактические, ментальные и когнитивные установки участников общения.

Дискурс неопределенности является полидискурсивным образованием, в рамках которого взаимодействуют различные виды дискурса: политический дискурс, дискурс масс-медиа, рекламный дискурс, повседневный, бытовой, персональный и институциональный (Карасик, 2000), дипломатический, научный, массово-информационный и др.

Выявлены следующие параметры дискурса неопределенности: стратегичность, прагматичность, интенциональность, находящие свое выражение в различных видах интриги, лжи, эмоционально-го и психологического воздействия. Исходя из того, что дискурс выступает в качестве властного ресурса, оказываясь объектом желаний, опасений, контроля (Фуко, 1996), дискурс неопределенности передает особые стратегические установки. Когнитивная неопределенность находит реализацию в дискурсе неопределенности и является мощным источником психологического манипулирования и контроля.

Интенциональные установки участников коммуникации выражены в выборе определенных языковых средств: употреблении неопределенных местоимений и местоименных слов (когда-нибудь, кое-что и др.), а также слов, с семой неопределенности (несколько, наверное, неоднозначность, необдуманность и др.); незавершенности предложения (недосказанность), порядке слов (пять часов – часов пять), специфической интонации и др.

Прагматика дискурса неопределенности имеет этические характеристики и реализуется в тактике вежливости и речевого этикета. «Вежливость рассматривается как стратегия речевого общения, направленная на избежание конфликтов и достижение максимально успешного общения» (Кожетева, 2012). Вежливость выполняет контролирующую и защитную функции, способствует успешной коммуникации в дискурсе неопределенности. Когнитивная неопределенность, сопровождающая интеракцию, скрывает истинные интенции и ментальные установки участников общения. Несмотря на то, что участники дискурса неопределенности прибывают в когнитивной неопределенности, пересечение когнитивных множеств участников дискурса позволяет «понимать друг друга с той степенью достаточности, которая и требуется в каждом конкретном случае» (Дементьев, 2000).

Таким образом, дискурс неопределенности находит свою реализацию в речевом воздействии, стратегической постановке коммуникации, передавая ментальные интенции участников дискурса. Определенные стратегии и тактики дискурса неопределенности влияют на адресата, выстраивая прагматически-обусловленную интеракцию.

Ключевые слова: дискурс неопределенности; прагматика; интенция; не прямое общение; интеракция.

Key words: uncertainty discourse; pragmatics; intention; indirect communication; interaction.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов, 2000. – 248 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
3. Кошетева А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 22 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. – М. 1996. – С. 74.

Н. М. Юрѳева

Институт языкознания РАН, г. Москва

СТРУКТУРА СОБЫТИЯ В УСТНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ДЕТЕЙ

В устных историях детей отражаются представления о мире, о событиях, происходящих вокруг них, об их восприятии этих событий. Все это связано с внутренними когнитивными процессами, ведущими к некоторому «кванту» когнитивного содержания, из которого выкристаллизовываются пропозициональные и языковые структуры различной сложности. В речевой деятельности ребенка факты устного повествования являются своеобразной призмой, отражающей не только более зрелую стадию овладения языком и речью, но и переход к дискурсивному явлению высшего ранга, кумулирующему переплетение когнитивного и лингвистического опыта ребенка.

Особый интерес для исследователей представляет проблема отношения повествования-текста к событиям, отраженным в повествовании в их взаимосвязи, а именно, как некоторая исходная последовательность событий, превращенная в представление ребенка о событиях, получает ту или иную репрезентацию в устном повествовании.

Для процесса повествования значимыми являются когнитивные (ментальные) структуры, сформированные у ребенка к конкретному периоду развития. По данным ряда исследований к таким структурам следует отнести когнитивные структуры «предметы» и «событие» (Олпорт, 1999, с. 74), при этом высказывается мнение, что основной ментальной структурой, получающей актуализацию в «повествовательном продукте», является ментальная структура «событие» (Шабес, 1989). Когнитивная структура «событие» является чрезвычайно динамичным и сложным ментальным образованием, уходящим своими корнями в ранний онтогенез и связанным с формированием «ядерных систем репрезентации» объекта и субъекта (Сергиенко, 2009, с. 134–138), которое проходит в своем становлении не одно относительно статичное состояние. В отечественной и зарубежной науке материалов и конкретных данных о становлении в онтогенезе такого сложного когнитивно-семантического образования совсем немного.

Цель проведенного анализа состояла в том, чтобы на основе массива экспериментальных материалов, собранных в экспериментах с детьми-дошкольниками по рассказыванию одной истории, проследить развитие событийной структуры в различные периоды дошкольного онтогенеза. В результате выявлены разнообразные формы повествования, отражающие когнитивную «событийную» структуру. Одновременно определены различные когнитивно-дискурсивные стратегии (Сигал, Бакалова, Пушина, Юрьева 2013, 96–136), участвующие в процессе создания и воссоздания «событийного» образа в устной речи детей-дошкольников. С помощью когнитивно-дискурсивных стратегий происходят речемыслительные процессы развертывания образа «события» ребенком в повествовательном дискурсе и его продуктах.

Ключевые слова: устное повествование; ментальная структура «событие» в онтогенезе; когнитивно-дискурсивные стратегии.

Key words: oral narrative; mental «event» structure in ontogenesis; cognitive-discourse strategies.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олпорт Ф. Х. Феномены восприятия // Психология ощущений и восприятия. – М., 1999. – С. 67–76.

2. *Сергиенко Е. А.* Принципы дифференциации-интеграции и континуальности-дискретности психического развития // Теория развития. Дифференционно-интеграционная парадигма. – М., 2009. – С. 134–138.
3. *Сигал К. Я., Бакалова З. Н., Пушина Н. И., Юрьева Н. М.* Очерки по синтаксису связной речи. – М., 2013. – 142 с.
4. *Шабес В. Я.* Событие и текст. – М., 1989. – 175 с.

Т. Н. Яблокова

МГИМО МИД РФ, г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО В ЛИНГВИСТИКЕ

На стыке психологии, философии, лингвистики, возникли такие междисциплинарные области, как антропологическая лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, которые позволяют по-новому взглянуть на проблему эмоций.

Изучение эмоций с позиций когнитивной лингвистики позволяет выделить эмоциональные концепты, рассматривающие эмоции как когнитивную интерпретацию окружающей действительности. В рамках коммуникативного подхода ведутся исследования прагматического аспекта эмоциональной коммуникации, описываются типичные ситуации речевого взаимодействия коммуникантов в состоянии эмоциональной напряженности. Объектом изучения антропологистов является происхождение эмоций, их репрезентация в эволюции языка с целью воссоздания целой картины человеческого мышления.

В сферу научных интересов многих лингвистов входит эмотиология (лингвистика эмоций), в центре изучения которой стоят эмотивность языка, речи, текста. Актуальным также является новое направление лингвистики эмоций – эмотивная лингвоэкология, представляющее собой интеграцию эмотиологии, культуры речи и валеологии.

Значительный ряд лингвистических работ посвящен семантическим исследованиям эмотивной лексики (М. Г. Апресян, В. А. Мальцев, И. И. Квасюк, В. И. Шаховский, Е. Ю. Мягкова), парадигматике эмоционального синтаксиса (Н. Ф. Жучкова, И. И. Намталишвили, Т. Н. Синеокова), эмотивным элементам текста (С. В. Ионова, В. И. Шаховский, М. М. Сулова и др).

Для описания эмоционального аспекта в языке автор применяет метод дескрипторов. Под эмоциональным дескриптором понимается слово, словосочетание слов или предложение текста, семантика и структура которых помогают установить выражение общей эмоциональности, а также специфицировать эмоцию, выражаемую данным предложением. Семантико-синтаксические особенности языкового проявления эмоций в речи исследуются на уровне диктемы, которая является минимальной тематической единицей связной речи, в монологическом тексте представленная, как правило, абзацем, в диалогическом тексте представленная целой репликой. Эмоциональные дескрипторы являются материальным признаком эмоциональной диктемы, эмоциональность которой реализуется за счет высокой плотности эмотивных элементов всех уровней.

Ключевые слова: эмоциональность; эмотивность; эмотивная лингвистика; эмоциональные дескрипторы; эмоциональная диктема.

Key words: emotionality; emotivity; emotive linguistics; emotional descriptors; emotional dicteme.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блох М. Я.* Диктема в уровневой структуре языка // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сб. статей к юбилею проф. М. Я. Блоха: в 2 ч. – Ч. I. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 10–31.
2. *Шаховский В. И.* Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – № 1(19). – М., 2014. – С. 13–22.
3. *Юдина Н. Е.* К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 18 с.
4. *Linguistic approaches to emotions in context.* – VI. – Amsterdam: John Benjamins, 2014. – 364 p.

Научное издание

СОБЫТИЯ В КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ
EVENTS IN COMMUNICATION AND COGNITION

19–20 мая 2016 года

Материалы Международной научной конференции

The International Conference
Book of Abstracts

Издание подготовлено в авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуряков*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 29.04.2016 г.
Усл. п. л. 11,0. Формат 60х90/16
Заказ № 1387

Адрес редакции:
Москва, Остоженка, 38
Тел. / факс: 245-33-23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru